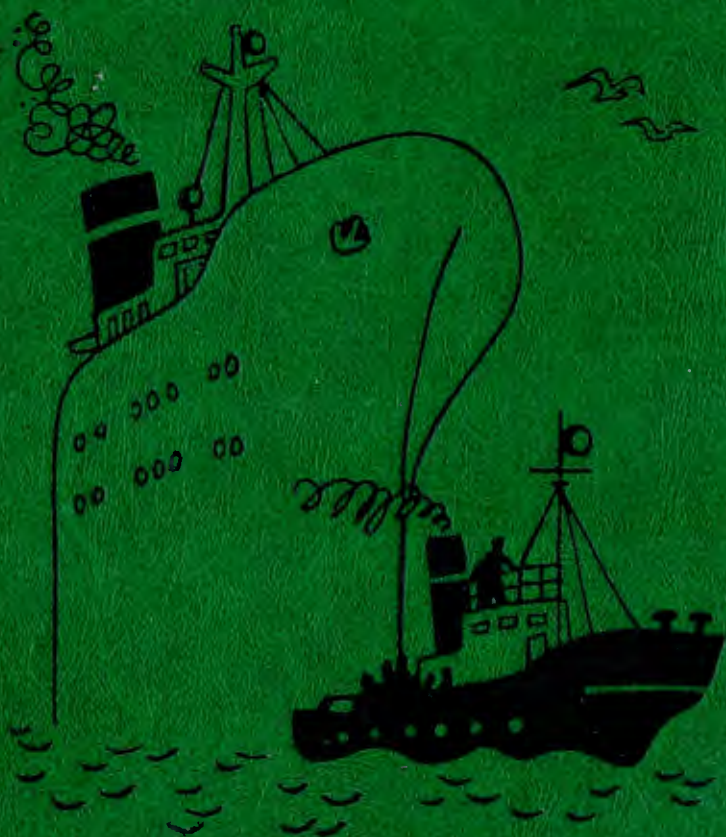

С. САХАРНОВ

ИЗБРАННОЕ

РАССКАЗЫ
И
СКАЗКИ

Foran

С. САХАРНОВ

ИЗБРАННОЕ

*Том,
первый*

РАССКАЗЫ
И СКАЗКИ

*Рисунки
М. Беломлинского*

МОСКВА

«Детская литература»

1987

С 4803010102—274 358—87
М101(03)87

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ

Было это, помнится, лет тридцать назад. Я зашёл к писателю Виталию Валентиновичу Бианки — в ту пору мы делали радиопередачу «Вести из леса» — и встретил у него незнакомого моряка. Виталий Валентинович, хитро на него поглядывая, говорит мне:

— Очередной мой мучитель!

Мне чуть неловко: моряк всё-таки, мундир, орденские планки... Но моряк не смущается. Это хорошо. Значит, он не думал поразить мир первым же своим рассказом. Понимает, к кому пришёл и зачем. Виталий Бианки — писатель старый и опытный. К советам его многие прислушиваются.

Мы познакомились. Моряк — Святослав Владимирович Сахарнов — приехал с Тихого океана. Заговорили, конечно, о море. Это было время, когда люди особенно серьёзно занялись изучением морских глубин. Говорили мы о подводных домах, об аквалангистах, об обитателях морского дна. Мы оба опускались под воду, и нам было о чём поговорить.

Сахарнов рассказал, как однажды торпедный катер, которым он командовал, повредил винты. Вместо водолаза к винтам опустился он сам. Опустился и ахнул: чудеса кругом! В сухопутном мире, в котором мы с вами живём, звери и птицы движутся головой вперёд. А под водой? Морской конёк головой вверх движется,

камбала на боку плывёт, а десятирукий кальмарчик — тот и вовсе хвостом вперёд норовит! Сказочный мир. Даже тени ни у кого нет!

Очень он удивился. Вылез и написал свой первый рассказ. От удивления...

Через год мы встретились снова. И опять у В. В. Бианки.

На этот раз Святослав Владимирович вернулся с Чёрного моря. Читал нам повесть о том, как с маской и лапами опускался на дно. Называлась повесть «Разноцветное море». Очень она нам понравилась.

— Первая морская подводная книжка для детей! — сказал Виталий Валентинович, когда автор кончил читать. — Будем ждать, когда её напечатают.

Так Святослав Сахарнов стал писателем.

Книжки этой Виталий Валентинович так и не дождался. Она вышла уже после его смерти.

Сейчас у С. В. Сахарнова уже несколько десятков книг.

Сахарнов помнит советы В. В. Бианки. Первый из них: писатель должен много ездить и всё видеть своими глазами. И он много ездит. Побывал снова на Тихом океане у ловцов трепангов. На Чёрном море встречался с учёными, изучающими жизнь дельфинов. Был на берегах Ледовитого океана у охотников за белыми китами — белухами. Вместе с художником ездил на Курильские острова. И попали они там в землетрясение. Прошёл слух, что вот-вот нахлынет на берег гигантская волна — цунами. Приезжие новички перепугались и бросились бежать кто куда, а художник и Сахарнов остались. После землетрясения подходит к ним местный рыбак и говорит:

— Удивляюсь! Все спасаются кто куда, а вы на месте стоите и только головами по сторонам крутите.

Так работа у нас такая! — отвечают.

Что за работа? — спрашивает рыбак. Учёные, что ли?

Да нет, я художник, а он писатель...

Самим увидеть, самим испытать — для этого путешествуют писатели и художники.

Я был с Сахарновым в Африке и в Индии, и повсюду с нами были помощники — фотоаппараты и записные книжки, а у Сахарнова ещё ласты и маска. «Всё видеть своими глазами...»

Из поездок Святослав Владимирович приносит рукописи, иногда толстые, иногда тонкие, но все про море, про моряков.

Про моряков не просто писать. Моряки — особый народ. С ними не один год бок о бок пожить надо, чтобы всё понять. Моряки даже говорят по-особому. Моряк не скажет «поплыл», скажет «пошёл». Всё у моряков «идёт»: прилив «пошёл», катер «идёт», рыба, когда ловиться начнёт, тоже «пошла», якорь, цепь ползёт на палубу — тоже «идёт». В рассказах Сахарнова много «морских» слов, и все они к месту, все в работе. Они помогают нам понять водолазов, когда те поднимают затонувшие корабли, узнать о беспокойной работе радистов, пережить заботы и сомнения старого лоцмана, ведущего баржу по капризной реке.

Кроме морских рассказов, в последние годы Сахарнов написал много сказок. Есть у него и толстые книги для ребят постарше; есть одна, совсем удивительная — «По морям вокруг Земли. Детская морская энциклопедия». Ее он писал, можно сказать, всю жизнь. Написал, выпустил, как спускают на воду корабль, и теперь она живёт своей судьбой: выходит в разных странах, путешествует по книжным выставкам, получает в состязаниях с другими книгами призы.

Это и есть счастье писателя — сделать такую книгу.

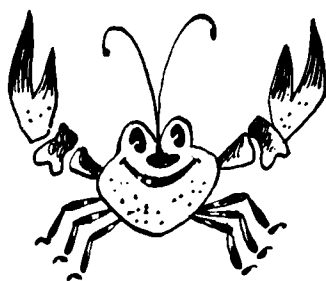
Книжки Сахарнова читают не только наши ребята, их читают в Японии, Индии, Польше, Испании, читают юные немцы и французы, англичане и чехи. Читают и узнают нашу страну, наших людей, узнают про Мировой океан и про моряков: про знаменитых мореплавателей и простых матросов.

Ну, а их автор, что — он?

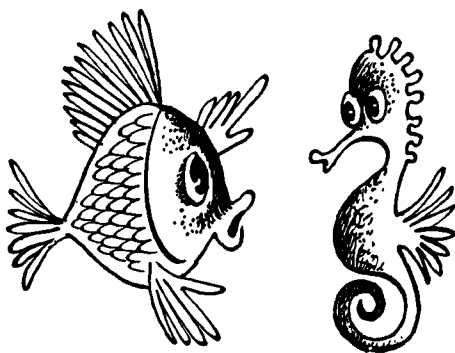
Все видели на берегах или на стенах у мостов надписи: «Не бросать якорей!» Это к тому, чтобы не повредили якорями трубы и электрические кабели, проложенные по дну. Но слова эти можно прочесть и иначе: «Не бросайте якорей прежде времени, не изменяйте морю, путешествуйте, трудитесь!»

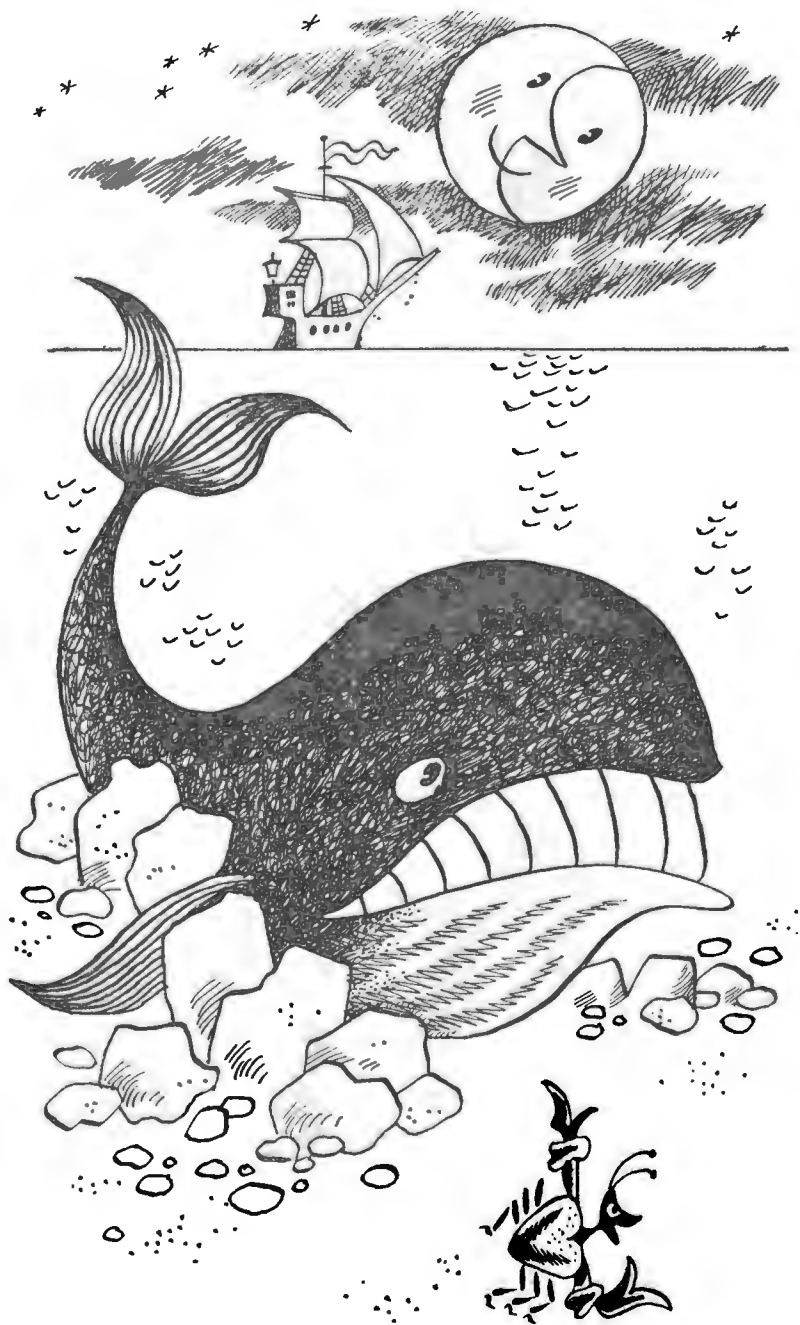
Сахарнов верен этому приказу. Много морей и стран на нашей планете. Значит, ждут писателя новые путешествия, а читателей — новые интересные книги.

Н. С л а д к о в

МОРСКИЕ СКАЗКИ

КАК КРАБ КИТА ИЗ БЕДЫ ВЫРУЧИЛ

Охотился кит за рыбьей мелочью.

Рыбья мелюзга в океане тучами ходит. Кит набежит, пасть разинет — ап! — и полон рот. Пасть захлопнет, воду сквозь усы процедит. Всю мелюзгу — в глотку. Глотка-то у него маленькая.

Рыбёшка, как увидит кита, — сразу к берегу. Кит за ней.

Разбежался — рраз! — и вымахал на берег.

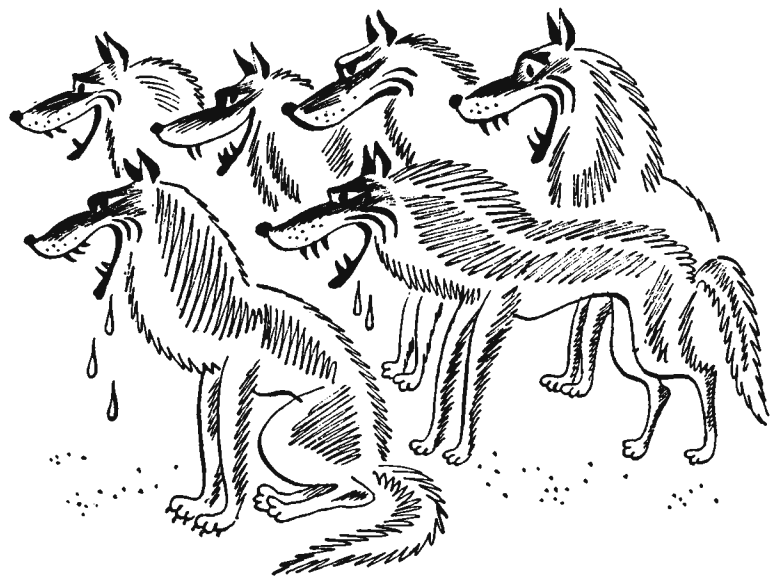
Хорошо, что кит — зверь, а не рыба: без воды не помрёт.

Лежит на песке, как чёрная скала, — ни туда ни сюда. Тяжко вздыхает: жди теперь, когда вода придёт!

Тут по берегу волки.

Голодные.

Рыщут, чем бы поживиться. Видят — гора мяса. Едва шевелится.

Подбежали. «С какого бока начинать?» — прикидывают.

Увидел это из воды краб.

«Конец киту! — думает. — Свой морской зверь — надо выручать».

Вылез на берег.

— Стойте! — кричит волкам. — И я с вами. Кита на всех хватит. Вот дождёмся — все и примемся.

Волки остановились.

— Чего ждать-то?

— Как — чего? Не знаете разве: кита только при луне едят. Чем луна выше, тем китятина вкуснее!

Удивились волки, но спорить не стали. Краб в океане живёт, с китом. Ему, пучеглазому, видней.

Расселись на берегу вокруг кита, морды кверху задрали.

Уж вечер — недолго ждать луны-то!

Кит лежит, вздыхает.

Вот из-за горы луна выглянула и поползла вверх по небу.

Волки сидят, молчат, на кита смотрят. Не замечают, что в океане вода поднимается. С голоду зубами щёлкают. На краба поглядывают: не пора ли за кита приниматься?

Краб сидит себе, клешнями бока поглаживает.

Вдруг чуют волки — сидеть мокро стало.

Отбежали к горе и с кита глаз не спускают.

Стала луна у волков над головами.

Почуял и кит под собой воду. Вздохнул, набрал полную грудь воздуха да как даст хвостом! Брызги во все стороны.

Волки врассыпную.

Кит воду хвостом пенит, на волков волну гонит. Волки — на гору.

Кит развернулся головой к морю, забурлил хвостом и пошёл, пошёл! Выплыл на глубину, набрал воздуха — и пропал. Только его хвост и видели.

И краб потихоньку — боком, боком — за ним.

Опомнились волки — ни кита, ни краба! Долго на

берегу сидели. То вверх, на луну, поглядят, то вниз, на воду.

Ничего не понимают — народ сухопутный. Откуда им знать, что на море-океане отливы бывают и приливы!

И чем луна выше, тем приливы сильнее.

КОРАБЕЛЬНАЯ МУХА И БРЫЗГУН

Жила на корабле муха.

Больше всего на свете любила она давать советы.

Тянут матросы канат — муха тут как тут!

Ж-ж-живей! Раз-з-зом, раз-з-зом!

Гудит, пока не прогонят.

Залетела муха на корабельную кухню — камбуз. Там повар — кок, весь в белом, — компот варит.

Села муха на полку, где стояла соль, и зазвенела:

— Из-з-зюм з-з-забыл, из-ззюм! З-з-зря, з-з-зря!

У повара изюм давно положен. Терпел он, терпел — да как хлопнет полотенцем. По мухе не попал, а соль в компот — бух!

Муха вон из кухни.

Видит: на палубе корабельный пёс свой хвост ловит. Она к нему:

— С-з-зади, раз-з-зиня, с-з-зади! З-з-зубами, з-з-зубами!

Пёс — на муху. Прوماхнулся — да за борт бултых! Еле спасли.

А муха уже в щели сидит.

Как от неё, липучей, избавиться?..

Пришёл корабль в жаркую страну. Остановился. Вылезла муха из щели.

— Ж-ж-жарко! З-з-зной!

Села на борт в тени. Сидит, в воду смотрит.

Глядь — всплывает из глубины короткая, широкая рыба. Спина серо-зелёная, на боках четыре полосы.

Хотела муха дать рыбе совет, как лучше в воде

плавать. Не успела. Набрала рыба воды в рот — да как брызнет в муху!

Сбила её с борта. Полетела муха кувырком в воду! Пока летела, успела прожужжать:

— Ж-жуть!

А что жуть — неизвестно. Брызгун-рыба её — хоп! — проглотила.

ЧИЛИМ И ТРИ ПОЛЗУНА

Плавал чилим между камней, мшанку-зелень щипал.

Чилим — рачишка маленький, креветка усатая — как рыба, плавает, как блоха, скачет. Щёлк хвостом — и пропал.

Плавает, а в голове у самого: «Как бы отлив не прозевать!»

Посмотрел кругом — всё спокойно.

Бычок глазастый поверх ила лежит, добычу высматривает. Рачок-балянус в домике спит, усы выставил. Хороший у него домик: известковая бутылочка с крышечкой. Другой рак — отшельник — по дну бредёт, дом на себе тащит. Дом-то у него краденый — улиткина раковина.

Никто уходить не торопится — верно, отлив не скоро...

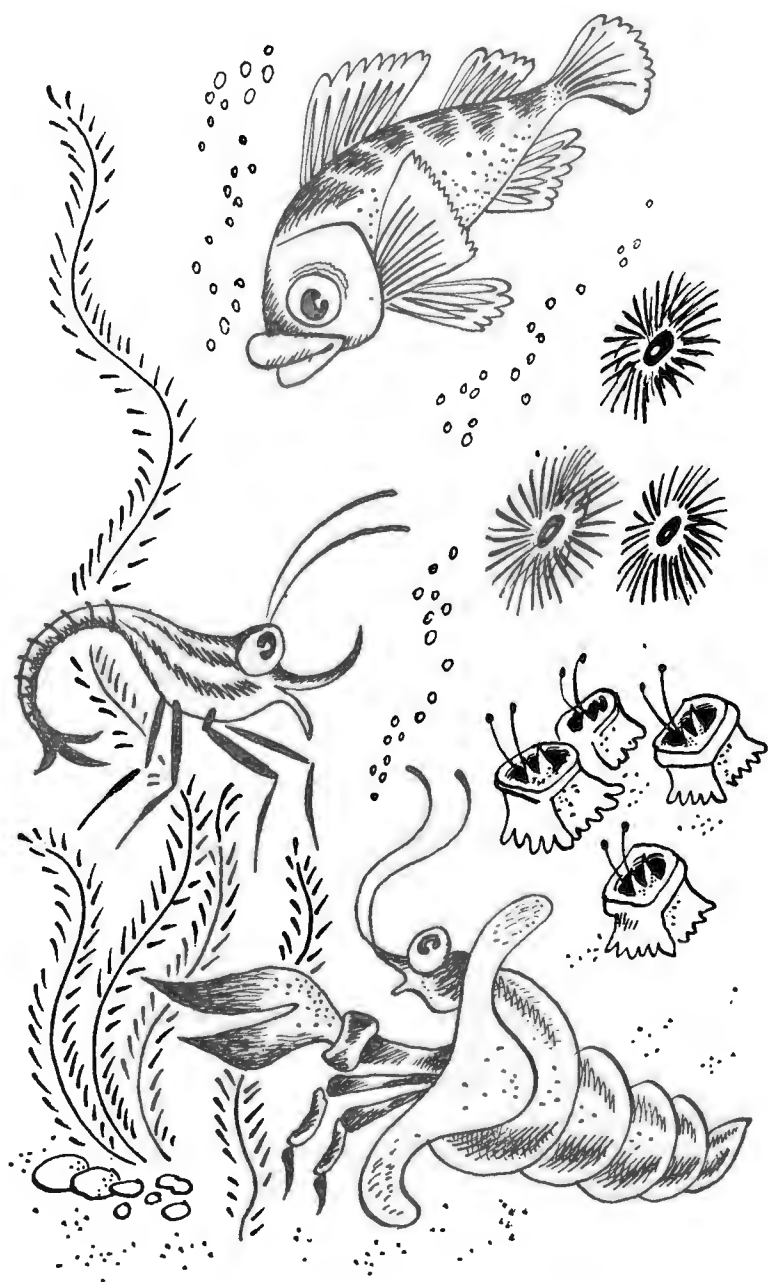
Вдруг видит чилим: на дне три коричневых шара. Что-то знакомое, а что — никак не вспомнит. Он к ним.

Только подплыл — сразу у шаров иголки торчком встали. Чилим назад — прыг!

А шары зашевелились и поползли по дну.

Забавно ползут! Выпускают между иголок жёлтенькие ножки-присосочки. Вытянется ножка, присосётся к камешку и потянет шар вперёд. За ней другая.

Ба! Да это же морские ежи! Как он их раньше не узнал?

Развеселился чилим. Хвостом щёлкает, вокруг ежей прыгает.

«Только бы до отлива в море уйти!»

Подумал — и снова забыл.

А ежи по камням ползут, позади себя три дорожки оставляют. Зелень с камней съели, как ножом сняли.

Влезли на большую глыбу, на самой макушке берутся.

Присмотрелся чилим.

— Ай, ай, ай! — даже подскочил от ужаса. — Ежи камень грызут!

Один приподнялся, стало видно: снизу у ежа рот, во рту пять белых зубиков. Молчат колючие, скоблят зубами камень. Выскоблил себе каждый ямку, лёг, иглы растопырил и давай кружиться, камень сверлить.

«Сумасшедшие! — решил чилим. — Делать им нечего».

Уходят ползуны потихоньку в камень, будто тонут. Камень мягкий — ракушечник. Стенки между дырами развалили — получилась общая яма на троих.

«Столько колючек, а в камень прячутся. Глупые!» — подумал чилим.

Хватился — нет вокруг воды. Проглядел отлив! Затрепыхался, забился. С камня на камень скачет, задыхается.

«Вот и пропал!»

Из последних сил подпрыгнул, перевернулся да в яму с водой — шлёп! Отдышался, видит — рядом иглы торчат. Так это он к ежам угодил! Ну до чего хитрые: яму-то не зря рыли! Им теперь отлив не страшен.

«А как другие морские жители! — вспомнил чилим. Высунул из ямы голову. — Поди, все погибли?»

Как бы не так!

Бычок в мокрый ил закопался. Один хвост торчит. Балянус в свой домик-бутылочку спрятался,

крышечку захлопнул. Рак-отшельник в раковину залез, вход клешнёй, как пробкой, заткнул.

У каждого свой запас воды:

у бычка — в иле,

у балянуса — в бутылочке,

у отшельника — в раковине.

Все устроились, все прилива ждут.

КАК ЛАСКИРЬ УЧИЛСЯ ХВОСТОМ ВПЕРЕД ПЛАВАТЬ

У ласкиря, морского карася, врагов в море — не сосчитать. Вечно он носится взад-вперёд, от чьих-нибудь зубов спасается.

И вот вздумалось ласкирю научиться хвостом вперёд плавать.

«Научусь,— думает,— и тогда дудки — никому меня не поймать! Поворачивать не нужно — от любого удеру. Только где такую рыбу найти, которая бы научила?»

Прослышал ласкирь, что неподалёку живёт морской конёк и что он не как все рыбы плавает.

Кинулся его искать. Видит — торчит из травы маленькая лошадиная голова. Грива лохматая, нос трубочкой.

— Эй,— кричит ласкирь,— выходи, лошадиная голова! Потолковать надо.

Качнулась трава, выплыла из неё рыбка. Плывёт стоямя, грудь вперёд, хвост колечком закручен.

— Зачем,— говорит,— звал?

Рассказал ласкирь.

— Нет,— говорит рыбка.— Я только головой вверх плавать умею. Поди-ка ты к камбале: она, говорят, тоже как-то по-своему плавает. Уж не хвостом ли вперёд?

Начал ласкирь камбалу искать.

Забрёл на песчаную отмель. Плывёт, на оран-

жевый песок смотрит. Перед самым его носом крабчонок-плавунец вертится.

Вдруг из песка какая-то рыбина как выскочит! Схватила плавунца и обратно на дно пошла.

Плывёт рыбина на боку, всем телом, как тряпка, колышется.

Ласкирь за ней.

— Уж не ты ли камбала будешь? — спрашивает.

— Я, — отвечает. Легла на дно и давай закапываться, плавниками песок на себя набрасывать.

Закопалась, одни глаза торчат.

— Ловко ты плаваешь! — говорит ласкирь. — А хвостом вперёд умеешь?

— Нет, — отвечает, — не умею. Но слышала я: далеко на юге, в тёплых реках, рыба-лист и синодонт-рыба живут. Те, говорят, по-всякому умеют.

Делать нечего. Отправился ласкирь за тридевять морей искать реки с диковинными рыбами.

Долго искал.

Бредёт раз по тёплой реке, видит: плывёт навстречу лист. Бурый, с тёмными жилками, лопаточкой кверху, черенком вниз.

А ласкирь-то голодный.

«Дай, — думает, — отщипну кусочек».

Только к листу сунулся, а тот в сторону как метнётся!

Ба! Да это же рыба! Висит в воде головой вниз, на подбородке лоскут, как черенок.

— Ну, — говорит ласкирь, — и дела! Вот ты где, рыба-лист! Ну-ка покажи, как хвостом вперёд плавать!

— Эко выдумал! — отвечает рыба. — Я только так — головой вниз — умею. Не мешай! Видишь, вон к той малявке подкрадываюсь!

И поплыла дальше.

Пришлось ласкирю синодонта искать. Выбился из сил, отошал, еле хвостом ворочает.

«В последнюю реку, — думает, — загляну — и домой!»

Зашёл в реку, глядит — плывёт странная рыба. У всех рыб спина тёмная, брюшко светлое, а у этой — наоборот.

Ласкирь к ней.

— Не видала ли,— спрашивает,— синодонта?

— Как не видать? — отвечает.— Я сама синодонт и есть!

Ласкирь от радости даже подпрыгнул.

— Научи поскорей,— молит,— хвостом вперёд плавать!

Усмехнулся синодонт, перевернулся брюхом кверху и говорит:

— Вот так плавать — спиной вниз — могу научить. Только у тебя для этого цвет неподходящий. Сам знаешь: плавать тёмным кверху нужно, чтобы птицам нас не так заметно было... А насчёт того, чтобы хвостом вперёд... сколько лет живу на свете, не слыхала, чтобы так плавали. Нет таких рыб!

Опечалился ласкирь, повернулся и пустился в обратный путь.

Плывёт между коралловых веток, а ему навстречу медленно-медленно хвостом вперёд рыба выплывает!

У ласкиря аж дух перехватило.

А рыба плывёт себе как ни в чём не бывало. Сама широкая, в жёлтых и бурых узорах, зубы как щетинки.

Через всю голову тёмная полоса идёт, глаз на ней и не видно. Зато с каждой стороны хвоста по чёрному пятну: ни дать ни взять — глаза!

Плывёт рыба этими пятнами-глазищами вперёд — ни за что не скажешь, что это она задом пятится.

Стал ласкирь с рыбой знакомиться, а это оказался щетинозуб, морскому окуню родня.

— Так и быть,— говорит,— выучу тебя хвостом вперёд плавать. Смотри!

Поставил щетинозуб хвост прямо, толкнулся плавниками от себя и подался назад. Потом ещё и ещё.

Только ласкирь хотел попробовать, откуда-то сбоку акулёнок выскочил. Целил щетинозуб схватить, да не разобрал, где у него голова, и пролетел! Ласкирь наутёк.

Мчитя, от куста к кусту бросается.

Оглянулся — за ним щетинозуб головой вперёд летит, хвостом воду сверлит.

Заскочили оба за камень, отдышались, ласкирь и спрашивает:

— Чего же ты не хвостом вперёд плыл?

А щетинозуб отвечает:

— Ишь ты какой! Попробуй удери хвостом вперёд! Я ещё жить хочу... Ну, так как, учить тебя дальше?

— Не нужно,— говорит ласкирь.— Удирать головой вперёд я и сам умею. Счастливо оставаться! И поплыл к себе домой...

Так и не научился ласкирь плавать хвостом вперёд. Но до сих пор цел.

Хоть и головой вперёд, а от всех удирает!

МОРСКОЙ ПЕТУХ — ТРИГЛА

Прошёл по морю слух, что появилась в нём новая рыба.

Собрались морские жители, потолковали и решили послать к ней ласкиря.

Пускай, мол, всё узнает, расскажет. Если рыба стоящая — все пойдём смотреть, а нет — так и времени терять нечего.

Ласкирь на подъём скор. Один плавник здесь, другой — там. Живо к новенькой слетал, вернулся и рассказывает:

— Нашёл. У песчаной косы стоит. Своими глазами видел. Ух и рыба! Спина бурая, брюхо жёлтое. Плавники как крылья, синие с золотом! А глаза... знаете какие?

— Чёрные?

— Ну да! Ни за что не угадаете. Голубые!

Ласкирь от удовольствия на месте крутится. Вот это новость принёс!

— Голубые? Это ты, брат, того!.. — усомнился морской конёк.

— Отсохни у меня хвост, если вру! — клянётся ласкирь. — Стойте здесь — ещё сбегая.

Убежал... Возвращается, язык на боку.

— Чудеса! — говорит. — Хотите — верьте, хотите — нет. Только я приплыл, опустилась рыба на дно. Выпустила из-под головы шесть кривых шипов, упёрлась ими в дно и пошла как на ходулях. Идёт, шипами песок щупает. Найдёт червя — и в рот...

Рассердились морские жители на ласкиря. Где это видано, чтобы рыба пешком по дну ходила?

— В последний раз, — говорят ему, — посылаем. Беги и всё заново доложи. Чуть соврёшь — пеняй на себя!

Умчался ласкирь.

Ждут его, ждут. Нет вертлявого.

Собрались было сами идти, глядят — плывёт. Растрёпанный, весь в песке! Рот раскрыл — до того ему говорить не терпится.

— Слушайте, слушайте! — кричит.

Отдышался и начал.

— Приплыл я, — рассказывает, — к рыбе. Пошла она по дну — я сзади. Вдруг навстречу сеть. Громадная, как стена. Захватили нас рыбаки сетью и вытащили на берег. Ну, думаю, конец пришёл. А рыбаки на меня и не смотрят. Увидали новую рыбу — и к ней. Только хотели её схватить, а она шаром раздулась, плавники встопорщила да жабрными крышками как заскрипит: «Зз-грры! Зз-грры!» Испугались рыбаки — и бежать. Рыба хвостом стук по песку — и в воду. Я за ней... Вот было так было!

Поразились рыбы.

— А что, — спрашивают, — у неё за хвост?

— Обыкновенный,— отвечает ласкирь,— лопаточкой.

Видит — не убедил.

— Ах, да,— говорит,— чёрное пятнышко посередине!

Ну, раз даже пятнышко заметил, значит, видел!

Отправились все к незнакомой рыбе.

Нашли. Назвалась она морским петухом — триглой.

Смотрят — верно: спина у неё бурая, брюхо жёлтое, плавники синие с золотом, глаза голубые.

Правду говорил ласкирь.

А шипы? Есть шипы. Прошлась тригла на них.

И это правда.

А голос?

И голос есть. Заскрипела, заверещала так, что все отскочили.

И тут ласкирь прав.

Вон и хвост такой, как он говорил,— обыкновенный, лопаточкой... Э-э, а чёрного пятнышка-то нет!

Обрадовались рыбы, крабы. Схватили ласкиря и учинили ему трёпку. Не ври! Не ври!

И зачем он сгоряча это пятнышко выдумал?..

Много ли нужно добавить к правде, чтобы получилась ложь?

Не много — одно пятнышко.

ЛЮБОПЫТНЫЕ НАВАГИ

Говорят, на суше любопытному нос прищемили. А в море с любопытными вот что было.

Жили в море четыре наваги. Бока белые, спинки зелёные. Рыбы как рыбы, только любопытные-прелюбопытные.

Подерутся где-нибудь крабы, поссорятся рыбы — наваги тут как тут. Одна за другой приплывут

и смотрят: кто кому ногу обломит? Кто кого переругает?

Так вот. Плывёт как-то одна из наваг, видит: ползёт по дну морская звезда. Лиловая с жёлтыми пятнышками, спина горбом, пять лучей во все стороны раскинуты.

Цепляется за дно ножками-присосочками и ползёт. Через камни, по песку — никуда не сворачивает.

«Куда бы это она?» — подумала навага.

Смотрит: три её подружки одна за другой плывут. Собрались вчетвером, стали за звездой подсматривать.

А та заползла за большущий камень, нашла там полкамбалы и остановилась.

— Знаю! — шепчет первая навага. — Эта камбала здесь второй день лежит. Восемь крабов вчера её ели, половину оставили.

— Ишь ты! — отозвалась вторая. — Восемь ели — не доели, а она одна хочет.

— Какая жадная! — подхватила третья.

— И что она только думает? — спросила четвёртая. — Рот-то у неё вон какой маленький.

— Подавится или лопнет! — решили наваги.

Пока они толковали, звезда боком к рыбине примостилась.

Рот у звезды снизу, как раз посередине живота. Как же она есть будет?

Примостилась, раскрыла рот и стала из него какой-то оранжевый пузырь выпучивать.

Язык?

Не может быть: нет у звезды языка.

Что же это?

А пузырь всё больше и больше, словно вся звезда наизнанку выворачивается.

Накрыла она камбалу пузырём, обернула со всех сторон и замерла.

Лежит молча. Страшно.

И вдруг поняли наваги, что оранжевый пузырь —

это желудок звезды, что это она так, на свой манер, проглотила камбалу и ест.

Засуетились.

— До чего она страшная! — говорит первая навага.

— В рот не брала, а проглотила! — удивляется вторая.

— Да с каким фокусом — шиворот-навыворот! — поражается третья.

— Бр-р! — вздрагивает четвёртая.

Плыла мимо горбуша — толстая спина, острый зуб. Слышит — шумят рыбы.

Она туда.

Налетела, пасть раскрыла да всех четверых и проглотила. Попросту, без фокусов.

И ушла...

С тех пор рыбы в море без дела кучей не собираются, не галдят, на диковинки не глазят.

Любопытным в море головы не сносить.

РАК-МОШЕННИК

Давным-давно это было. Собрались на совет раки — решать, кому где жить.

Кто побольше — в море пошёл. Кто поменьше — в реки.

Остался самый маленький рачишка. Зелёного цвета, одна клешня больше, другая — меньше. Хвост и брюшко мягкие, слабые.

Ростом маленький, а хитрый-хитрый.

— Куда большие пошли, уж там, верно, лучше, — рассудил он.

И пошёл жить в море. Прошло немного времени. Видит рачишка: несдобровать ему!

В море хищников разных, рыб зубастых видимо-невидимо. Того и гляди, бычок-страшило съест или краб клешнёй перешибёт.

Уж тут не до хорошей жизни!

Залез рак под камень. Высунется оттуда, схватит травинку или червяка — и обратно.

Видит однажды: ползёт мимо улитка-береговушка.

Хорошо береговушке: носит она раковину на спине. Чуть что — спряталась в неё. Свой дом!

«Вот бы мне такой!» — думает рак.

Голова у рачишки маленькая. Что-нибудь хорошее придумать — умишка недостаёт, а обмануть — хватит.

— Здравствуй, соседка! — говорит. — Вылезай из домика, потолкуем.

— Некогда, — отвечает улитка. — Не видишь разве — тороплюсь. Сёстры ждут. Да и не оторваться мне, пожалуй, от домика: с ним расту!

И поползла дальше. К вечеру за ближним камнем скрылась.

— Ах ты, слизняк безмозглый! — рассердился рачишка. — Ну погоди, выманю я тебя из раковины!

Прошёл год. Опять встретился у своего камня рачишка с улиткой.

— Где это ты пропадала? Отдохни. Поди, устала дом на себе таскать? У меня для тебя что-то есть. Вылезай — покажу.

Обманывает рачишка: ничего у него нет. Два уса зелёных и те не отдаст.

— А мне ничего не нужно, — отвечает береговушка. — Вот разве клешню бы, как у тебя. Худо без рук!

— Есть, есть у меня под камнем клешня! — обрадовался рачишка. — Полежай за мной!

Не поверила улитка: виданное ли это дело, чтобы клешня одна без рака под камнем лежала!

Тут, откуда ни возмись, налетел на них морской ёрш — скорпена. Хотел рачишку целиком глотнуть. Промахнулся, хватить зубами за клешню — и обломил.

Рачишка под камень — шаст! Еле ноги унёс. Береговушка в свой домик спряталась.

Уплыл ёрш. И улитка уползла.

Прошёл ещё год. Новая клешня у рачишки отросла.

В третий раз встретился рачишка с береговушкой. Видит улитка — новая клешня.

— Откуда она у тебя? — спрашивает.

«Ну,— думает рачишка,— теперь-то я тебя из домика выманю!»

— Как откуда? Говорил я тебе: под камнем была. У меня там ещё одна припасена.

— Дай мне! — просит береговушка.

— Самому нужна... Ну, да так и быть, уступлю. Ползи за мной.

Полез рачишка под камень.

Сунулась береговушка за ним — не пускает раковина. Еле-еле отодрала её от спины, вылезла, с непривычки поёжилась — и под камень.

А рачишка под камнем пролез, с другой стороны вылез. Обежал кругом — и к раковине. Хвост и брюшко в неё засунул, клешни и усы — наружу.

Поискала, поискала улитка под камнем — нет ничего!

Выбралась, смотрит, а рачишка спиной приподнял её раковину и бежит по дну прочь.

Осталась улитка без дома.

В тот же день ёрш её съел.

Рачишка с тех пор на себе раковину таскает. Прячется в неё, один-одинёшенек живёт. За это его называют раком-отшельником.

А ребята, когда случится его из воды вытащить, кричат:

— Рак-мошенник! Рак-мошенник!

И верно мошенник: в чужой дом залез.

КРАБИШКИН ДОМ

Жил в море... краб не краб, так себе — крабишка маленький. Сам с пяточок, ноги как спички, клешни как щипчики.

Пока совсем маленький был, жил где придётся, подросток — стал себе дом искать.

Вылез на мелководе, семенит вдоль берега, по сторонам смотрит:

Видит — камень. В камне щель.

Залез в неё. Ёрзает, ёрзает, никак не устроится.

Плывёт мимо бычок-старичок, голова с кулачок.

— Славный у тебя дом, — говорит, — будто для тебя построен.

— Много ты понимаешь! — обиделся крабишка. — Плохой дом: жёсткий он, да тёмный, да тесный.

— А тебе какой нужен? — удивился бычок.

— Нужен мне такой, чтобы в нём мягко было, светло и просторно! Где тебе, губастому, понять! Плыви, покуда никто не съел!

Пока бычок губой шевелил, слова подбирал, крабишка из щели вылез — и ушёл.

Скользко по камням идти. Вода через камни перекачивается, того и гляди, смочет.

— Поищу-ка я, где поглубже.

Подался в море. Идёт по песку, а песок рассыпчатый, тонкий.

Нашёл ямку. Мягко, светло, привольно.

— Тут мне и жить!

Только в ямке устроился, видит — плывёт на него огромная рыбина. Рыло длинное, снизу белые усики, спина в костяных шишках. Осётр!

Крабишка с перепугу — в песок. Зарылся. Ни жив ни мёртв.

А чудище-рыба всё ближе. Над самым дном плывёт, усиками по дну шарит.

Доплыла до ямки, пошарила — и давай копать рылом песок.

Крабишка оттуда вверх тормашками! Вылетел — да наутёк. Бежит по дну, ноги выше головы подбрасывает.

Еле удрал.

Добежал до кучи камней. Влез между двумя, дух перевести не может.

Успокоился, огляделся. Камни крепкие, не то что рассыпчатый песок.

— Чем не дом?

Правда, не мягко тут, зато свету и места сколько хочешь.

— Останусь здесь!

Стал крабишка с камней мшанку ощипывать.

Вдруг сверху на него кто-то как бросится! На лету зубами — клац! — мимо. Развернулся — и снова на крабишку. Тот удирать.

А это катран-акулка: спина и голова узкие, рот дырой, хвост полумесяцем.

Крабишка вокруг камня. Катран за ним.

Пока катран хвост заносил, крабишка камень кругом обскакал, углядел пещерку — и в неё.

Спрятался, сидит.

Катран над камнем прошёл, видит — никого нет, и уплыл.

«Ну,— думает крабишка,— отсюда я никуда! Не мягко тут, не светло, зато просторно».

Сел и ноги вытянул.

Только вытянул, мимо скат — морская лисица — плывёт. Учужала краба — и к камню.

Плывёт, как большущий лист колышется. Тело блином, хвост кнутиком, зубов полон рот.

А хитрющая! Даром не носится. Подплыла, на камень легла, давай голову в пещерку протискивать.

Полголовы протиснула, за клешню зубами хватить и потащила крабишку вон.

Пещерка-то просторная — не упереться, не зацепиться!

Чует крабишка — конец пришёл. Из последних сил рванулся — и обломил клешню.

Вырвался из лисьих зубов, прижался к камню, будто влип.

Пощарапала лиса зубами камень. Не достать краба! Съела клешню и ушла прочь.

Ушла она, крабишка боком, боком — да к берегу. Ладно, сам живой, а клешня вырастет!

Вот наконец и камни. Между ними ручейками вода. Уж сюда большой рыбе не дойти!

И бычок тут, сосед.

— Здравствуй, дедушка!

Нашёл крабишка знакомую щель — и в неё.

Вот где хорошо: и жёстко, и темно, и тесно!

Как будто для него — для крабишки — дом построен.

ЗЕЛЁНАЯ РЫБКА

Поспорили в Чёрном море кефаль, мерланг-пикша и белуга: кто из них сильнее?

Спорили, спорили и решили: кто дольше всех в прибой между камней продержится, против волны устоит, тот и есть самый сильный.

Выбрали у берега камни, выждали погоду по-свежее и стали силу испытывать.

Первой поплыла к камням кефаль. Плыла, хвостом серебристым играла. А как подошла к берегу, стало её взад-вперёд волной бросать, сразу поняла — дело плохо!

Крутит кефаль хвостом, в дугу сгибается, да против волны устоять не может. Рвётся вперёд, а вода её назад тащит. Оробела, до камней не доплыла — назад вернулась.

Поплыла к камням головастая пикша. Разогналась, до самых бурунов дошла.

Спряталась между камнями в стоячей воде, но пришла волна и давай её от камня к камню швырять. Два раза об камень ударила, перевернула и назад с собой утащила.

Посмотрели рыбы на пикшу, испугались: жабры у неё песком забиты, перья на спине поломаны. А белуге всё нипочём.

— Эх вы, мелочь! — говорит она. — Глядите, как я устою.

И поплыла вперёд.

Притихли рыбы. Даже озорные ласкирики-кара-

стики остановились и смотрят, как белуга волну побеждать будет.

А белужья спина в костяных шишках уже у самых камней. Гребёт белуга плавниками, хвостом подгребает, на месте держится.

Две волны, одна за другой, набежали — устояла белуга.

Пришла третья волна, выше всех. Подняла белугу, повернула, протащила боком по камням и хвостом вперёд в море вынесла.

Решили рыбы: никому в море с волной не справиться. Такие силачи не устояли!

Вдруг, откуда ни возьмись, выплывает маленькая зелёная рыбка. Налимчик не налимчик, пескарь не пескарь: как пескарь, маленькая, головка, как у налимчика, круглая, чешуи нет, по зелёной спине бурые пятнышки.

— Дайте,— говорит тихонько,— я попробую.

Засмеялись рыбы.

— Где тебе, пустявка! Не видишь, кто пробовал? Зачем лезешь?

Рыбка слова не молвила, хвостом вильнула, поплыла к камням. Плывёт вперёд, а вода встречная её назад тащит.

Два раза пыталась подплыть к камням рыбка, ничего не получилось.

Рыбы пуше прежнего над ней смеются.

Морские коньки хвосты в колечко закручивают, от смеха в траве переворачиваются.

В третий раз поплыла рыбка. Улучила минутку между двух волн, подобралась-таки к камням. К большому камню подплыла и легла на него брюшком.

— А ведь хитра, доплыла до камня!

— Ничего, ничего, волна пройдёт — смое! На берег выкинет,— говорили между собой рыбы...

Вот и волна. Прошла зелёной горою над камнем, рухнула на берег. Рассыпалась пеной, закружилась, завертелась и ушла.

Смотрят все, а маленькая рыбка лежит себе на камне как ни в чём не бывало.

Удержалась!

Пошли волны одна за другой, одна больше другой.

Замутилась вода, понесла поверх камней песок, мелкую гальку, пучки морской травы — ничего не разберёшь.

Стихло, и стало видно: лежит зелёная рыбка на камне, как приклеенная.

Долго смотрели на неё рыбы, дивились. Потом стали друг у друга спрашивать — кто такая и откуда взялась?

Кривоногий краб на шум из-под камней вылез, поглядел выпученными глазами на рыбку и говорит:

— Нашли диковину! Да ведь это наша, черноморская, присоска! Она всегда так: присосётся и лежит. Поди её отдери!

Краб был старый-старый, он всё знал и никогда ничему не удивлялся.

КАМБАЛА И ЛАСКИРЬ

Когда-то, в далёкие времена, была камбала рыба как рыба. Всё у нее было, как у других: глаза по бокам головы, рот прямой, и плавала она, как все рыбы, спиной вверх.

А что с ней случилось, про то слушайте.

Встретились однажды на дне морском у большого зелёного камня камбала и морской карась — ласкирь.

Стал ласкирь камбале на свои незадачи жаловаться.

Дельфин за султанкой охотился, ласкирь сунулся впереди него — попало ласкирю.

Рыбы на совет собрались. Пока ласкирь от дельфина бегал, опоздал — опять получил трёпку.

Пикши в траве дрались, ласкирь стороной про-

плывал. Не утерпел, впутался — и тут влетело.

Слушает его камбала, а про себя думает:

«Так тебе, вертлявому, и надо. Прост ты больно. Уж я-то в беду не попаду!»

Смотрят оба — червяк. Да какой длиннющий! Вот так пожива!

Не успел ласкирь рта открыть, камбала говорит:

— Чур, не хватать! Я делю.

Хорош червяк!

— Знаешь что, — хитрит камбала, — нам двоим такого червя много. Нужно с кем-нибудь поделиться. Поди позови ерша-скорпену!

Удивился ласкирь. С каких это пор камбала с другими делиться начала? Но спорить не стал: на троих так на троих! Помчался за скорпеной.

Осталась камбала у червя. Глотнула кусок, другой, видит — сразу не управиться.

«Спрячу-ка я про запас!» — думает. И решила закопать червя под камень.

Начала песок рыть.

Носом роет, плавниками и хвостом помогает, песок выбрасывает.

Долго ли, коротко ли, вырыла камбала под камнем ход и затащила туда добычу.

Отплыла, посмотрела со стороны.

— Найдут! Нужно ещё дальше запрятать!

Слышит камбала шум: ласкирь с ершом к камню торопятся.

Испугалась, кинулась под камень. Давай ход ещё глубже рыть.

Ласкирь с ершом совсем близко.

Завертелась камбала под камнем. Пошатнулся он, наклонился, упал и камбалу придавил.

Примчались рыбы. Видят — лежит камень на боку. Из-под камня чей-то хвост торчит.

Тянули, тянули за хвост, вытащили. Смотрят и не узнают:

— Что за рыба?

Ни спины, ни брюха — одна левая сторона! Рас-

плющило её камнем. Глаза и рот на левую сторону сбило.

Лежит камбала, кривой рот открывает, ничего сказать не может.

А червя-то нет!

Рассердился колючий ёрш на ласкиря: зачем в такую даль ташил? Бросился обманщика за перья ловить. Еле ласкирь хвост унёс.

Тем дело и кончилось. Камбала такой коверканной навсегда осталась. И дети её, камбальята, кто на левую, кто на правую сторону вывернуты.

Ну и рыба!

ПОЧЕМУ ЩУКА В МОРЕ НЕ ЖИВЁТ

Говорят, на то и щука в море, чтобы карась не дремал.

Так-то оно так: если карась зазеваётся, щуке в зубы обязательно попадёт. Да ведь ни щука, ни настоящий карась в море-то не живут! Карась — речная рыба, озёрная. Щука тоже.

А был случай...

Надоело щуке в реке. Забежала она в море.

Вот где жизнь! В реке, в озере сидишь под корягой — темно, не пошевелиться... А тут свету сколько, простор! И в засаду прятаться не надо: кругом добыча, сама в рот лезет...

Вон на песке червячишка — подплывай да бери.

Щука только подплыла, а песок как взметнётся! Из песка — чёрная рыбина. Пасть — как мешок. Глазищи — на самом темени. На голове вырост — приманка — шевелится. Точь-в-точь червячок. Ки-нешься за ним — и прямо рыбе в пасть.

— Экое чудище! Да будь ты неладно!

Вильнула щука хвостом — и в водоросли.

Глядит — опять добыча. Сама навстречу идёт. Маленькая рыбка. Только странная какая-то: плывёт стоймя, головка лошадиная, на спине лохмотья, на

боках все рёбра видны. Глядит на шуку, глазами крутит: одним глазом в одну сторону, другим — в другую.

Плыла коричневыми водорослями — сама коричневая была. Приплыла в зелёные — зелёная стала.

— Что за рыба? Чего она глазами крутит? Уж не бешеная ли?

Шука — в сторону.

— А ну её! В реках таких нет. В реках — караси-лежебоки пузатые.

Как вспомнила шука про жирных карасей, так в животе и заныло.

Помчалась вперёд. А тут ещё пожива: между камней рыба прячется — не шибко большая, губастая, вся в пятнах.

По-щучьему так: раз от тебя кто прячется — хватай его.

Шука с разгону пятнистую рыбу — хват! И свету не взвидела.

У пятнистой-то на спине шип. Как вонзился в нёбо — рта не раскрыть, ни сглотнуть, ни охнуть.

Насилу освободилась, развернулась — да назад, в реку.

Недолго в море погостила.

И всего-то видела она там: морского чёрта с приманкой, рыбу-конька да ерша-скорпену, ядовитую колючку.

С тех пор шуку в море и карасём не заманишь.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ!

Случилось это летом. На Севере.

Собрались на вершине скалы молодые чайки-каюхи. С ними — старый чистик.

Сидят чайки, ждут, что им расскажет мудрая птица.

— Сегодня я расскажу вам, какого цвета море,— начал было чистик.

— Вздор! — выкрикнул молодой каюха. — Кто не знает, что море синее?

— Ну хорошо, — согласился чистик, — тогда слушайте про то, как злодей Фомка-поморник добывает себе пищу. Вы должны знать это, чтобы остерегаться его.

Но молодым уже надоело сидеть спокойно. Фр-р! Оп-оп! С шумом, хохотом разлетелись...

Незаметно пришла зима, рыбы опустились на глубину, охотиться за ними стало труднее.

Полетел как-то молодой каюха за добычей. Долго искал. Возвращается через день — нет стаи. Сидит только на скале старый чистик.

Удивился каюха: где товарищи?

— Куда улетели чайки? — спрашивает.

— А ты ещё здесь? — огорчился старик. — Твоя стая улетела на юг. Догоняй её.

— Но я не знаю дороги.

— Лети туда, где в полдень бывает солнце. Когда море трижды изменит свой цвет, ты и догонишь стаю. Торопись!

Бросился каюха со скалы. Только мелькнула внизу белая пена. Летит день, второй. Море под ним то светлее, то темнее, а всё одного цвета.

«Видно, напутал старик! — думает каюха. — Каким же быть морю, как не синим?»

Только подумал так — впереди жёлтая полоса. Подлетел — большая река впадает в море. Плещут внизу мутные жёлтые волны.

Вот и изменился цвет.

Пустился каюха дальше. Снова под ним синяя вода. Высмотрел в ней косяк селёдки, метнулся вниз — есть добыча! Только стал подниматься — как зашумят над головой чьи-то крылья! Камнем падает сверху на него большая хищная чайка. Нос крючком, как у ястреба. Вот-вот ударит. Берегись Фомки-поморника!

Выронил каюха с испугу селёдку. Фомка её — хват! — и проглотил. Увязался за каюхой.

Только тот поймает рыбёшку — Фомка налетит и отнимет.

Хоть плачь!

Насилу удрал от него каюха.

Долетел до гор. Здесь уже зимы нет. Жарко. Среди разогретых на солнце скал змеёй вьётся залив. Вода в нём — красная!

Опустился каюха к самой воде — кишмя кишат в ней малюсенькие красные червячки. Вот оно в чём дело! Второй раз изменило море цвет.

Из последних сил уже летит каюха. Едва машет крыльями. Позади горы, позади залив. Впереди кудрявые острова.

Смотрит — а вода у островов зелёная, как весенняя тундра.

Густо, словно рыба икра, плавают в воде зелёные шарики — водоросли. И птицы над островами — вот она, стая!

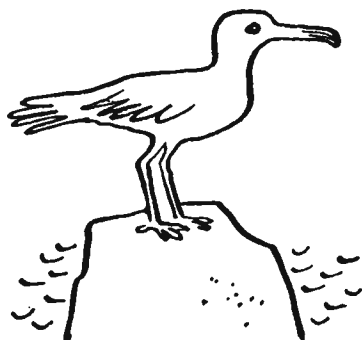
Летят, торопятся со всех сторон к каюхе приятели...

Прошло полгода. Снова вернулись чайки на Север. Опять стала белой от птиц большая скала.

Как-то опустился каюха в толпу молодых чаек. Отдыхали они после полётов, слушали рассказы бывалых птиц.

— Хотите, я расскажу вам, какого цвета море? — начал каюха, когда очередь дошла до него.

— Какие пустяки! — громко сказала самая молодая чайка. — Кто не знает, что море синее?..

СКАЗКИ
О ЛЬВАХ
И
ПАРУСНИКАХ

ЛЬВЫ И ПАРУСНИКИ

МАТРОС ПО ИМЕНИ ПАРОХОД

Жил в славном городе Ленинграде матрос по имени Пароход. Он жил на Таврической улице в доме номер семь. В комнате у него стояла железная кровать, а на стене висела тарелка с нарисованными львами. Ещё в комнате был стол, и на нём лежали морская раковина и корабельный гвоздь.

Каждое утро матрос просыпался, брал со стола раковину и прикладывал её к уху — слушал, не шумит ли море.

Однажды он проснулся, приложил раковину к уху — шумит!

«Пора в плавание! — подумал Пароход. — Пора новый корабль строить».

Взял он со стола гвоздь, вышел на Таврическую

улицу. Пройдя по ней сорок шагов, свернул в Таврический сад.

Идёт Пароход по Таврическому саду, а навстречу ему незнакомый человек, одет в полосатую морскую рубашку, в руке зонтик.

«Первый раз вижу, чтобы матросы ходили с зонтиками!» — подумал Пароход.

А незнакомец поравнялся с ним и говорит:

— Простите,— говорит,— как мне пройти к морю?

— Сам туда иду! — отвечает Пароход.— Пойдемте со мной.

Пошли рядом.

— Мне,— объясняет человек с зонтиком,— врачи велели дышать морским воздухом. Очень у меня слабое здоровье: плохой аппетит, кашель и коленка скрипит. Всё лечусь, работать даже некогда.

— А мне,— говорит Пароход,— как раз матрос нужен: корабль строить иду. В море поплывём.

— Нет, нет! — говорит человек с зонтиком.— Мне в море нельзя.

Рассердился Пароход.

— Зачем же,— говорит,— в таком случае вы морскую рубаху носите? Вы что, береговой моряк?

— Ага, береговой. Рубаху я по случаю купил.

Хотел Пароход ещё больше рассердиться, вдруг видит: стоит на дорожке сундучок. Голубой, с двумя ручками.

— Откуда здесь сундучок? — удивился Пароход.— И чей он?

— Наверное, ничей,— говорит человек с зонтиком.— Давайте посмотрим, что в нём. Может, лекарство?

— Посмотрим,— говорит Пароход, а сам думает: «Зачем мне лекарства? Мне электрический утюг нужен, мои морские штаны гладить. А то я их всё по старинке: на ночь под матрас кладу».

Вытащил из кармана складной нож, поддел им

крышку — крак! Крышка открылась, а там — кот. Рыжий, с зелёными глазами.

Кот как выскочит — и бежать. Пароход — за котом. И человек с зонтиком тоже. Кот по дорожке, и они по дорожке. Кот по ограде, и они по ограде. Кот на дерево. Пароход руку протянул, дерево к земле пригнул, снял кота.

Принесли они его назад, посадили в сундучок. Закрыли крышку, сидят отдыхают.

Фу, как коленка болит! — говорит человек с зонтиком. И кашель. Кха! Кха! Интересно, как там кот в сундучке? Давайте посмотрим.

Открыли они крышку, а в сундучке вместо кота обезьяна! Как подпрыгнет, выскочила из сундучка и бежать. Они за обезьяной. Обезьяна под скамейку, и они под скамейку. Обезьяна на качели, и они на качели. Обезьяна под карусель. Пароход карусель приподнял, вытащил обезьяну. Принесли её назад, посадили в сундучок, закрыли крышку.

— Уфф! — говорит человек с зонтиком. — И откуда обезьяна взялась? Ведь там был кот. Давайте посмотрим ещё раз.

Открыли они крышку, а в сундуке — утюг. Электрический, со шнуром.

— Вот это утюг! — говорит Пароход. — В самый раз мои морские штаны гладить. Отнесу-ка я его домой. Подождите меня здесь. Вас как звать?

— Степан Петрович Сапожков. Но знакомые зовут меня Слипом. Почему, сам не понимаю!

— А чего тут понимать? Слабый вы — потому и Слип.

Взял Пароход сундучок под мышку и пошёл вразвалочку домой. А береговой моряк Слип остался его в саду ждать. Ходит по дорожке взад-вперёд. Вдруг навстречу ему из-за поворота выходят три льва... Но это уже новая сказка.

БЕРЕГОВОЙ МОЛЯК СЛИП И ЛЬВЫ

Вы помните, что на стене у Парохода висела тарелка, а на тарелке были нарисованы львы?

Надоело львам висеть на стене, слезли они с тарелки и пошли по городу.

Зашли в Таврический сад, видят — стоит человек в морской полосатой рубашке, а в руке зонтик.

«Придётся на этого человека напасть, — думают львы. — Может быть, даже съесть его. Ведь мы как-никак хищники».

Стали спорить, кто будет первый нападать.

— Только не я! — говорит один лев. — Я и на тарелке был впереди всех, и тут вы меня вперёд выталкиваете... Надо по очереди.

— Только ты, — говорят два других. — Какая может быть очередь, когда ты на тарелке был первый? Вон какие у тебя зубы!

А Слип всё это слышал. «Вот так раз! — думает. — Придётся от этих львов удирать!»

Повернулся — и из сада. Львы — за ним. Добежали до Турухтанных островов, выскочили за город. Видит Слип: стоит около дороги палатка. Брезентовая, по углам четыре верёвки. Спрятался в палатку.

Подбежали львы, понюхали: «Вон он где!» Верёвки порвали, брезент — на куски.

Выскочил Слип из палатки — и бежать. Добежал до поворота, видит: стоит каменная башня, над башней железный флаг. Он — в башню, а львы тут как тут — давай башню ломать. По кирпичику разбрасали, железный флаг — в сторону.

Слип выскочил из башни — и ходу. Видит: стоит посреди дороги дверь. Стен нет, дома нет — одна дверь. Слип в дверь проскочил, захлопнул её за собой и в ручку дверную вцепился.

Львы подбежали, давай дверь открывать. Львы к себе ручку тянут. Слип — к себе. Львы из сил выбились, ушли.

Слип думает: «Ну и дверь! Надо её для корабля прихватить! Вот обрадуется Пароход!»

Взвалил дверь на плечо и пошёл.

Видит: стоит на дороге ведро... Но это уже новая сказка.

ВЕДРО И ПОДЗОРНАЯ ТРУБА

Шёл Слип по дороге, нёс на себе дверь, видит: стоит ведро. Новенькое, с крышкой.

«И ведро пригодится! — думает Слип. — Воду отливать. Какой же корабль без ведра!»

Схватил ведро и пошёл дальше.

Повернула дорога к морю. Видит Слип: стоит возле берега учебный милицейский катер. Сорок морских милиционеров стирают рубахи. Расстелили их, трут мылом и щётками. Увидели Слива да как закричат:

— Вот оно, наше ведро! А мы думали, потеряли! Стойте, гражданин!

Испугался Слип, бросился наутёк. Бежит, только ветер в ушах свистит.

Милиционеры кричат: «Стой!» А ему слышится: «Сс-сс-с!»

Милиционеры кричат: «Упадёшь!» А ему слышится: «У-уу-у!»

— Надо,— говорят милиционеры,— этого человека остановить, а то он неизвестно куда убежать может.

Кинулись за ним. Оглянулся Слип — погоня. Он ещё быстрее. На плече дверь, под мышкой зонтик, в руке ведро. Видит: лежит около дороги подзорная труба. Большая-пребольшая.

«Надо спрятаться!» — думает.

Забрался в трубу, ведро между ног поставил, дверь рядом положил. Уфф!

Бегут милиционеры, видят — труба. Остановились.

— Какая отличная подзорная труба! — говорят. — Шут с ним, с ведром, может, оно этому человеку нужней. А вот труба нам пригодится. Будем через неё смотреть на берега и открывать новые страны.

Взвалили трубу на плечи и понесли. Несут, удивляются.

— Ну и тяжёлая! Может быть, в ней что-нибудь спрятано?

Наклонили трубу, а оттуда Слип — с ведром и дверью. Выкатился — и бежать.

Милиционеры не стали его догонять. «Пусть себе бегает. Может, это знаменитый спортсмен? Может, у него тренировка?»

А Слип бежал-бежал и прибежал в город, в Таврический сад. Там его уже Пароход дождался.

— О, какой молодец! — говорит. — Дверь и ведро принёс! Объявляю на первый случай благодарность! Как коленка?

— Удивительное дело, — отвечает Слип. — Побегал — перестала болеть. Пожалуй, я с вами в плавание пойду. Может, от морского воздуха и кашель пройдет? Только, чур, без приключений. Мне врачи волноваться запретили.

— Какие в море приключения? — говорит Пароход. — Ну, бывает — заштормит, бывает — утонет кто... А так — пустяки. Значит, идём?

Вышли они из Таврического сада на берег Невы.

— Вот тут! — говорит Пароход.

Принялись они парусный корабль строить... Но это уже новая сказка.

КОРАБЛЬ-ПАРУСНИК И РЫБА-ПАРУСНИК

Принялись Пароход и Слип строить парусный корабль. Взяли гвоздь, набили на него доску. К этой доске прибили вторую. Доску за доской — получилась палуба. К палубе прибили борта, к бортам —

киль. Поставили мачту, подняли на ней парус.

— Дверь, дверь не забыть! — беспокоится Слип.

Поставили дверь. Прямо посреди палубы, чтобы через неё ходить с кормы на нос.

Подвели под парусник катки, покатали парусник к Балтийскому морю.

Катят, а корабль тяжёлый. На их счастье, ветер подул, парус развернул, корабль сам покатился. Катится парусник, за парусником Слип бежит, позади Пароход идёт вразвалочку.

— Мне, — говорит, — не забыть бы газету свежую купить. А то в мире столько всяких событий происходит!

Купил он газету. Спустили парусник в Балтийское море, сели на него и поплыли.

— Только без приключений! — повторяет Слип.

Видят — впереди Магнитная гора. Только подплыли к ней, все гвозди из корабля — раз! — и выскочили. Рассыпался корабль. Пароход и Слип в воду упали. Стали они доски в воде собирать. Вытащили их на берег, корабль верёвками связали, поплыли дальше.

Плывут, видят — впереди над морем огромная птица. Подлетела к кораблю, схватила его когтями — и вверх. Поднялась над морем, разжала когти. Корабль о воду трах — и в мелкие дребезги!

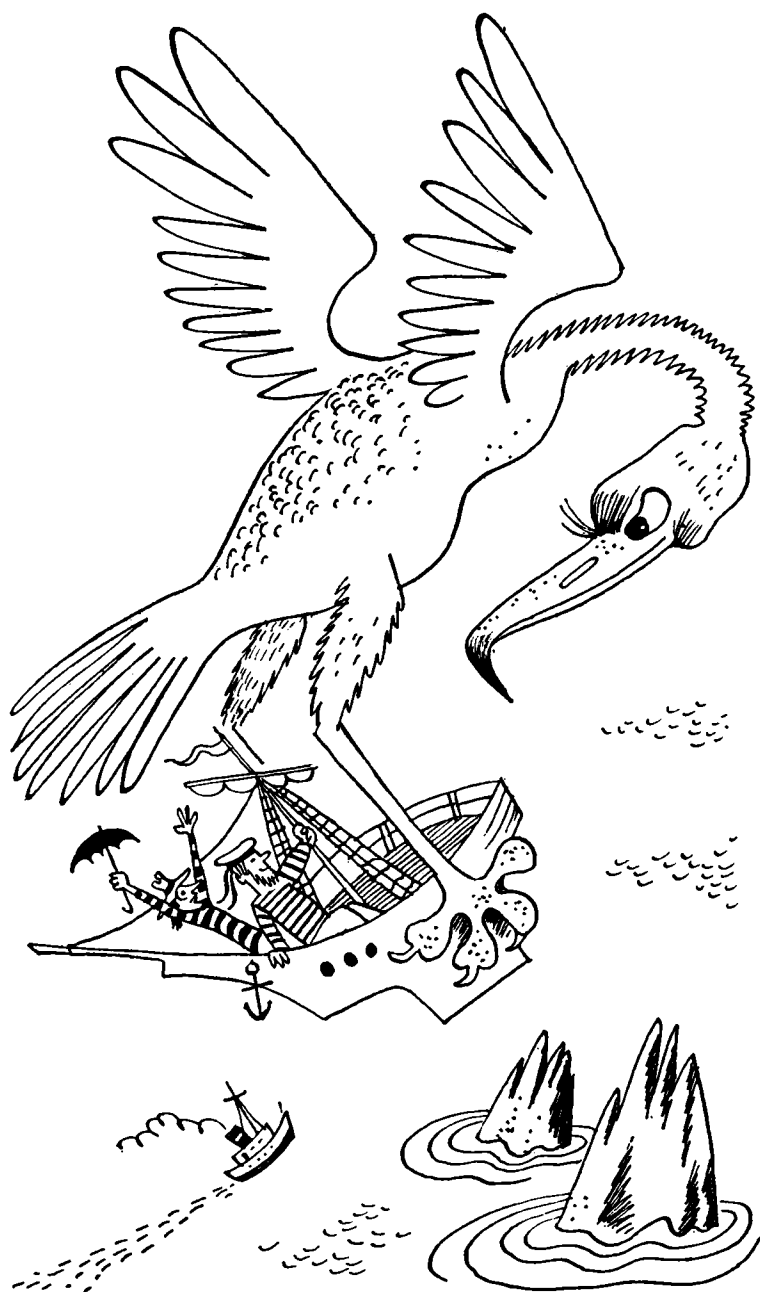
Очутились опять Пароход и Слип в воде. Стали плавать, собирать мелкие дребезги. Собрали, составили из них снова корабль, поплыли дальше.

— Ну, теперь, кажется, всё! — говорит Пароход. — Можно и газету почитать.

Лёг на палубу, газету развернул, лежит читает.

Слип управляет кораблём: одной рукой зонтик над головой держит, другой — вертит руль.

Зачесалась у Слипа спина. Положил он зонтик, попробовал правой рукой почесать — никак. Попробовал левой — не достать. Взял отломал от корабля маленькую щепочку — корабль и пошёл ко дну.

Очутились Пароход и Слип снова в воде. Видят — плывёт мимо рыба-парусник. Изловчились они — прыг ей на спину! Рыба плавник-парус развернула, поплыли дальше.

— Жаль, не дочитал я газету, — говорит Пароход. — Очень там интересная статья. Опять появились на море разбойники...

Смотрят — навстречу корабль. На нём чёрные паруса, и сидят на палубе сорок морских разбойников... Но это уже новая сказка.

СОРОК МОРСКИХ РАЗБОЙНИКОВ

Плыл по морю корабль, а на нём сорок морских разбойников. Сидят, к штанам новые пуговицы пришивают. Старые потеряли в боях. Смотрят разбойники — плывёт мимо рыба-парусник. На ней два человека. У одного в руке зонтик. Удивились разбойники, повернули свой корабль, рыбу догнали, людей с рыбы сняли, втащили к себе на палубу.

А это Пароход и береговой моряк Слип.

— Вот хорошо! — говорят разбойники. — Давненько нам такая добыча не попадалась — люди верхом на рыбе! Сейчас мы предадим вас ужасной смерти. Начинай, братцы!

Лежат Пароход и Слип связанные на палубе и думают: «Плохи наши дела!» Подходят к ним разбойники с кривыми ножами. Впереди Чёрная борода — капитан корабля и хранитель корабельной пробки.

— Эй ты, тот, что поздоровее! — говорит Чёрная борода Пароходу. — Брось своего приятеля за борт, тогда мы тебя в живых оставим.

— Лучше я кого-нибудь из вас брошу! — говорит Пароход. Как дёрнулся, верёвки порвал, на ноги вскочил, давай с разбойниками драться.

А у разбойников на корабле две пушки: одна на носу, вторая на корме.

— Не стреляйте в них из пушек! — говорит Чёрная борода. — Надо их живыми взять.

Первый разбойник как прыгнет на Парохода! Пароход его за руку — и за борт. Второй разбойник как прыгнет! Пароход его за ногу и за борт. Третий как прыгнет! Пароход только посмотрел на него — тот сам за борт свалился.

Видят разбойники — не одолеть этого человека. Собрались около кормовой пушки, зарядили её разрывной бомбой и давай на Парохода наводить.

А Пароход в это время Слипа развязывал. Видит Слип — на палубе мно-о-го пуговиц лежит. Собрал он их, зарядил вторую пушку, навёл на разбойников да как бабахнет! Разбойников всех как ветром за борт сдуло. Остался на корабле один Чёрная борода.

— Ах, как хорошо, — говорит, — что вы их всех перебили! Мне эти грубияны так надоели! Невежественные люди. Никто из них даже в шашки не играл. Сыграем. Кто выиграет, тот будет капитаном. Куда ему нужно, туда корабль и поплывёт.

«А вдруг, — думают Пароход и Слип, — этот человек порядочный и только по несчастью морской разбойник?»

Сели играть в шашки. Играют Пароход и Слип, играют, никак выиграть не могут. Посмотрели: они свои шашки на чёрные поля поставили, а Чёрная борода — на белые.

Переставили шашки и сразу выиграли.

Видит Чёрная борода — дело плохо. Посмотрел за борт — что-то увидел.

— Посидите, — говорит. — Мне надо в трюм сбегать, корабельную пробку укрепить, чтобы вода не набралась.

Спустился в трюм, вытащил пробку совсем.

Стал корабль тонуть и утонул. Очутились Пароход и Слип снова в воде. А там — все сорок морских разбойников.

— Ага, вот мы их и поймали! — говорит Чёрная борода. — Хватайте их, мои верные разбойники! Эти

два человека мне так надоели. Я у них только что четыре партии в шашки выиграл... А где же они?

Оглянулся, а Пароход и Слип уже далеко. Рыба-парусник их в воде поджидала.

Плавали в воде морские разбойники, плавали. Идёт мимо катер. На нём сорок морских милиционеров совершают учебное плавание. С ними врач для наблюдения за здоровьем. Посмотрели милиционеры в подзорную трубу, видят — в воде сорок человек.

Врач говорит:

— Ах,— говорит,— какая ужасная трагедия! Эти люди могут простудиться.

Вытащили их милиционеры на палубу, смотрят — а это морские разбойники.

— Ну что,— спрашивают милиционеры,— в тюрьму или будете заниматься честным трудом? Например, капусту сажать.

— Капусту! — говорят тридцать девять разбойников.

— В тюрьму! — говорит Чёрная борода.

Такой неисправимый!

А в это время львы, от которых Слип убегал, шли по дороге и увидели на полянке охотников... Но это уже новая сказка.

ОХОТНИКИ И ЛЬВЫ

Идут львы по дороге, видят — сидят на полянке охотники. Много охотников, человек сорок. Это они на своё охотничье собрание собрались — выяснять, куда под Ленинградом делись утки да зайцы.

Видят охотники — три льва.

«Вот так штука,— думают.— Давно нам под Ленинградом львы не попадались. Как же на них охотятся? Забыли. Надо этот вопрос обсудить».

Стали охотники обсуждать, как лучше львов поймать.

Один говорит:

— Предлагаю намазать дорогу клеем. Львы пойдут по ней и приклеются.

Ему отвечают:

— А автомобили? Тоже приклеются? Да нам за такую охоту так влетит!

Второй говорит:

— Есть ценная идея. Построим вокруг города забор. Все львы окажутся внутри забора. Останется только их добыть оттуда.

Ему отвечают:

— А люди? Тоже внутри? Как их потом от львов отделять? Не пойдёт.

Третий говорит:

— Надо взять бинокль, перевернуть его и посмотреть на этих львов. Они сделаются маленькими-маленькими. Тогда их можно будет собирать щепотью — и в коробок. Можно в спичечный.

Стали охотники спорить: уменьшатся львы или нет, если на них смотреть в перевернутый бинокль?

Львы слушают и думают: «Кажется, попались! Что это за штука такая — бинокль? Видно, пока мы на стене висели, жизнь далеко вперёд ушла».

Тот, что на тарелке был впереди всех, говорит:

— А не вернуться ли нам обратно на тарелку? Ну какие из нас хищники? А на тарелке так хорошо! Я готов идти первым.

Остальные поддержали:

— На тарелку! На тарелку!

Кончили охотники спорить, смотрят — а львов нет. Вернулись львы на Таврическую улицу в дом номер семь, поднялись в комнату и обратно на тарелку залезли.

— Не наше, — говорят, — это дело — быть хищниками. И от охотников мы отвыкли... Интересно, куда это наш хозяин-матрос пропал?

А в это время Пароход и Слип плыли верхом на рыба-паруснике. Плывут они, и вдруг прямо перед

ними всплывает из глубины страшное морское чудовище — десятирукий кальмар... Но это уже новая сказка.

ЛЬВЫ И ПАРУСНИК

Плывут Пароход и Слип на рыба-паруснике. Слип зонтик под мышкой держит.

— А знаете,— говорит,— я кашлять перестал. Что значит свежий воздух!.. Всё хорошо. Только не нужно больше приключений!

Едва он это сказал, вода забурлила, и всплывает перед ними большой страшный кальмар. Десять рук, хищный кривой клюв, глаза как два колеса.

Рыба — в сторону, кальмар — за ней.

— Умоляю вас, слезайте! — говорит рыба. — Я нырять буду, а то он меня съест.

— Куда же нам слезать? — говорит Слип. — Кругом вода.

А кальмар подплыл поближе, воду струями пускает, хвостом по воде бьёт, вот-вот на рыбу кинется.

— Плохо дело,— говорит Пароход. — Была бы пушка или, в крайнем случае, складной нож...

— Да,— говорит Слип,— видно, нам погибать... Уф, как жарко! Раскрою-ка я зонт.

Раскрыл зонт. А кальмар никогда в жизни зонтов не видел. Глаза у него совсем круглые стали, клюв сам собой раскрылся. Набралась внутрь кальмара вода, и пошёл он на дно. От удивления.

— Вот так раз! — говорит Слип. — Тонет! Может, помочь ему?

— Ничего с ним не будет,— говорит Пароход. — Опомнится!

Плывут они дальше, видят — впереди три чёрные точки.

— Что бы это могло быть? — спрашивает Слип. — Камни не камни... Акулы не акулы... Львы!

И верно, плывут им навстречу три морских льва. Чёрные, блестящие, лапы как крылья, зубы острее гвоздей.

Рыба — от них, львы — следом. Видит рыба — не уйти.

— Как хотите,— говорит,— а я на этот раз обязательно нырну!

Пароход говорит:

— Одну минуту!

Окружили львы рыбу со всех сторон.

— Да, теперь не спастись,— говорит Пароход.— Эти ведь животные умные, их зонтиком не обманешь.

— А может, попробовать? — спрашивает Слип.— Или «кыш» им сказать, «кыш»!

— Поздно,— говорит Пароход.— Тут даже сила моя не поможет.

— Так, так, так...— говорит Слип.— А ведь это какие-то знакомые львы. Где я их видел?.. В зоопарке? Нет, не в зоопарке... В музее? Нет, не в музее... Вспомнил! Вы, случайно, в цирке на Фонтанке не работали?

— А как же! — отвечают львы.— Работали. Три сезона. У вас хорошая память. Номер у нас был — «Волшебный сундучок». Такой голубой, с ручками. Мы из него какие хочешь вещи доставали. Кому что надо из публики.

— Всё ясно,— говорит Слип Пароходу.— Помните Таврический сад? Прежде чем вы про уют подумали, мне всё коты да обезьяны в голову лезли.

— Хороший был номер! — говорят львы.— Новому директору не понравился. Сундучок приказал выбросить, а нас в море выпустить... Мы вот что ещё умели делать!

Стали львы разные фокусы показывать: один вперёд кувyrкается, второй назад, а третий зонтик у Слипа взял и, стоя на хвосте, вокруг рыбы с зонтиком обошёл.

— Фу! — говорит рыба.— И устала же я с вами!

Голова кру́гом идёт. Ну и пассажиры попались! Отпустите вы меня, умоляю!

— Ладно, ныряй,— говорит Пароход.— Нас теперь львы до берега довезут.

Пересели они на морских львов и поплыли дальше. Приплыли к берегу, попрощались, взяли со львов слово, что если они опять в цирке выступать будут, то непременно позовут, и пошли в город Ленинград.

Идут, видят — стоит у дороги дом, все окна и двери в доме настежь, вокруг дома капуста... Но это уже новая сказка.

ПОДЗОРНАЯ ТРУБА И КОРАБЕЛЬНЫЙ ГВОЗДЬ

Идут Пароход и Слип по дороге, торопятся в город Ленинград. Видят — стоит у дороги дом. Вокруг дома капуста растёт. Вошли они в дом. В первой комнате стол стоит, у стола — тридцать девять табуреток. Вошли во вторую комнату — там тридцать девять кроватей.

Только присели на кровать, открывается дверь и входят тридцать девять морских разбойников.

Вскочили Пароход и Слип. «Неужели,— думают,— опять драться придётся?»

А разбойники говорят:

— Сидите, сидите! Мы теперь мирные. Нас перевоспитали. Один Чёрная борода никак перевоспитаться не может... Вы есть хотите?

Накормили Парохода и Слива капустными котлетами, вышли вместе с ними из дому. Около дома — тридцать девять лопат. Взяли мирные разбойники лопаты, попрощались и пошли в огород, к своей капусте.

Идут Пароход и Слип по дороге, видят — лежит на дороге верёвка. Один конец петлей свёрнут, второй — в кустах. Только вступили они в петлю, кто-то из кустов верёвку как дёрнет! Повалились Пароход

и Слип на асфальт. А из кустов Чёрная борода вылезает.

— А! — говорит. — Вот так встреча! Попались? Теперь-то я вас домочаю!

Привязал верёвку к дереву.

— Давно, — говорит, — я никого не мучил. В тюрьме, представляете, никаких развлечений. Еле убежал.

— А может, в шашки сыграем? — говорит Слип. — Кто проиграет, того и мучить.

— Нет-нет, — отвечает Чёрная борода. — Шашки — это старо. А сам разводит костёр.

«Придётся верёвку рвать, — думает Пароход. — Сейчас я из этой Чёрной бороды котлету сделаю!»

Только он так подумал, видит — идут по дороге строем морские милиционеры, несут на плечах подзорную трубу. Увидел их Чёрная борода — и бежать. Милиционеры трубу положили — и за ним. Раз! — и окружили его.

— Молодцы! — говорит Пароход. — Вовремя подоспели. А то бы я из него капустный блин сделал!.. Куда это вы трубу несёте?

— В город, — отвечают милиционеры. — Надоело нам её таскать. Пускай лучше через неё учёные на Луну смотрят... А мы вас знаем — вы матрос по имени Пароход.

— Кто же меня не знает? — говорит матрос. — А это мой друг Слип.

— Зовите меня Стёпой. Или Сапожковым, — говорит Слип милиционерам. — Это я у вас ведро унёс, помните?

— Помним, — отвечают. — А где оно, между прочим?

— Утонуло вместе с кораблём. На дно пошло. Трагический случай.

— Ничего, — говорят милиционеры, — ведер у нас много... Так мы пошли?

— Возьмите меня с собой! — говорит Чёрная борода. — Не то я опять до какого-нибудь преступ-

ления докачусь. Дайте мне нести какое-нибудь самое маленькое стёклышко.

— И верно, дайте ему стёклышко от трубы! — говорит Пароход. — Может, он перевоспитается.

— Ладно, — говорят милиционеры.

Дали они Чёрной бороде самое маленькое стёклышко, взвалили трубу на плечи и понесли.

Милиционеры ушли, и Чёрная борода со своим стёклышком ушёл. А Пароход и Слип без приключений вернулись в славный город Ленинград.

Вот и Таврическая улица. Седьмой дом.

— Ну, я к себе, — говорит Слип. — Никогда так хорошо себя не чувствовал: коленка не болит и кашель прошёл. Что значит морской воздух! Врачи обрадуются.

— А я, — говорит Пароход, — пошёл мои морские штаны гладить.

Расстались они. Пришёл Пароход домой, оглядел комнату — всё ли на месте? Стол, железная кровать, тарелка. На тарелке лвы.

И раковина на столе.

«Что-то я устал! — думает Пароход. — Видно, старею, и ещё — надоели приключения. Действительно, зачем мне эти кораблекрушения? Стану береговым моряком. Отосплюсь за всю беспокойную жизнь».

Лёг и проспал ровно три дня и три ночи. Просыпается, а в дверь кто-то — стук, стук, стук!

Открыл — а там Степан Петрович Сапожков. В морской рубаше, но без зонтика.

— Ведь вот какое дело, — говорит. — Не могу я теперь без моря. Давайте построим новый корабль. Махнём в океан... Кстати, что это у вас шумит?

Поднял Пароход раковину со стола, приложил к уху. Шумит раковина, зовёт в море бравого моряка.

— Ну что ж, — отвечает, — в океан так в океан! Вот только гвоздя у меня нет... И штаны не выгладил.

Открыл он сундучок, а там вместо утюга — гвоздь.

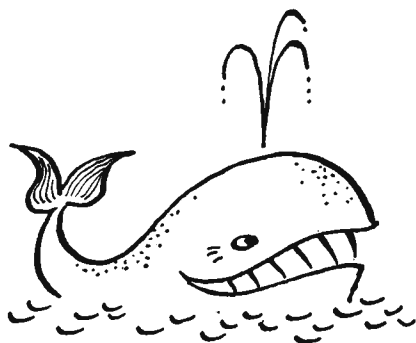
— Вот теперь всё в порядке! — говорит Пароход.

Одолжил он у соседей утюг, выгладил свои морские штаны, взял в руку гвоздь.

— Парусник построим?

— Парусник.

Вышли они на берег Невы, построили корабль, выплыли на простор Балтийского моря. Плывут, а навстречу им — кит... Но это уже совсем другая сказка.

СЛОНЫ И ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

МОРСКОЙ СЛОН

Итак, жили в славном городе Ленинграде матрос, по имени Пароход, и его друг Сапожков Степан Петрович по прозвищу Слип.

Пароход жил на Таврической улице в доме номер семь. В его комнате стоял стол, а на столе лежали корабельный гвоздь и морская раковина. По утрам брал Пароход раковину, прикладывал её к уху и слушал — не шумит ли море.

Взял он однажды раковину, приложил к уху — шумит!

— Слип, а Слип! — говорит он товарищу. — Пора в плавание: опять нас море зовёт!

Взял матрос со стола корабельный гвоздь, вышел на берег Невы, нашёл там доску. Набил доску на

гвоздь, приколотил к ней вторую. Доска за доской — получился корабль. Сели они со Слипом на корабль и поплыли.

Только вышли из Балтийского моря, подплыли к Африке, видят — навстречу им кит. Станный какой-то кит — с хоботом.

— Ничего не понимаю,— говорит Слип.— Я, конечно, молодой моряк и, прямо скажу, неопытный, но если это кит, то почему у него хобот? А если это слон, то почему он плывёт и шевелит хвостом?

— А потому,— отвечает Пароход,— что это не кит, а зверь вроде моржа или тюленя — морской слон. Но вот что удивительно: если это зверь, то для чего у него в боку дверца?

И верно, в боку у слона дверь.

— Я, тьфу-тьфу, ничего не боюсь,— говорит Слип,— но не лучше ли нам от этого подозрительного слона взять подальше?

— Нет, не могу! — отвечает Пароход.— Я, как всякий настоящий моряк, обязан всё таинственное и непонятное исследовать до конца.

Подплыли они к морскому слону и вдруг видят: дверца у него в боку открывается и оттуда высывается их старый знакомый — пират Чёрная борода.

— Ага! — говорит.— Вот так встреча! Попались, голубчики! Сдавайтесь!

Сказал и стал наводить на них ужасное дальноточное орудие. Соппротивление бесполезно. Пароход промолчал, а Слип давай хитрить.

— Сейчас,— говорит,— сдадимся. Вот только белый флаг найдём. Куда он задевался, ума не приложу. А можно носовой платок на мачте поднять? Или бинт?

Пароход говорит вполголоса:

— Сейчас я ему покажу. Пусть только поближе подплывёт...

— Ну, что вы там копаетесь? — говорит, чуть не плача, пират.— Поскорее, прошу вас, сдавайтесь,

и не то моё ужасное дальнобойное орудие, раз уж оно заряжено, может само выстрелить.

Только он так сказал, орудие как бабахнет! Корабль — в щепки, и слон от такого ужасного выстрела развалился. Очутились Пароход, Слип и Чёрная борода в воде.

— Ну, что я вам говорил? — спрашивает пират. — Предупреждал ведь...

— А ты опять за свои разбойничьи штучки взялся?

— Опять. Вот корабль в виде слона построил, только пушку не рассчитал... Неужели вы меня за это утопите?

— Нет, — говорит матрос, — плавай. Я людей только спасать могу.

Посмотрел вперёд своими зоркими глазами, видит — на горизонте остров с пальмами. Поплыли они туда.

Пират от нечего делать спрашивает:

— Интересно, какая тут глубина?

Пароход отвечает:

— Тысяча двести двадцать два метра.

Пират и Слип от ужаса чуть не утонули.

Остров всё ближе. Уже видно: на острове под пальмой электрическая плитка, около плитки сидит на корточках африканский мальчик и что-то себе в кастрюльке варит.

АФРИКАНСКИЙ МАЛЬЧИК

Дальше всё происходило следующим образом.

Почувствовал Пароход под ногами песок, встал на ноги. Слип и Чёрная борода на берег выползли.

Пират воздух понюхал и говорит:

— Супом пахнет!

Пароход даже сплюнул: ну что за человек! Только его от смерти спасли — он уже про суп! Спрашивает мальчика:

- Как тебя зовут?
- Васька.
- Ты что, один на острове живёшь?
- Один.
- А корабли часто тут ходят?
- Нет, редко.
- Ты как сюда попал?
- Спасся с потерпевшего крушение корабля.

Сирота я.

- Давай вчетвером жить.

Стали жить вчетвером. Пароход ловит рыбу. Мальчик жарит. Слип моет тарелки. Пират Чёрная борода сидит на пальме и наблюдает за горизонтом.

Наконец Пароход не вытерпел:

— Так дальше продолжаться не может! Нам надо обратно в Ленинград. Ребёнку пора в школу.

— Насчёт школы это пустяки! — отвечает Слип. — Что мы, втроём одного не выучим? Тут, под пальмой, чем не школа?

Стали они мальчика Ваську учить по очереди. Такой смыслённый ученик оказался! Спрашивает:

— Почему Земля круглая?

И верно — почему?

Или:

— Для чего три и три — шесть?

И в самом деле — для чего?

Пароход и Слип только руками разводят. А тут ещё Чёрная борода с пальмы.

— Никакая, — говорит, — Земля не круглая, а плоская, как тарелка, и стоит на трёх китах. А три и три — семь.

Потрясающее невежество!

«Нет, — думает Пароход, — так не годится. Надо мальчика в настоящую школу отдать. А что, если попробовать наш корабль поднять?»

Построили они втроём из пальмовых деревьев плот. Пароход навертел из пальмовой коры верёвок, сделал из пальмовых листьев парус. Вышли в океан.

Опустили на дно верёвки. Шарили, шарили, за-

цепили что-то. Пароход своими могучими руками тянет, Слип и пират помогают. Вытащили — корабль!

Смотрят, а он какой-то не такой. Передняя мачта не на том месте. Около задней — какая-то бочка. Открыли её, а оттуда вылезает человек в зелёном костюме, на голове — пробковый шлем, в руке — бич из крокодиловой кожи. У пояса на цепочке — медная чернильница.

— Вери гуд! — говорит человек в пробковом шлеме. (Это по-английски значит «очень хорошо».) — Я всегда был уверен, что меня спасут! Будем знакомы. Мистер Бом — колонизатор!

«Батюшки светы! — думает Пароход. — Не тот корабль подняли. Вот так фунт! Да ещё с каким-то рабовладельцем!»

Но делать нечего: не бросать же его снова за борт?

Оставили плот, поплыли на этом корабле назад к острову.

Мальчик Васька очень обрадовался новому человеку. Показывает на бич.

— Для чего он вам? — спрашивает.

Бом отвечает уклончиво:

— Так, для всяких надобностей.

Васька про чернильницу:

— А она для чего?

Бом гордо:

— Собираюсь писать книгу. Со шпионами, шакалами и львами. Я, конечно, смогу её написать: недаром я когда-то в самой дорогой школе учился. Два года.

— Ой, как интересно! — говорит Васька. — Люблю приключения.

А Бом думает про себя: «Я вам такое приключение устрою! Вы у меня попляшете. Будете у меня землю копать. Я вас ещё всех в плен возьму и в рабство продам!»

И верно. Ночью, как только все уснули, Бом

потихоньку встал, скрутил всех верёвками и поволок на корабль. Тащит по песку и бичом размахивает.

— Я вас! — кричит. — Чуть что — за борт!

Чёрная борода ему шёпотом:

— Может, договоримся? Я ведь тоже разбойник с большой дороги.

Бом его рукоятью бича по шее.

— Молчать!

Распустил парус и повёз свой груз к африканскому берегу.

Пароход от такой неожиданности никак прийти в себя не может.

«Напрасно, — думает, — я такие крепкие верёвки свил. Не перервать! Так вот ты какой колонизатор! Ну ладно, мы ещё посмотрим, кто кого!»

МИЛИЦИОНЕРЫ И РАЗБОЙНИКИ

А теперь на время вернёмся в Ленинград. Там, если помните, тихо живут себе сорок морских милиционеров и тридцать девять морских разбойников. Милиционеры охраняют морских животных, а разбойники разводят капусту.

Пришли как-то в выходной день милиционеры к разбойникам.

— Давно, — говорят, — мы с вами не собирались, не обменивались мыслями. Вы много плавали по морям. Может, посоветуете: как лучше охранять морских животных? А то и охотятся на них, и нефтью воду травят. Может, собрать всех в один бассейн и поставить часового?

— Как это — в один бассейн? — отвечают разбойники. — И акул и мирных рыб? Да акулы всю рыбу съедят.

— Верно. Тогда, может, лучше всех окольцевать? Пусть плавают в море с номерками. У каждого свой номер.

— Нет, — отвечают разбойники, — это не защита.

— А если поставить на дне телевизоры?

— Дорого... Лучше что-нибудь другое придумать. Вот если вам не на берегу дежурить, а в море?

— И верно! Как это мы раньше не додумались?

Тут разбойники в свою очередь стали жаловаться: капуста плохо растёт.

— Мы уже решили было её медным порошком посыпать. Говорят, он винограду помогает!

— Да вашу медную капусту никто и в рот не возьмёт!

— А если к каждому кочану электрический ток подвести? Людей ведь током лечат.

— Опасно.

— А если тёплой водой поливать?

Милиционеры посовещались и говорят:

— Наш вам совет: когда сажаете — глубже копать.

И верно!

Очень полезный разговор у них получился. Тут же приняли решение: как только с капустой и охраной морских животных дело наладится, устроить день здоровья — прогулку на теплоходе к берегам Африки.

Договорились и разошлись.

Сорок милиционеров отправились ловить браконьеров, а тридцать девять морских разбойников вернулись к своей капусте.

СЛОН

А у наших друзей в Африке ну и дела!

Только мистер Бом стал подплывать с пленниками к берегу, видит — впереди камни. Вода так и бурлит. Хотел Бом отвернуть, да не справился с кораблём — видно, долго в бочке сидел, ловкость потерял. Матрос только успел сказать: «Что же ты, сухопутная душа, делаешь?» — как корабль со всего хода на камни — рраз! Раскололся — и на дно. Подхва-

тили волны людей, закрутили, завертели, выбросили на берег.

Лежат четыре человека, связанные верёвками, на песке. Пятый — мистер Бом — сидит и воду из шлема выливает. Вылил, бич подсушил и говорит:

— Ну, вы тут лежите, а я пойду выясню, где тут колонии. Где вас в рабство можно продать. И ещё надо найти, на чём вас везти. Ведь небось пешком — убежите?

— Убежим.

Ушёл он. Идёт и не узнаёт Африки. Где раньше одни пыльные дороги были, теперь асфальт и автомобили. Где раньше на полях голые люди мотыгами размахивали, теперь, глядишь, то трактор ползёт, то быки пахут. Где раньше стояли одни хижины — крыши из пальмовых листьев, — теперь город: каменные дома, светофоры на улицах. И ещё: раньше слонов вдоль дорог видимо-невидимо бродило, теперь — ни одного.

Ах нет — вот один навстречу идёт!

Обрадовался колонизатор.

— Вери гуд! (Что по-английски значит «очень хорошо».) Стой!

Слон остановился.

— Пойдёшь со мной, — говорит мистер Бом. — Там на берегу океана четыре человека связанные лежат. Марш!

И бичом замахнулся.

«Странный человек! — думает слон. — О каких это он людях?»

Тут мистер Бом его бичом по ноге.

«Ах так! — Обхватил слон колонизатора хоботом и посадил на верхушку пальмы. — Пойду, — думает, — на берег океана, посмотрю, что там случилось».

Пришёл на берег, а там на раскалённом песке четыре человека, связанные. Распутал слон верёвки.

— Уфф! Чуть было не умерли! — говорит Пароход. — Такая жара. Ещё полминуты — и испеклись

бы... Так-так. Однако у нас дела. Кто нас в ближайшую школу отвести может?

Тут слон хоботом сделал знак: идите, мол, за мной!

ОТЧЕГО ВСЁ ИЗМЕНИЛОСЬ

Тем временем мистер Бом уже слез с пальмы и пошёл спрашивать про колонии.

Идёт и по-прежнему не узнаёт Африки. Ещё один город. Широкие улицы. На улицах магазины. В магазинах продают жевательную резинку и пылесосы.

В большом автомобиле едут два министра на заседание. Министры — чёрные, а шофёр — белый.

Мистера Бома чуть удар не хватил. Сел он на скамеечку в саду и закрыл глаза. Слышит — рядом человек садится. Дышит тяжело — наверное, старик.

— Ай, ай, ай! — говорит мистер Бом, не открывая глаз.— Что с Африкой? Вы мне можете объяснить?

Человек старческим голосом ему отвечает:

— Ничего удивительного. Но для того чтобы мой уважаемый собеседник понял, я расскажу одну историю. Это очень старая сказка. Её рассказывали ещё в те времена, когда слонов в Африке было больше, чем сейчас муравьёв, а люди, запалив в хижине огонь, хранили его в горшке с углями, потому что огонь добывали от молнии и лесного пожара, а молния и лесной пожар бывают не каждый день и не каждую неделю.

Так вот, задолго до этого, когда ещё не было слонов и не было у людей хижин, да и сами люди ещё не появились, были во всей Африке только Небо и Земля. Вогнутое, как свод раковины, Небо и плоская, как звериная шкура, натянутая на барабан, Земля.

И вот однажды Земле стало скучно, и она решила отправиться в гости к Небу. Земля (а ведь она была

плоская, как натянутая на барабан шкура) подобрала свои края, собралась в ком (получился очень большой ком) и двинулась в путь.

Небо тоже скучало и с удовольствием приняло соседку. Они уселись друг против друга и долго вели беседу про то, как несовершенно устроен мир и какие перемены следует в нём ожидать. Они говорили всё правильно и не могли даже предполагать, что получится после того, как их беседа закончится. А получилось вот что. Когда Земля вернулась домой, она стала располагаться на старом месте. Но это у неё теперь никак не получалось: во время путешествия она местами растянулась, местами сжалась, а кое-где на ней появились даже ямки и трещины.

И вот, когда Земля наконец кое-как улеглась, оказалось, что её во все стороны пересекают складки (их пришлось назвать горами), а как только прошёл первый дождь, вода не ушла, как раньше, а задержалась в ямках и трещинах (получились озера и реки).

Ты спросил меня: что случилось с Африкой?

Она изменилась (меняется всё на свете) и, подобно Земле, никогда не станет прежней.

Так закончил свой рассказ человек, который сидел рядом с Бомом.

Тут мистер Бом открыл наконец глаза и увидел, что человек рядом с ним не только старый, но и чёрный как ночь, а на отвороте пиджака у него учёный значок.

Тогда мистер Бом вскочил со скамейки и бросился бежать. Он бежал к океану, где оставил своих пленников.

Бежит он по дороге и видит: идут навстречу матрос, по имени Пароход, пират Чёрная борода, Слип и африканский мальчик. А впереди них мягкой походкой — слон.

СЛОНЫ И ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

«Ах, какая неудача! Какое коварство! — подумал мистер Бом («коварство» — это он про слона). — Ведь надо же — освободил!.. Нет, видно, мне нужно внести в их ряды раскол. Пусть только этот пират отойдёт в сторону!»

Подумал так — и шашь в кусты.

А пират Чёрная борода в это время увидел на дереве сладкую дыню-папайю и потихоньку — с дороги, чтобы эту дыню одному съесть.

Только он к дыне руку протянул, кто-то из-за кустов его руку — цоп!

— Ни с места! — говорит шёпотом мистер Бом. — Вы теперь в моей власти. Сдавайтесь! Есть деловое предложение.

— Люблю деловые предложения, — так же шёпотом отвечает пират. — Что надо сделать? Предать кого-то или отравить?

— Предать, — говорит мистер Бом. — Как только увидите стоящие у дороги кровати, уговорите своих друзей на них лечь.

— Друзей? — спрашивает Чёрная борода. — Ха-ха! Какие они мне друзья? Так, случайные попутчики. Как по-вашему «очень хорошо»?

— Вери гуд!

— Ладно!

Пират съел дыню и побежал вслед за товарищами, а мистер Бом пошёл покупать кровати. Три нашёл, четвёртую не достал, взял раскладушку.

Стал кровати в западни переделывать.

Пока он этим занимался, слон привёл друзей в пальмовую рощу. Смотрят они, а тут — в роще — школа. Удивительная школа — для слонов. Сидят на траве тридцать девять слонов, перед каждым — чернильница. Старый африканец с учёным значком ходит между ними.

Разговорились.

— Школа? Нет, пожалуй, это не школа, — го-

ворит учёный.— Хотя, может быть, и школа. Просто проводим опыт: можно ли слонов научить грамоте? Вот сейчас учимся писать буквы... Тембо, займи своё место!

Слон, что их привёл, хоботом помахал — дескать, сейчас! — сел на траву, чернильницу откуда-то вытащил, тоже стал писать.

— Б... б... а... а,— говорит учёный.— Ба... нан... Ба-нан.

Слоны пишут. Тембо сперва написал «БОНАН», потом к букве «О» хвостик пририсовал, получилось «А».

— Банан. Правильно!

— Какой молодец! Никогда его не забудем,— говорит про слона Пароход.— Ну, нам пора. Мальчика в школу определим — и сразу домой.

КРОВАТИ И ПЛОТ

Вышли наши друзья из пальмовой рощи, идут вдоль реки, по дороге высматривают — где тут школа?

Солнце, между прочим, уже на закат.

Видят, около дороги три кровати и раскладушка.

Чёрная борода сразу смекнул.

— Ах,— говорит,— как спать хочется! Отдохнём?

— Не ложитесь! — говорит мальчик.— Пойдёмте дальше.

— А я бы прилёг,— говорит Слип.

— Ладно,— согласился Пароход.— Спим сто минут ровно. Отбой.

Только они легли на кровати, а те — кувырк! — перевернулись и превратились в клетки. А раскладушка оказалась мешком. Сидят Пароход, Слип, Чёрная борода в клетках, а мальчик Васька в мешке барахтается.

Выходит из-за кустов мистер Бом.

— Ну как? — спрашивает. — Убежали? Ха-ха-ха! Тут, ниже по течению, ещё одна колония осталась. Туда я вас и продам. Пожалуйста на плот.

— Ура! — говорит Чёрная борода. — Мы победили. Откройте поскорее замок.

— Это ещё зачем? — удивляется мистер Бом. — Я и тебя, бородатый, продам. Ведь надо же такое сказать — «мы победили»!

Пират Чёрная борода от такого коварства даже заплакал.

Перетащил мистер Бом пленников на плот, оттолкнул его. Плывут. Стемнело. Мистер Бом фонариком вперёд светит.

Попробовал Пароход руками клетку сломать. Гнётся железо, но плохо. Не сломал.

Под плотом кто-то вздыхает. И ещё: толк головой в плот, толк! Это бегемоты.

— Кыш! — говорит им африканский мальчик из мешка. — Кыш!

Ночь прошла, солнце выкатилось. Плывут они мимо берегов. На берегах пальмы и баобабы, орехи-кешью и манго — плоды жёлтого цвета. Река всё шире.

Только собрался Пароход клетку свою доломать, мальчик Васька из мешка спрашивает:

— А это что за шум? Посмотрите, впереди над рекой, случайно, белый дым не виден?

— Виден.

— Берегитесь — это водопад! А за ним океан начинается.

Только он так сказал, река как забурлит, как понесётся! Плот сперва вверх подняло, а потом вниз. Как бросит! Полетели люди, брёвна, клетки вверх тормашками... Плот по кусочкам разметало, кровати разбило, мешок порвало.

Вынесло всех пятерых в океан.

Плывут они по волнам. Впереди Пароход, за ним Слип, за ним Васька, за ним Чёрная борода. Позади всех — мистер Бом.

Плывёт, бич из крокодиловой кожи тащит.

— У меня есть план,— говорит он шёпотом пирату.— Только мы доплывём до берега, вы им дадите одного порошка.

— Ненавижу! — отвечает ему пират.— Ненавижу вас и ваши подлые штучки. И как это я сам столько лет был негодяем? Вернусь домой, тут же перевоспитаюсь, пойду в повара... Пароход, а Пароход, какая тут глубина?

— Тысяча триста тридцать три метра.

Мистер Бом от ужаса даже бич уронил. Тот змеей на дно.

Тут африканский мальчик Васька кричит:

— Вижу корабль!

И верно — корабль. А это сорок морских милиционеров и тридцать девять разбойников совершают прогулку на теплоходе.

Подплыли они, видят — в воде пять человек. Вытащили их на палубу.

— Ба! — говорят милиционеры.— Никак, старые знакомые. Здравствуйте, матрос по имени Пароход!.. А кто это с вами?

— Это,— объясняет матрос,— африканский мальчик Васька, наш друг. А это мистер Бом, последний из колонизаторов.

— Станный какой! — говорят разбойники.— Зелёный, как капуста. И сразу видно — злой. Он не кусается?

Пароход на мачту залез, осмотрел в подозрную трубу далёкий африканский берег.

— Вижу,— кричит,— школу! Правьте к берегу.

Только дали ход, смотрят — плывёт бочка. Мистер Бом увидел её и даже в лице переменялся.

— Моя,— говорит.— Моя бочка. Это в ней я

столько лет на дне просидел... Нет, не могу я на эти перемены в мире смотреть. Колоний нет, везде свободные люди... Пропади оно всё!

Сказал и — прыг! — за борт. Влез в бочку, пробку из дна вытащил и утонул. Утонул, но вдруг снова всплывает, рукой всех зовёт.

— Забыл,— говорит.— Про чернильницу забыл. Она мне теперь, как видно, ни к чему. Никакой я книги не напишу. Зря меня два года в школе учили... Передайте эту чернильницу мальчику. Чувствую, выучится он и совсем другую книгу напишет. Сорри! (Это по-английски значит «ах, как жаль!».)

Отдал чернильницу и снова на дно пошёл. Только пузыри родничком.

Подплывает корабль к берегу, а там во всех африканских школах звонки, звонки! Новый учебный год начался.

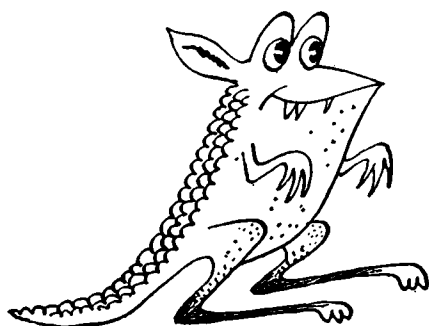
Высадили они мальчика, и тот бегом в класс.

Обошли они на теплоходе вокруг Африки с Европой, вернулись в славный город Ленинград.

Идут Пароход и Слип по Таврической улице, подходят к дому номер семь и говорят друг другу:

— Ну вот, теперь, кажется, и конец приключениям!

СКАЗКИ
ИЗ ДОРОЖНОГО
ЧЕМОДАНА

Мне много приходится ездить, бывать в разных странах и всякий раз, когда я возвращаюсь, нахожу на дне своего чемодана сказки: то книжку, изданную в далёкой африканской стране, то тетрадку, в которую записал легенду, рассказанную индийской девочкой, то листок бумаги, на котором тесно, нерусскими буквами напечатана забавная история, которую уже много веков рассказывают на Аляске.

Я долго складывал эти книжки и эти листки в ящик стола, а теперь решил их достать, потому что в каждой сказке — народная мудрость, а что может быть интереснее и поучительнее народной мудрости?

Одни сказки я просто перевёл, другие пересказал, а третьи не только перевёл и пересказал, но и соединил вместе. Но ни одну не придумал — просто извлёк их со дна дорожного чемодана.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЖИЛА В БУТЫЛКЕ

(Англия)

В давние времена многие люди в Англии, особенно те, чей дом расположен между Ипсвичем и Лондоном, знали женщину, которая жила в бутылке. Бутылка была большой, и поэтому никто не удивился, когда старушка поселилась в ней. Она держала в кустах лестницу и всякий раз, когда ей надо было забраться в бутылку, довольно ловко это проделывала. Вот только нрав у старушки был ворчливый и жадный, и именно это заставило её на склоне лет совершить большую ошибку.

Однажды маленькая старая женщина вылезла из своей бутылки и отправилась пешком в Ипсвич, чтобы купить там на базаре рыбы.

Получилось, однако, что ей не пришлось идти до самого Ипсвича: по пути она увидела озеро, а на

берегу его рыбака, который только что забросил в озеро сеть. Старушка села около него и стала ждать. Рыбак докурил свою трубочку и стал тянуть сеть, но, вытащив, достал из неё только одну маленькую серебристую рыбку.

— Эй, ты,— сказала старушка,— продай мне улов!

Рыбак засмеялся.

— Сколько же мне взять за него? — спросил он.— Один пенни для тебя недорого?

Он поступил очень мудро, назначив эту цену: пенни — это было всё, что лежало в кошельке у старушки.

Ворча, она отдала рыбаку пенни, забрала рыбку и пошла домой. Однако стоило ей сделать несколько шагов, как рыбка, открыв рот, заговорила.

— Добрая женщина,— сказала рыбка,— не носи меня домой. Брось меня, прошу, назад в воду. Я всего лишь маленькая серебристая рыбка, и сколько бы ты ни жарила меня, ничего хорошего не получится!

«К сожалению, она говорит правду! — подумала старушка.— Что проку в такой малявке?» — и, вернувшись к озеру (рыбак со своей сетью уже ушёл в другое место), бросила рыбку в воду.

Однако стоило той скрыться, как вода в этом месте заклокотала и вместе с пузырями всплыл маленький зелёный человечек. Он ловко выпрыгнул на берег и очутился рядом со старушкой.

— Так вот кто меня спас! — пробормотал он и стал разглядывать старую женщину.— Ты умно поступила. Я, конечно, всего лишь маленький водяной человечек, но мне теперь надо отблагодарить тебя. Что ты хочешь? Говори скорее.

Старушка растерялась — она никогда в жизни не говорила с водяными — и поэтому ответила запинаясь:

— Спасибо... Мне ничего не нужно... Я живу в старой бутылке из красной глины... А что касается

еды: хлеб и рыба — всё, в чём я нуждаюсь,— у меня есть... Нет, мне ничего не нужно!

Маленький зелёный человечек долго расхаживал взад-вперёд по берегу, потом подумал и сказал:

— Ладно, иди. Но если что-нибудь надумаешь, приходи на это место, хлопни три раза в ладоши, я появлюсь и исполню твоё желание. Вот так!

Он сделал сердитую гримасу, прыгнул головой вниз в воду и исчез.

Старушка вернулась домой и, уже когда лезла по лестнице к себе в бутылку, подумала, что, пожалуй, лучше бы ей иметь обыкновенный дом с крыльцом и дверью. Пошёл дождь, старушка закрыла горлышко бутылки пробкой и снова подумала, что крыша была бы удобнее. Она всё время думала теперь о доме и наконец решила, что надо идти на озеро.

Она пошла туда и не успела хлопнуть в ладоши, как вода заклокотала и вместе с пузырями всплыл маленький человечек. Он выпрыгнул на берег и спросил:

— Ну, что надумала?

— Да вот,— ответила старушка,— решила, что лучше мне всё-таки иметь обыкновенный дом. Такой, как у всех. И ходить через дверь, а то лестница с каждым годом становится всё тяжелее.

— Что верно, то верно! — буркнул человечек.— Незачем тебе жить в бутылке.— И он, ничего больше не сказав, бросился в воду.

Старушка вернулась в деревню, и каково же было её удивление, когда вместо красной глиняной бутылки она увидела хорошенький розовый домик. Около него росли цветы, а дверь была гостеприимно открыта.

Старушка вошла внутрь и нашла там свой старый стул, маленький круглый стол и полку с посудой — всё, что она оставила в бутылке. На озере она проголодалась, поэтому уселась обедать, и сразу же стул показался ей жёстким, а стол неудобным.

На другой день она снова отправилась к водяному. Дошла до озера, трижды хлопнула в ладоши, водяной выскочил на берег.

— Ну, что тебе ещё? — спросил он.

— Можешь не злиться, — сказала старушка. — Или забыл, кто спас тебе жизнь? Вот какое новое дело: не заменишь ли ты мне и мебель? Моя стара и выглядит в таком хорошеньком новом доме просто ужасно!

— Ладно! — огрызнулся человечек и ушёл в озеро.

Старушка вернулась домой. В каждой комнате теперь стояли стулья с цветной обивкой, а обеденный стол пахнул новой краской. Что касается полки, то и она была новая, а уж посуда на ней — та просто сверкала и лучилась.

«Теперь, кажется, всё, что мне надо, — подумала старушка. — Вот только ходить на базар надоело. Не завести ли мне пони?»

На следующий день она вновь отправилась к водяному.

— Опять пришла? — спросил её маленький человечек.

— Да. Я пришла за пони. За маленьким пони, с ленточкой в гриве и с колокольчиком на шее. Уж не забыл ли ты, что это я выкупила тебя у рыбака?

— Уф! — фыркнул человечек и прыгнул в озеро.

Старушка пришла домой и увидела возле крыльца привязанного пони. У него были и ленточка в гриве, и колокольчик на шее. Пони стоял и пощипывал травку.

«Но как же мне ездить на нём? — подумала старушка. — Не трястись же верхом? Мне, которая оказала водяному столько услуг? Нет, нужен обязательно экипаж!»

Она еле дождалась следующего дня и, сев верхом на пони, отправилась к озеру. Выскочил водяной, и она рассказала ему про экипаж.

— Глупая, жадная женщина! — воскликнул че-

ловечек. — Ты никак не можешь остановиться. Смотри, как бы жадность не сыграла с тобой злую шутку!

И он полез назад в воду.

Старушка хотела спросить, когда будет экипаж, но оглянулась и увидела, что пони уже стоит, запряжённый в красивую деревянную повозку.

Она села в неё и покатила.

Ночью старушка уже не спала, а раздумывала, что бы ещё выпросить у водяного.

«Слуги! Вот кого мне теперь не хватает! — сказала она себе. — Кучер, горничная и повар!»

И едва только бледное солнечное пятно показалось на затянутом тучами небосводе, старушка запрягла пони и помчалась к озеру. Там она снова захлопала в ладоши и снова зелёный человечек оказался на берегу рядом с ней. Но на этот раз он уже ничего не говорил, а смотрел на старушку, поджав губы.

— Итак, я спасла тебе жизнь, — повторила старая женщина. — Я выкупила тебя за один пенни, я не отнесла тебя домой и не бросила на сковородку. Теперь ты должен выполнять все мои просьбы. Мне нужны кучер, горничная и повар. Можешь не возражать и не трясти своей шапочкой. Я еду домой!

Она повернулась к экипажу, но... ни экипажа, ни пони уже не было. Она посмотрела на то место, где стоял зелёный человечек — оно тоже было пусто. Только по воде шли круги...

Старушка отправилась домой пешком. Долго брела она по дороге, а когда пришла, то увидела вместо розового домика старую глиняную бутылку, а около неё в кустах — свою лестницу.

ДАЛЕКО И БЛИЗКО

(Нигерия, по Б. Левандовской)

Жила-была семья обезьян-бабуинов: папа-бабуин, мама-бабуиниха и их маленький сын. Однажды в полдень (а надо сказать, что в полдень почти все

животные Африки отдыхают) они забрались в тень под большое дерево-баобаб. И когда они хорошенько устроились и даже с часок подремали, маленький бабуин вдруг спросил:

— Папа и мама, что такое «близко» и что такое «далеко»?

— Мм-мм-мм-м? — недовольно переспросил его сквозь сон папа.

— Далеко, это... — начала было ласковым голосом мама, но положила сыну на плечо свою большую волосатую руку и тоже заснула.

«Им не интересно объяснять мне это, потому что я маленький, взрослым и большим совсем не интересно с нами», — подумал малыш.

Он сказал это себе и вдруг увидел, что на краю саванны (а саванной называется африканская степь с редкими деревьями), тоже под деревом, но не под большим, а под маленьким, стоит крохотный слоник.

«Вот и отлично! Уж он-то не прогонит меня и не заснёт, если я стану его расспрашивать. Мы, может быть, даже подружимся!» — решил маленький бабуин, выбрался из-под маминой руки, обошёл папу и отправился в путь.

Каково же было его удивление, когда по мере того как он шёл, деревце и слоник всё росли и росли и наконец превратились в большое развесистое дерево и огромного слона.

— Я... я... я видел здесь недавно маленького слоника, — начал юный бабуин.

— Ну и что из того? — ответил слон. — Что тебе надо?

— Я хотел спросить у него, что такое «далеко» и «близко».

— Какая чепуха, — фыркнул слон. — Я стою здесь с утра, никакого слоника тут не было. Тебе всё это померещилось. А ты — хорош! Нашёл время задавать вопросы в такую жару. Уф!

Он тяжело вздохнул. Но юный бабуин уже увидел в другой стороне саванны ещё одно маленькое дерево

и под ним маленького жирафа. И тотчас отправился туда. Каково же было его изумление, когда за то время, что он шёл, и дерево и жираф тоже выросли.

— Э-э, тут что-то неладно! Наверное, если бы я стоял на месте, они не становились бы большими,— догадался маленький бабуин.— Попробуем-ка ещё раз.

Он отправился к маленькому страусу, который бродил в тени акаций у самого горизонта, и не удивился, когда страус тоже превратился в большую птицу. Подойдя к ней, он вежливо поздоровался.

— Откуда ты, малыш? — ласково спросил страус.— Тебе ещё рано бродить одному по саванне. Садись на меня верхом, я недавно видел твоих родителей, они сидели вон под тем баобабом. Видишь, каким он кажется отсюда маленьким? Это оттого, что он далеко... Держись крепче!

И страус с обезьянкой на спине побежал твёрдым широким шагом. Он бежал так быстро, что не успел его седок опомниться, как они уже стояли около баобаба, в ветвях которого беспокойно метались, высматривая сына, отец и мать.

— Я не хочу подходить ближе, у твоего отца слишком большие зубы,— сказал страус.— Будь счастлив, малыш! — И он таким же твёрдым шагом пустился в обратный путь.

— Где ты был? Я так беспокоилась! — сказала, слезая с дерева, мать.— Ты, наверное, голоден, я сейчас накормлю тебя вкусными корешками, которые выкопала из земли.

— Сперва он получит от меня взбучку! — сказал папа-бабуин.— Ты что, забыл: малыши не должны уходить далеко от взрослых! Вот тебе первый подзатыльник... Ты что улыбаешься?

— Я улыбаюсь потому, что знаю теперь, что такое «далеко» и что такое «близко»,— ответил их сын.

ПОЧЕМУ У КИТА БОЛЬШОЙ РОТ

(Восточная Африка)

Жил-был кит. Он никогда ничему не удивлялся, плавал себе в тёплой воде океана и лениво пофыркивал. Рот в те времена был у него маленький.

Подплыл однажды кит к берегу и увидел обезьянку, которая собирала орехи-кешью, сорванные с дерева ветром.

Они поговорили между собой о том о сём, и обезьяна спросила:

— А знаешь ли ты, могучий кит, что южный ветер, который сорвал эти орехи, однажды был причиной очень больших неприятностей. Из-за них могли пострадать человек, ветер, змея и ещё кое-кто.

— Нет,— ответил кит, лениво шевеля хвостом.

— Тогда я осмелюсь задать тебе ещё один вопрос. Кто сильнее — ты, самый большой из зверей, странствующих по тропе жизни, или вон тот серый паучок, упавший на землю вместе с орехом?

— Конечно я,— равнодушно ответил кит.— Ну конечно я, тут даже раздумывать нечего.

И снова фыркнул, чуть приоткрыв свой маленький рот.

— Нет, совсем не так... Слушай.

И обезьяна начала свой рассказ.

...Давным-давно в стране, что лежит между берегом океана и озёрами, в самой середине Африки, откуда вытекают самые большие в мире реки, жил вождь. Это был могущественный человек, и его боялись не только люди его племени, но и все звери, звёзды и ветер.

Но этот могущественный человек был слеп от рождения, а поскольку он был любознателен, то часто задумывался. «Я хотел бы знать, на что похож мир, окружающий меня,— говорил он себе.— Что только бы я не отдал, чтобы увидеть его хотя бы на мгновение!»

И случилось так, что однажды во время сезона дождей, когда на страну надвинулись синие и тяжёлые от влаги тучи, блеснула молния, и слепой на мгновение увидел мир. А поскольку он стоял в это время перед огромным деревом-баобабом, то увидел именно его. Увидел, и опять всё для него погрузилось в темноту.

— Какое счастье! — воскликнул слепой вождь. — Я знаю теперь, что мир — это дерево, что он серого цвета, у него короткие толстые ветви, зелёные листья и много плодов. Теперь я спокоен!

И он продолжал жить и править своим племенем. Иногда, оставаясь наедине с самим собой, он подходил к баобабу, трогал его рукой и, убедившись, что зрение и осязание сказали ему правду, облегчённо вздыхал.

Но вот случилась беда. Как-то подул очень сильный южный ветер, в саду раздался грохот и треск ветвей.

— Что это затрещало и рухнуло? — спросил встревоженный вождь.

— Не гневайся, это южный ветер повалил твоё дерево! — ответили испуганные слуги.

Тогда вождь сделал несколько магических движений, известных только ему, и, когда колдовство стало действовать, приказал ветру явиться.

Ветер предстал перед вождём.

— Как посмел ты сломать моё любимое дерево? — с горечью воскликнул тот.

— О, повелитель, — ответил ветер, — я никогда не смог бы проникнуть в твой сад и сломать дерево, если бы меня остановила стена. Но она не сделала этого.

Вождь приказал явиться стене.

— Я, конечно, остановила бы ветер, — ответила стена, — но толстая и тяжёлая змея-удав, которая живёт в саду, часто лазила по мне и вконец разрушила меня.

Вождь велел позвать удава.

— Я не лазил бы по стенам и не ловил бы певчих птиц, если бы в своё время огонь, который бушевал в саванне (а я родился там), сжёг яйцо, отложенное моей матерью! Из него я появился на свет и охочусь так, как положено змеям,— объяснил удав.

— А я сжёг бы яйцо, но мне помешал дождь, который потушил меня. В то лето дождь начался раньше времени. Если бы не так — всё было бы в порядке,— сказал огонь.

— О мудрый! — начал дождь свои объяснения.— Ты, конечно, знаешь, что сезон дождей начинается тогда, когда серый паучок, живущий на дереве-кешью, перестаёт ткать свою паутину и прячется под кору. Но в то лето паучок поторопился, кончил работу и спрятался. Раньше времени пролился на землю и я...

— Теперь ты знаешь, кто сильнее? — закончила обезьяна свой рассказ.

Поражённый кит так разинул рот от изумления, что он стал у него широким-прешироким.

С тех пор у китов большой рот, а маленькие серые паучки, которые ткут свои паутинки на ореховых деревьях-кешью, никогда не торопят начало сезона дождей.

УМНЫЙ БРАТ

(Эфиопия)

Жили три брата: двое ленивых и глупых, а третий — самый младший — дельный и умный. У каждого было по клочку земли, по хижине и по быку.

Жили они жили, что младший достанет или вырастит, то и ели. Однажды видят старшие братья — ничего в их домах нет. Зарезали быка младшего брата и съели. Приходит тот домой с поля, а от быка только кости да шкура остались.

— Что же вы сделали? — говорит он братьям.—

Почему своих быков не тронули?.. Ну да делать нечего, отдайте мне хоть шкуру.

Взял шкуру, понёс её на базар продавать. Идёт по дороге, видит дерево, под ним — нора, а около неё много-много мышей. Расстелил младший брат шкуру, а когда мыши забрались на неё, шкуру свернул и поймал мышей, как в мешок. Залез на дерево, ждёт.

Едет мимо караван купцов, на каждом муле — тюки с дорогими товарами. Расположились купцы на отдых под деревом, а младший брат возьми да и высыпи на них мышей.

Купцы с перепугу — в разные стороны, а младший брат слез с дерева, погрузил самые лучшие товары на мула и погнал его домой.

Очень удивились старшие братья — откуда у него мул и столько товаров?

— А за это вам спасибо! — говорит младший брат (он зла долго не держал). — Быка вы моего зарезали, а я его шкуру продал и вон сколько всего накупил. Шкуры нынче знаете в какой цене!

Это он так пошутил, а его братья подхватились с циновок и давай своих быков резать.

Зарезали, шкуры сняли, на базар понесли. А там таких шкур много. Так ничего они и не выручили.

Разозлились, вернулись домой. Дождались, когда младший брат в поле уйдёт, и подожгли его хижину. Хижина из тростника вспыхнула как свеча, и нет её — одна горстка золы лежит.

Вернулся с поля младший брат, видит, хижина сгорела, погоревал-погоревал, собрал золу в мешок, погрузил на мула и снова отправился в путь.

Ехал весь день, а когда настала ночь, приехал в деревню и остановился переночевать около дома одного богатого человека. Как все богачи, тот был злой и очень трясся над своим богатством — как бы его не потерять!

Настало утро, и младший брат поднял крик: — Беда, — кричит он, — беда!

Сбежался народ, выскочил из дома богач.

— В чём дело? — спрашивает. — Что за беда?

— Ой, украли! Ох, похитили муку! Муку самого негуса!

И он рассказал, что будто бы вёз на муле мешок муки самого царя-негуса. Муку будто воры ночью украли, а вместо неё насыпали в мешок золы.

Испугался богач, что такая пропаша случилась у самого его дома и что негус может заподозрить в краже его, богача.

— Не кричи, — умоляет, — не собирай народ! Высыпай свою золу, бери мою муку и уезжай поскорее.

Высыпал младший брат золу, насыпал полный мешок отборной муки и вернулся домой.

— Откуда у тебя мука? — удивились братья.

— Обменял на базаре. Знаете, в какой теперь цене зола от дома? Все только её и спрашивают: нет ли у тебя ещё, нет ли?

Переполошились братья, сожгли свои тростниковые хижины, сгребли золу в два мешка и повезли на базар...

Снова вернулись они ни с чем — долго люди хохотали над ними, — но на этот раз решили больше с младшим братом не ссориться, а жить с ним в мире. Построили новые хижины из тростника, купили на деньги брата быков и живут.

Но случилось так, что злой и трусливый богач узнал, кто провёл его, и решил расправиться с младшим из братьев.

Когда богач отправился в путь, то встретил купцов, у которых младший брат отобрал ценности, и рассказал им всё. Купцы тут же смекнули, кто их обидчик, и решили наказать его. Они первыми приехали в деревню, где жили братья, подкараулили на поле младшего брата, схватили, затолкали в большую корзину и опустили корзину над пропастью.

— Сиди, дрожи, корзина скоро оборвётся! — сказали они и уехали хохоча.

А в это время по тропинке ехал богач, который

отстал от купцов. Ехал и придумывал, каким бы способом наказать обидчика. Видит — над пропастью корзина, а в корзине — человек.

Удивился богач:

— Что ты там делаешь? — спрашивает.

— Набираюсь мудрости, — отвечает младший брат (он увидел богача через дырочки в плетёной корзине). — Видишь, какое дело: мне надо наказать одного человека, который замыслил против меня зло. Так вот, посидев в корзине над этой пропастью, каждый становится умнее и, самое главное, горазд на выдумки.

А надо сказать, что богач был глуповат и никак не мог придумать, каким образом ему наказать обидчика.

— Ой, да мне и самому надо посидеть в этой корзине. Пусти меня туда! — просит.

— Нет, нет, — отвечает младший брат. — Знаешь, как мне долго пришлось ждать очереди.

— Дай я за тебя посижу хотя бы часок, — умоляет богач. — Я тебе заплачу, мне ох как надо!

— Ну ладно...

Подтянул богач корзину за верёвку. Вылез из неё (прикрывая лицо рукой) младший брат, взял деньги, посадил в корзину богача и снова опустил её над пропастью.

И ушёл.

Долго висел злой и жадный богач, пока мимо не проехали крестьяне и не освободили его.

Вскочил он на своего мула и поскакал, забыв о всякой мести, домой.

А три брата с тех пор жили дружно и в достатке. Они вместе вспахивали своё поле, вместе следили за быками, а по вечерам, когда над горами, где начинается свой бег Голубой Нил, гаснет оранжевая полоска зари, собирались у своих хижин и вспоминали всё, что с ними случилось.

ТРИ БРАТА

(Танзания, Занзибар)

Жил купец, у которого было три сына. Однажды, когда купец вместе с сыновьями с караваном товаров шёл по землям в глубине Африки, он занемог. Позвав сыновей, купец сказал:

— Дети мои! Много месяцев идём мы с вами по этой чужой негостеприимной земле. Мы не наторговали богатств, и теперь я думаю только об одном, как бы вам вернуться домой целыми и невредимыми. О себе я не думаю — мои дни сочтены.

Заливаясь слезами, братья слушали отца.

— Похоронив меня, — продолжал купец слабым голосом, — отправляйтесь назад к океану. Прошу вас выполнить мои три просьбы: пусть все тюки в вашем караване будут пустыми, никогда не носите красных одежд и не бойтесь говорить вслух то, что думаете. По пути будьте внимательны и старайтесь из всего делать правильные выводы...

Сказав так, купец умер.

Сыновья похоронили его, раздали все свои товары местным людям и с пустыми тюками двинулись в обратный путь.

Караван шёл уже по дороге несколько дней, когда братья увидели в мягкой глине следы животного.

— Здесь проходил осёл, — сказал старший брат.

— Он нёс большой груз, — добавил средний.

— Он прошёл всего несколько часов назад, — закончил младший.

Не успели они это сказать, как придорожные кусты раздвинулись, и из них вышел одетый в пышные одежды правитель этого края.

— Кто вы такие и почему смее судить о том, чего не видели? — грозно спросил он.

— Мы бедные купцы, возвращаемся к океану, чтобы попасть домой. А что касается наших слов, то они относятся как раз к увиденному, — отвечали братья.

— Это отпечатки ног осла,— пояснил старший.

— Они очень глубоки, значит, осёл был тяжело нагружен,— сказал средний.

— Следы не затоптаны другими животными, значит, они оставлены недавно,— закончил младший.

«Они так умны, что сумеют и без всего разбогатеть!» — подумал правитель и приказал, отобрав у братьев всех животных и поклажу, выпроводить их за пределы его владений.

Оставив весь караван,— носильщиков и ослов с пустыми тюками,— братья пошли дальше.

Спустя несколько дней, они увидели под деревом у дороги новые следы.

— Тут отдыхала женщина,— сказал старший.

— Муж её небогатый человек,— добавил средний.

— На спине она несла ребёнка,— закончил младший.

Не успели они так сказать, из-за деревьев и на этот раз вышел в сопровождении слуг правитель нового края. Он тоже слышал слова братьев и тоже был поражён ими.

— Ничего нет удивительного,— объяснил ему старший.— Такая маленькая нога бывает только у женщины. А следы ведут в тень.

— В траве лежит браслет, который она потеряла. Браслет не дорогой,— добавил средний.

— И всё-таки, потеряв браслет, она не ушла, если бы все её мысли не были заняты ребёнком. Ему она дала поиграть браслетом, и это он потерял украшение,— закончил младший.— А носят детей, как ты знаешь, за спиной...

«О-о, как они умны и сообразительны. Что, если они захотят убить меня и сесть на мой трон? — подумал правитель.— Нельзя отпустить их живыми...»

И он приказал отвести братьев к себе в дом, подарил всем троим красные одежды и попросил надеть их на ночь.

Братьям эта просьба показалась подозрительной, и, ложась спать, они постелили одежды на полу, а сами легли в другом месте. Только они это сделали, как из окон на одежды посыпался град стрел — это слуги выполнили приказ своего хозяина убить гостей.

Не теряя времени, братья незаметно выскользнули из дома и отправились глухими тропинками дальше на восток.

Шли они, шли и наконец достигли берега океана. Здесь на пути им встретился город, правитель которого радушно принял братьев и, выслушав их рассказ, предложил остановиться на несколько дней в своём дворце.

Однако надо сказать, что он не очень-то поверил тому, что рассказывали ему братья, и, чтобы удостовериться в их уме решил вечером подслушать их разговор.

Он спрятался за колонной во дворце и стал слушать.

— Мне кажется, что мясо телят, которым нас здесь угощают, не настоящее,— сказал старший.

— И заморское вино, которым поят, тоже ничего не стоит,— добавил средний.

— А правитель, хотя и выводит свою родословную от султанов Занзибара, не тот, кем хочет казаться! — закончил младший.

При этих его словах правитель в гневе вышел из-за колонны и воскликнул:

— О, странники! Так вот как вы платите мне за гостеприимство! Как можете вы сомневаться в истинности того, что слышали или получили здесь? Если окажется, что вы хоть в чём-то неправы, вам не сносить головы!

И, хлопнув три раза в ладоши, он приказал привести всех дворцовых слуг.

Услыхав, в чём дело, дворцовый повар упал на колени.

— Смилуйся, господин! — завопил он.— Ты приказывал эти дни готовить к обеду мясо телят, но

у меня не было под рукой телятины, и я, несчастный, нанизал на вертел бок старой коровы!

— О, повелитель! — взмолился и дворцовый виночерпий.— Заморские вина я раздал своим родственникам, а к столу наливал в сосуды местное дешёвое вино.

Не успел правитель решить, что делать с мошенниками, как в комнату вошла его мать — она тоже пряталась за колонной и тоже слышала всё. Она сказала:

— Сын мой, не гневайся на пришельцев. Это правда: ты не сын моего покойного мужа, который был родственником султана. Ты мой сын от первого брака. Этот брак я долго скрывала. Твой отец принадлежал к славному королевскому роду, владения которого расположены в Эфиопии. Но разве по прошествии стольких лет это имеет какое-либо значение?

Правитель не мог сердиться на братьев. Он дал им парусную лодку-доу, и она доставила всех троих на остров Занзибар. Там они провели остаток лет, умножая не богатство, а мудрость.

КИБОКО ХУГО — БЕГЕМОТ

(По Дж. П. Мбонде, Танзания¹)

КТО ТАКОЙ БЕГЕМОТ ХУГО

В Африке на берегу океана, в мелкой и тёплой лагуне Куросáni, живёт бегемот по имени Хúго. Он живёт один, но это не значит, дети, что так было всегда.

Когда-то, в давние-давние времена, в лагуне жили рыбы-акулы. Это были добрые и гостеприимные

¹ Первая сказка, написанная для детей на языке суахили в Танзании после завоевания в 1961 году страной независимости.

животные, и поэтому, когда из леса в лагуну пришли бегемоты, акулы уступили им Куросани. Они уплыли в океан и живут теперь там. Вот почему, дети, я не верю историям про коварство и жестокость акул. Не всё, что рассказывают, происходит на самом деле.

Но оставим акул в покое и поговорим о бегемоте Хуго.

После того как все родственники его умерли, он остался в лагуне один.

Он жил там год за годом, и каждый, кто приезжал в Куросани или в расположенные поблизости деревню Мзимуну и город Дар-эс-Салам, спрашивал:

— А где бегемот-кибóко, который живёт один?

На что люди, знающие лагуну, обыкновенно отвечали:

— Хуко, хуко! Там, там!

А поскольку люди племени насига вместо «хуко» говорят «хуго», это и стало кличкой бегемота.

КАК ЛЮДИ ОБИДЕЛИСЬ НА БЕГЕМОТА ХУГО

Всё шло бы хорошо, мои дети, если бы бегемот Хуго питался, подобно акулам, рыбой или, подобно чёрным сорокам, которые имеют обыкновение разъезжать верхом на слонах, жуками и бабочками.

Но, увы! Хуго не питался ни рыбой, ни жуками, ни бабочками, а выходил каждую ночь из лагуны и поедая молодые побеги риса и вытаптывал своими короткими толстыми ногами грядки. Он не знал, что люди Куросани тратят много труда на то, чтобы посадить и поднять рисовые стебли. Однако незнание не оправдание, как говорит мудрый марабú, у которого лысая голова и у которого на каждый случай в жизни есть пословица или поговорка. И случилось так, что жители Куросани возненавидели Хуго, и, когда люди из Мзимуну или из большого города Дар-эс-Салама убеждали их смириться с потерей урожая, жители Куросани отвечали:

— Хуго вытаптывает не ваш рис. Мы убьём Хуго!

Дело шло к тому, что жестокость вот-вот должна была восторжествовать. Тогда обеспокоенный Хуго, который кое-что услышал, решил посоветоваться с Рыбой.

КАК БЕГЕМОТ ХУГО ГОВОРИЛ С РЫБОЙ

Одинокая жизнь Хуго очень удивляла морских животных, которые всегда держатся стаями. Поэтому Рыба охотно пришла на зов бегемота. Она и сама давно хотела кое-что узнать о Хуго и его предках.

Они встретились в том месте, где солёные воды океана сливаются с пресными водами реки, впадающей в лагуну. Никто не мешал их беседе, дети, и вот какой разговор произошёл между ними.

РЫБА. Мне непонятно, почему у всех животных, живущих на суше, есть шерсть, а у вас, бегемотов, её нет?

ХУГО. Для того чтобы ответить на твой вопрос, надо рассказать историю, которая случилась давным-давно. Это случилось ещё до того, как появился человек, его лодки и дома. Ты можешь верить, можешь — нет, но когда-то у бегемотов была густая красивая шерсть. И жили они не в воде, как теперь, а на суше. Господин Слон, у которого шерсть очень редка и, можно сказать, совсем незаметна, завидовал бегемотам. Он договорился с Кроликом...

РЫБА. Это такой зверь с длинными ушами?

ХУГО. И с длинным лживым языком, добавлю я. Так вот, Обманщик Кролик и Господин Слон решили погубить бегемотов. Кролик пригласил их прогуляться по берегу кипящего озера. А когда они стали важно разгуливать по песку, любуясь своей густой шерстью, появился Господин Слон и столкнул их всех в воду.

РЫБА. Но ведь вода должна была когда-нибудь остыть!

ХУГО. Так и случилось — вода остыла. Но шерсть у моих предков к тому времени вся вылезла, и они от стыда решили никогда больше не покидать воды. И тогда же у них появилась привычка выходить пастись только по ночам.

РЫБА. Однажды бегемот опрокинул лодку, в которой сидел рыбак. Рыбак охотился за мной. Я в долгу перед твоими родичами.

ХУГО. Вот видишь, тогда помоги мне советом. Люди говорят, что они хотят напасть на меня за то, что по ночам я ем их рис. Они хотят убить меня. Что делать?

РЫБА. Это сложный вопрос. Я могла бы посоветовать тебе оставить в покое рис. Но я сама знаю, что такое голод. Мой совет: наберись терпения. Подожди, что будет.

Так сказала Рыба и, вильнув хвостом, скрылась в солёной воде океана, а бегемот Хуго поплыл пресной водой к себе в лагуну.

ДЕТИ ПРИХОДЯТ В КУРОСАНИ

Только он вернулся в лагуну, как заметил, что на её берегах мелькают тут и там белые рубахи и белые блузки, зелёные юбки и синие брюки школьников. Поднимались серые палатки. Школьники из Дар-эс-Салама приехали на отдых и строили себе лагерь.

И случилось так, что только они разбили лагерь, как прибежал человек и сказал:

— Бегемоту Хуго грозит опасность!

Он рассказал про рис, и тогда один мальчик предложил:

— Построим между водой и рисовым полем забор! Бегемот Хуго не сможет тогда топтать рис.

И все школьники сказали:

— Построим забор!

Они принялись за дело и работали весь день. Они

построили забор, а вечером пошли к себе в лагерь, а по пути пели песню:

Звери саванны в стране Танзании
Это большое богатство для всего мира.
Мы должны сохранить зверей в Танзании.
Друзья животных — пример для всех.

Они пели, а бегемот Хуго сидел в воде, выставив уши и ноздри, и тихонько дышал и слушал. Он не знал, что весь этот шум поднят из-за него.

Вот почему, когда настала ночь, он, как всегда, вылез на берег, обошёл забор и наелся сладкого-сладкого риса и от удовольствия — рис был действительно так сладок! — даже потанцевал на грядках.

МИКУМИ

Утром — а это случилось именно утром, дети, — одна девочка встала раньше всех и побежала на рисовое поле, посмотреть, как там дела. Прибежав назад, она закричала всем:

— Как вы спали? Шикамóо!

— Мы спали хорошо, — ответили ей все. — Марахáба!

— Тогда посмотрите на поле!

Все посмотрели и ахнули.

— Я знаю, что надо делать, — сказала девочка. — Надо выкопать яму, поймать в неё бегемота и отвезти его в Микúми!

И все поняли, что она права, потому что в заповеднике Микуми есть «пруд бегемотов». И ещё права потому, что в заповеднике хорошо живется не только им, но и слонам, и львам, и лысому марабу, и даже злой слюнявой гиене... Тут, дети, мой рассказ подходит к концу, потому что яма-ловушка уже вырыта, и все дети, и все рыбаки и крестьяне Куросани ждут, когда попадётся в неё Хуго.

Неизвестно, когда он в неё попадётся, но говорят,

что бегемоты обязательно попадают в ловушку в один из первых пяти — десяти дней после того, как её вырыли и закрыли сверху травой и ветками.

И тогда наступит час переезда. И все жители Куросани соберутся, чтобы проститься с Хуго, потому что хотя он и топтал их рисовые поля, во всём остальном он был добродушным животным и никому не делал другого вреда. А жители Мзимүни и большого города Дар-эс-Салама выйдут на дорогу, чтобы тоже проститься с бегемотом Хуго. Они будут стоять вдоль дороги и, когда машина с животным подъедет, затянут песню. Это будет песня со старыми словами:

Где этот бегемот?
Хуго! Хуго! Хуго!

Но и старые слова хороши, если они к месту.

Это будет праздник, потому что тогда можно будет сказать: «Люди спасли старину Хуго. Ещё одно животное в Танзании в безопасности!»

И все будут гордиться, потому что гордиться можно не только победами своего народа в войнах, но и его добрыми делами.

МАЛЕЯТОВИТ И ЕГО СОБАКИ

(Аляска)

Жил в селении на берегу студёного моря юноша по имени Малейтовит. Он был, как и все люди его племени, охотником, ездил на собаках в тундру и бил копьём оленей карибу.

У него была хорошая упряжка — девять ездовых собак, одна лучше другой. Каждую он взял ещё щенком.

Жил он с отцом и с матерью.

Но вот настал день, когда родители сказали ему: — Малейтовит, пора тебе жениться. Пока мы ещё не умерли, нам хочется понынчить твоих детей.

И Малейтовит стал ходить по селению из йглу

в иглу. Везде он просил девушек приготовить ему немного аукоотбока. Но одни девушки клали в кушанье жир не молодого, а старого карибу, другие скупались на сушёное мясо. И только в самой последней иглу на самом конце селения, Малейтовит попробовал такой аукоотоок, какого никогда прежде не едал. Хорошо перетёртый жир молодого карибу был нежным, мелко изрезанное сушёное мясо тщательно перемешано с синими ягодами черники.

Малейтовит попросил девушку отнести кушанье в деревянной мисочке его родителям. Тем оно понравилось, и через два дня сыграли свадьбу.

Стал Малейтовит и его жена жить вместе. Пошел он однажды весной в тундру и не вернулся. Жена знала, где обычно охотится её муж. Оставила дома детей, взяла копьё и пошла за ним.

Идёт — в трещинах от зимних морозов талая вода. Пучки травы желтеют под солнцем. С кочки на кочку — нашла она в сухой траве следы мужа. И вдруг следы пропали. Усталая и измученная, легла жена на кочку и уснула. Проснувшись от собачьего лая. Это упряжка Малейтовита отвязалась и прибежала из посёлка искать хозяина. Лают собаки, заливаются. Посмотрела женщина, а в траве дверка. Открыла её, а там под землёй — иглу. Сидят в ней два медведя и её муж Малейтовит. Бросились собаки на медведей. Одного разорвали, а второго женщина копьём убила. Смотрит, и собаки все погибли — медведь их порвал. Вывела мужа из иглу, сняла с собак шкуры. Вернулись они в посёлок. Там из собачьих шкур сшила жена Малейтовиту одежду — парку, торбазу и рукавицы.

И снова стали они жить.

Пришло время, постарел Малейтовит. Трудно стало ему бегать с копьём за карибу. Начал он вязать сети на уток. Сперва хорошая охота была у него: как ни пойдёт в тундру — целую сумку птицы несёт. Потом всё хуже и хуже. Догадался Малейтовит, что кто-то ворует у него уток из сетей.

Пошел он однажды в тундру. Поставил сеть у озерца, лёг за ивняком в густую траву и стал ждать. Солнце поднялось высоко над вершинами снежных гор. Тепло стало. Прилетели утки и — в сеть. Попались! Но Малейтовит не стал вынимать их. Лежит в траве и ждёт. Слышит, за ивняком — голоса.

— Твоя очередь сегодня, бери! — говорит один голос.

Второй отвечает:

— Нет, брат, твоя. Бери ты!

Поднял Малейтовит голову и увидел двух юношей с сумками для дичи. Только они начали вынимать из сети уток, Малейтовит выскочил и бросился на воров. Те — бежать.

Бежит Малейтовит по тундре. С кочки на кочку прыгает, проваливается в лужи. Быстро бежит, а воры ещё быстрее. Видит Малейтовит — впереди иглу. Добежали воры до иглу и скрылись в ней. Осторожно подобрался Малейтовит к дому, залез на поросшую травой крышу и через отверстие для воздуха заглянул внутрь.

Сидят в иглу на корточках трое — старик и два вора.

— Отец, за нами гонится человек! — говорит один юноша. — Я боюсь. За ним опять придёт его жена и убьет меня копьём.

— За ним прибегут собаки и опять разорвут меня! — говорит второй.

Узнал Малейтовит в юношах тех медведей, что похитили его в тундре.

— Не бойтесь, дети мои! — отвечает старик. — Принесите мой бубен.

Один сын встал и принёс отцу бубен — маленький-премаленький. Никогда ещё не видел Малейтовит таких маленьких бубнов.

Старик плеснул на бубен воды. Начал бубен раздуваться, расти и стал большим. Принялся старик колотить в бубен, кружиться, и понял тогда Малейтовит, что это колдун.

Всё громче стучит бубен, всё неистовее кружится по иглу старик. Вдруг вспыхнул один край тундры — идёт по сухой траве огонь. Всё ближе подбирается к иглу.

Бедняга Малаятовит скатился с крыши и бежать.

А пламя уже совсем близко. Трудно бежать Малаятовиту в одежде из собачьих шкур. Сбросил он парку. А парка залаяла и кинулась на огонь. Кусает его, рвёт. Задержала огонь.

Бежит Малаятовит. Оглянулся — видит: огонь парку победил, сжёг и снова бросился в погоню. Вот-вот настигнет Малаятовита.

Кинул в огонь Малаятовит торбаза. Залаяли они, набросились на огонь, прижали его к земле. Пока огонь их победил — Малаятовит ещё дальше убежал.

Снова настигает его огонь, острыми когтями хватает за ноги. Стянул Малаятовит рукавицы, бросил их на землю. Запрыгали рукавицы, залаяли, кинулись на огонь. Кусают огненные лапы, рвут на клочья, не дают им бежать.

Ещё дальше ушёл Малаятовит. А огонь рукавицы победил, сожрал и снова в погоню. Бежит, над самой травой стелется, волочит за собой длинный хвост.

Чувствует Малаятовит его жаркое дыхание. Протянул огонь свою длинную красную руку, вот-вот схватит человека. Но в этот миг увидел Малаятовит впереди озерцо, свою сеть и с разбегу — бултых в воду.

А огонь так яростно неся за ним, что тоже упал в озеро.

Молнией вспыхнул, выбросил вверх столб пара и погас...

Вернулся домой в селение Малаятовит и стал по-прежнему там жить, по-прежнему ставить сети на уток. Но их никто больше не грабил, и Малаятовит с женой ели досыта до самой смерти.

СКАЗКИ О ЧЕРЕПАХЕ

(Куба)

ЧЕРЕПАХА, КРОЛИК И УДАВ-МАХА

Однажды удав-маха охотился за птицами. Надо сказать, что удавы отлично лазают по деревьям и очень редко падают с них. Но на этот раз случилось вот что: когда маха подкрадывался к жёлтокрылому попугаю, он зазевался и свалился с дерева прямо в яму. А яма была не простой — это была ловушка, которую вырыли индейцы-гуамá.

Стенки ямы были вымазаны глиной, и удав никак не мог выбраться. Напрасно он становился на хвост, втягивал шею и пытался зацепиться головой за край ямы — всё было бесполезно, каждый раз он срывался и падал.

А в это время мимо бежал братец-кролик. Он остановился, посмотрел в яму и присвистнул от удивления.

— Вот так штука! — сказал он. — Никак, сам господин удав попал в беду?

— Послушай, кролик, — сказал удав. — Что тебе стоит помочь мне выбраться? Вон сколько веток лежит кругом. Столкни их в яму.

Кролик был добрым, он хоть и боялся змей, стал сбрасывать в яму одну ветку за другой. Когда веток набралось много, удав без труда вылез из ловушки.

— Уф! — сказал он. — До чего же я проголодался, пока сидел в этой проклятой яме. А ну-ка, длинноухий, полезай ко мне в пасть! — И он распахнул свои челюсти так широко, что кролику показалось, будто сама земля разверзлась и готова проглотить его.

— погоди! — вскрикнул кролик. — Ты затеял неслыханное преступление. Ведь никто никогда не платит злом за добро. Не веришь? Спроси у любого.

— Ладно, — согласился удав. — Спросим, но, ес-

ли другие животные думают иначе, я проглочу тебя тут же на месте.

Не успели они выйти на берег озера, как увидели мула, который щипал траву.

— Послушай, приятель,— обратился к нему удав,— у нас спор вышел. Кролик говорит, что за добро нельзя платить злом. Я решительно с ним не согласен. А что думаешь ты?

Мул пожевал губами, изуродованными железной уздечкой, почесал о дерево спину, покрытую струпами от побоев, и сказал:

— Много лет возил я из деревни в деревню поклажу моего хозяина, работал безотказно и аккуратно. Бывали случаи, когда он усталый засыпал у меня на спине и я привозил его прямо к дому. Его дети играли со мной. А теперь, когда хозяину понадобились деньги, он решил продать меня торговцу. У того поклажи будет в три раза больше, а бьёт он своих мулов в три раза сильнее. Нет, сколько ни делай добрых дел, справедливости не найдёшь, в награду тебе достанутся одни тумаки!

— Ага! — сказал удав.— Чья правда? Ты готов?

— погоди,— взмолился кролик,— давай спросим ещё кого-нибудь.

И они пошли дальше. Не успели пройти и ста шагов, как увидели вола, лежащего в воде.

— Как думаешь, приятель,— спросил его удав,— можно ли за добро платить злом?

Вол печально покачал головой.

— Я лежу в тёплой, мягкой, приятной грязи,— сказал он.— Действительно, что может быть лучше? Но всё это в последний раз. Много лет работал я на человека, служил ему верой и правдой, но теперь состарился, и хозяин сказал, что завтра он отведёт меня на живодёрню. Разве это справедливо?

— Так, так,— пробормотал удав.— Это я и говорю. Бросай свои фокусы, длинноухий, и полезай ко мне в пасть!

— Ещё один, последний раз! — взмолился кролик, и они пошли вдоль берега.

Они шли до тех пор, пока не увидели черепаху, которая грелась на солнышке.

— Братец-черепаха,— взмолился кролик,— помоги. Вот какая у нас с удавом произошла размолвка.

И он рассказал всю историю.

Черепаха сразу смекнула, что просто так кролика не спасти, тут нужна хитрость.

— Увы! — вздохнула она.— Мудрый коричневый удав прав, тут и спорить не о чем. Где это видано, чтобы за добро платили добром? Но меня интересует другое. Как могло случиться, что такая великолепная, сильная, умная змея не смогла сама из ямы выбраться? Этого не может быть, вы оба обманываете меня!

А надо сказать, что коричневые удавы-маха очень самолюбивые и не терпят, когда их называют лжецами.

— Я обманываю тебя?! — воскликнул маха.— Ах ты, жалкая костяная сковородка, немедленно иди с нами, я покажу тебе, как было дело.

И он повёл черепаху и кролика на то место, где была яма.

— Да, действительно края у неё скользкие,— согласилась черепаха.— Но ведь яма мелка и тебе ничего не стоило стать на хвост и выбраться из неё.

— Ничтожная родственница улитки, я покажу тебе, что ты ещё раз не права! — воскликнул удав и недолго думая соскользнул на дно ловушки.

— Да, ты прав, я всего лишь жалкая костяная сковородка и ничтожная родственница улитки,— сказала черепаха.— Счастливо оставаться! Идём, братец-кролик!

И черепаха с кроликом скрылись в лесной чаще.

ЧЕРЕПАХА И БАНАНОВОЕ ДЕРЕВО

Та черепаха, о которой рассказывают сказки, была не только умна и хитра, но также необычайно ловка. Достаточно сказать, что она умела забираться на банановые деревья и там лакомиться спелыми фруктами.

Так вот, однажды черепаха нашла прекрасное банановое дерево, на верхушке которого росли гроздь жёлтых плодов. Не долго думая она вскарабкалась на него и стала обкусывать бананы и бросать их на землю, чтобы потом унести и съесть.

А дерево это росло на земле человека, в услужении которого был ястреб-аура. Огромная птица сидела на верхушке дерева-сёйба, похожего на бутылку, и внимательно наблюдала за окружающим.

Случилось так, что, когда черепаха взобралась на дерево, ястреба не было — он отлучился поохотиться, — но когда вернулся, то сразу заметил: в хозяйском саду творится что-то неладное.

Не успела черепаха сбросить на землю третью гроздь, как зашумели крылья и что-то чёрное, красное обрушилось на неё с неба. Сильные когти подхватили черепаху, и она взлетела в воздух.

«Кто это мог скогтить меня? — подумала черепаха. — Только у ястреба-ауры чёрное, покрытое перьями тело и красная голова. Это он!»

— Послушай, добрая птица, — обратилась она к ястребу, — ты, наверное, хочешь наказать меня за бананы?

— Так, — буркнул ястреб, продолжая подниматься всё выше и выше.

— Мудрая птица, — сказала черепаха, — ты совершенно права, что собираешься предать меня смерти. Воровать чужие бананы — это действительно ужасно. Правда, я не виновата, что у меня нет сада и что я больше всего на свете люблю бананы. Я также не виновата, что у твоего хозяина, кроме этого дерева, есть еще сто деревьев...

— Так,— ответил ястреб, высматривая, куда бы швырнуть добычу.

— Но я готова помочь тебе и выберу для себя самое ужасное наказание. Ведь твоему хозяину не понравится, если я останусь жива и снова начну наведываться в его сад. У меня есть большая просьба. Внизу под нами я вижу скалы, лес и озеро...

— Так...— Ястреб уже кружил, выбирая для черепахи место казни.

— Просьба моя заключается в том, чтобы ты бросил меня на скалы.

«Что-то она хитрит!—подумал ястреб.—Полечу-ка я лучше к лесу».— И он направился прочь от скал.

— Прекрасно! — воскликнула черепаха.— Уж раз не довелось мне падать на камни, то сойдут и деревья. Я очень благодарна тебе. Поскорее разжимай когти!

«Уж больно ты хочешь, голубушка, упасть на лес,— подумал ястреб,— но тебе не провести меня!» — И он разжал когти, пролетая над озером.

Когда через несколько дней черепаха снова поползла к банановому дереву, на верхушке дерева-сейбы, похожего на бутылку, никого не было. Хозяин прогнал плохого сторожа. Вот почему красноголовые ястребы-аура до сих пор ненавидят черепах и, если удаётся, охотятся на них, разбивая пойманных черепах о камни.

ОЛЕНЬ И ЧЕРЕПАХА

В лесу, на западной оконечности острова, жил гордый, самолюбивый олень. Он был так горд, что не замечал никого из животных, и так любил себя, что если ему и случалось кого-нибудь заметить, то он останавливался и говорил с ним только о себе.

Однажды олень повстречал черепаху.

— А, это ты! — Он снисходительно кивнул головой, увенчанной прекрасными тонкими рогами.— Не хочешь ли поболтать?

— Отчего бы и нет,— миролюбиво согласилась черепаха.— А о чём мы будем говорить?

— Как о чём? Конечно, обо мне. Или ты не знаешь, что я самый красивый, самый умный и самый быстрый в лесу?

«Пожалуй, что только самый красивый!» — подумала черепаха и решила проучить оленя.

— Я согласна с тем, что ты самый красивый и самый умный,— сказала она.— Но вот насчёт того, что самый быстрый... Откуда ты это взял?

— То есть как...— растерялся олень.— Не хочешь ли ты сказать?...

— Вот именно,— перебила его черепаха.— Готова побиться о заклад, что, если захочу, даже я — самая медлительная — обгоню тебя. Идет?

— Идет!

Олень был вне себя от гнева.

— Можешь звать на состязание всех своих родственников,— добавила черепаха.

— Не нужны мне никакие родственники! Я сам сумею постоять за себя. Ты не проковыляешь и пяти шагов, как я уже пролечу весь путь! Побежим завтра вокруг озера?

— Как хочешь.

Олень, фыркая от негодования, удалился, а черепаха той же ночью обошла всех своих родичей и каждого пригласила посмотреть, как она будет состязаться с оленем.

На другой день олень и черепаха сошлись на берегу.

— Ты всё-таки решил никого не приглашать? — сказала черепаха.— Напрасно, родная кровь в трудную минуту...

— Довольно молоть чепуху! — прервал её олень.— Начнём?

— Начнём.

Они попросили братца-кролика, который грыз неподалёку принесённый с огорода клубень маланги, быть судьёй и стали рядом около пенька. Братец-

кролик сосчитал до трёх, махнул пальмовым листом, и олень как ветер сорвался с места, а черепаха, к большому удивлению кролика, проковыляв три шага, вернулась и уселась около пенька.

Между тем олень мчался с такой скоростью, что пальмовые стволы мелькали мимо него как стрелы. Он пробежал четверть пути, как вдруг увидел, что впереди него... ковыляет черепаха! Не успел он обогнать её, как увидел на половине пути вторую черепаху. И так, куда бы он ни прибегал, он видел черепах, которые спешили на состязание и которых он принимал — ведь все черепахи на одно лицо! — за свою соперницу.

Утомлённый, еле передвигая ноги, доплёлся он до того места, откуда начинался бег, и там тоже увидел... черепаху. Она сидела на пеньке и обсуждала с кроликом последние лесные новости.

Побеждённый (как он думал), олень понурил от стыда голову и скрылся в лесной чаще.

— Что с ним? — удивился кролик. — Первый раз вижу, чтобы олень вёл себя так робко и скромно.

— Вот и хорошо, — ответила черепаха, — таким он мне нравится больше. Сказать правду, красивее и быстрее его в нашем лесу никого нет. Вот только вряд ли он самый умный...

Она посмотрела с пенька вдаль и добавила:

— Ага, бредут!.. Сейчас я познакомлю тебя со своими родственниками. Они не красивы и не очень умны, но в трудную минуту мы всегда готовы прийти друг другу на помощь.

СКУПЫЕ МУЖ И ЖЕНА

(Центральная Индия)

В одной деревне на самом краю джунглей жила семья — муж и жена. Они оба были очень скупы, и вот какие истории рассказывают о них.

Как-то шёл муж по чужому полю и увидел большую кокосовую пальму. На её вершине раскачивались огромные спелые орехи.

— Хозяина нет, сорву-ка я их! — сказал скупец, сбросил сандалии, обхватил руками кольчатый ствол пальмы и полез вверх. Он очень торопился и когда посмотрел вниз, то испугался: дома внизу были уже как коробочки, а люди — не больше муравьёв.

— О, великий Брэма, о, мудрая обезьяна Хá-нуман! — взмолился крестьянин. — Помогите мне спуститься вниз целым, и я накормлю тысячу голодных!

Он сказал это и начал медленно ползти вниз. Спустился до половины, посмотрел и увидел, что дома теперь уже как корзины, а люди чуть больше саранчи.

«Пожалуй, тысяча голодных — это много! — подумал скупец. — Хватит и ста».

Он сполз ещё немного и решил, что хватит десяти, а когда спрыгнул на землю, то сказал:

— Ну вот и всё! Уж одного-то я накормлю обязательно!

Вернувшись к хижине, он увидел около неё толстого бродячего монаха.

«Ну, этот-то всегда сыт. Много не съест!» — решил скупец и приказал жене накормить монаха досыта.

— Я скоро вернусь! — добавил он.

Он ушёл, а жена, ворча, достала горшок, положила на тарелку горсть риса и протянула тарелку монаху. Тот съел и потребовал ещё:

— Твой муж приказал накормить меня досыта, а я не привык есть так мало.

— Хватит с тебя, ты и так толстый, — ответила женщина, но не посмела послушаться приказания мужа.

Монах съел ещё тарелку риса, потом ещё, и горшок опустел. Тогда монах повалился на землю перед домом, стал стонать и кричать.

На крики прибежал муж и, задыхаясь, спросил:

— В чём дело?

— Твоя жена отравила меня! — кричал монах. Скупец страшно испугался.

— Замолчи! Вот тебе рупия, и иди к врачам, только замолчи!

Монах стонал всё сильнее.

— Кто заплатит за мои похороны? — кричал он.

Скупец дал ему ещё десять рупий.

— Умираю! На помощь!

Скупец и его жена задрожали от ужаса. Они отдали монаху все деньги, которые были у них в карманах. Монах взял их, дополз до поворота, там встал на ноги, отряхнулся и как ни в чём не бывало пошёл своим путём...

Однако эта история ничему не научила скупца и его жену, и очень скоро они снова стали жертвами своей жадности.

Случилось это так. К ним в дом пришёл сосед и попросил на время горшок, чтобы сварить бобы.

— А ты не разобьёшь его? Горшок вон какой хороший, почти новый. Его я купила всего десять лет тому назад на базаре в Калькútте, — сказала жена.

— Смотри быстро верни! — предупредил муж.

Сосед рассердился и решил их проучить. Он взял горшок, сварил в нём бобы, а потом достал глины и вылепил точно такой же маленький горшочек. Он расписал его точно таким же рисунком и на другой день вернул оба горшка.

— А этот откуда взялся? — удивился скупец.

— Этот маленький? Ах да, занятное дело, — сказал сосед. В доме у меня под полом есть яма. Её выкопали два бродячих монаха. Яма получилась волшебная: стоит положить в неё какую-нибудь вещь — и у той появляются дети.

Муж и жена даже подпрыгнули от такой удивительной новости.

— А не положить ли туда нашу сковородку? —

спросила женщина.— Потом у меня ещё есть две миски. Вот они.

— Ладно! — сказал сосед, забрал миски и сковородку, сделал на другой день точно такие же, маленькие, и вернул их.

Скупец ахнул.

Они с женой тотчас бросились собирать все горшки, миски, кувшины в деревне и к вечеру привезли на телеге к соседу целую гору посуды.

— Положи, пожалуйста, к себе в яму!

Сосед для виду немного поломался, потом согласился, забрал посуду, а рано утром, когда все спали, отвёз её в город и продал.

— Ну, как наши горшки? — спрашивали каждое утро скупой и его жена.

— Лежат. Скоро откроем яму, — отвечал сосед.

Наконец настал день, когда он позвал их. Они отвалили деревянную крышку, которой была закрыта яма, заглянули в неё и увидели — яма... пуста!

— Но где наша посуда? — закричали муж и жена.

— Вероятно, умерла, — сделав печальное лицо, ответил хитрец.— Умерла, и боги взяли её к себе на небо.

Теперь скупцу и его жене надо было возвращать посуду почти всей деревне.

Они побежали к судье жаловаться.

Судья, выслушав их, спросил:

— Вы говорите, что у вашего горшка в яме родился сын?

— Да.

— А у сковородки и мисок — дочери?

— Конечно.

— Так почему же посуда, у которой бывают дети, не может умереть и попасть на небо?..

И последняя история, которую рассказывают о них, это как скупцы чуть было не разбогатели.

Однажды вечером — дело было летом — шёл обычный в тех краях дождь. Он шёл не переставая,

и глиняная дорога, которая вела в город, превратилась в коричневую реку.

В дверь хижины постучали, жена открыла. На пороге стоял человек в рубище, с сумой.

— Я иду из самого Бенарёса, от берегов священного Ѓанга,— сказал странник.— Пустите обсохнуть и переночевать, добрые люди!

Скупец и его жена побоялись отказать человеку, идущему из святых мест.

— Ладно, входи,— сказали они.— Только у нас в доме нечего есть. Садись в угол, можешь развлечь нас рассказами о чудесах. Ты, должно быть, немало перевидал их?

Путник расположился в углу, открыл сумку и достал из неё раковину. На вид это была обычная раковина, красная, как приоткрытые бычьи губы. Такие раковины бродячие торговцы часто приносят в деревни. Была такая и у скупца с женой.

— Это раковина не простая,— начал путник.— Я получил её в храме, около которого каждую весну входят в воду жаждущие исцеления. Стоит только сказать: «Раковина, дай монету!» — и из неё выскочит рупия. Правда, её можно просить у раковины только один раз в день.

У скупого загорелись глаза.

— Не может быть! — сказал.

Путник нагнулся и сказал:

— Раковина, дай монету!

На пол со звоном выкатился серебряный кружок.

Скупой и его жена переглянулись.

Ночью, когда путник уснул, они достали из кухни свою раковину и осторожно подменили волшебную. Утром путник ушёл, а они сели на пол и в один голос закричали:

— Раковина, дай монету!

Выпала рупия.

Между тем путник, придя вечером в город, проголодался, полез в сумку, достал раковину и очень удивился, когда из неё не выскочило никакой монеты.

Он присмотрелся и понял, что его обокрали. Но как вернуть волшебную раковину? Долго он думал и решил. Сменил одежду, вымазал грязью лицо, вернулся к дому, в котором жили скупой и его жена, и, изменив голос, снова попросился на ночлег.

И снова, прежде чем ложиться спать, он стал рассказывать про чудеса, которые видел во время странствий. Кончив, достал из мешка простую раковину и сказал:

— А это раковина, которая сделала меня богатым. Стоит сказать: «Раковина, дай монеты!» — и из неё выскочат сразу три серебряных рупии!

Он спрятал раковину, но у скупого и его жены на этот раз не возникло уже никакого сомнения. Действительно, если есть раковина, из которой выскакивает одна монета, почему не быть такой, из которой выскакивают три?

Они опять переглянулись и, когда настала ночь и их гость уснул, снова подменили раковину, положив в его сумку волшебную и взяв оттуда свою, простую.

Утром путник ушёл, а они сели на пол и, задыхаясь от жадности, затараторили:

— Раковина, раковина, дай монеты!

Увы! В раковине жалобно пел сквознячок — никаких монет не падало...

Долго ещё жили скупец и его жена, ссорились каждый день и обвиняли в своих несчастьях друг друга.

ГОРШОК И ЕГО БРАТЬЯ

(Центральная Индия)

В одной деревне жила старая женщина. Муж её умер, дети умерли, и, хотя она с утра до ночи гнула спину, стараясь управиться на поле и дома, жить ей было очень трудно.

Как-то случился сильный ветер. Он ворвался в хижину к женщине через открытые окна и дверь,

покачнул полку над очагом и разбил все горшки.

Делать нечего, собрала старая женщина последние гроши, отправилась на базар и купила там три новых горшка, два одинаковых, а один — поменьше. Положила горшки в мешок и понесла домой.

Идёт и слышит — горшки перестукиваются, словно между собой переговариваются.

«Нет-нет, это мне чудится!» — решила женщина, пришла домой, поставила горшки на полку и отправилась за водой.

Принесла она воды, стала месить из кукурузной муки тесто. Месит, а сама думает о своей горькой доле.

— Был бы у меня сынок, пошёл бы он сейчас в поле вместе с другими мужчинами жать пшеницу,— забывшись, сказала она вслух. Сказала и тяжело вздохнула.

Вдруг слышит, застучали горшки. Дрожат, покачиваются, словно говорят что-то друг другу.

— Ой, что это? — спрашивает женщина.

А один горшок, тот, который поменьше, прыгнул с полки и говорит:

— Матушка, матушка, я пойду в поле.

Первый раз за много лет рассмеялась старая женщина.

— Куда тебе! Ладно, стой уж на полке. Да кто вы такие, удивительные горшки?

— Мы братья. Когда нас горшечник делал, сказал: быть вам сыновьями той женщины, которая вас купит. Пока вы вместе, всё и у вас и у неё будет ладно,— сказал маленький горшок.

Братья-горшки говорят:

— Мы пойдём с тобой, брат, пшеницу жать!

— Пока вы не нужны. Оставайтесь дома.

Сказал и выкатился на дорогу. Скок, скок, добежал до дома, где жил деревенский староста, и кричит:

— Староста, а староста! Возьми меня в работники.

Староста вышел из дома (дом богатый), посмотрел маленькими, заплывшими жиром глазками на горшок и говорит:

— У меня пятьдесят бѣгхов земли, где тебе управиться! Что за работу возьмёшь?

— Час буду жать — сто горшков зерна, день — три горшка, два дня — ни одного, всё тебе останется.

«Да он, видно, глуп! — подумал староста. — Там для одного работы на неделю!»

Дал он горшку кривой нож, которым жнут, тот и поскакал в поле. Часа не прошло — скачет обратно.

— Всё готово! — кричит.

Пошёл, посмотрел староста — пшеница сжата, снопы связаны, под навес уложены. Другие работники их уже молотят.

Ну и чудеса!

Возвратился горшок домой, говорит братьям:

— Теперь и вы мне понадобятся. Идѣмте зерно, которое я заработал, в дом носить!

Стали они дальше жить. Слышит старуха, снова горшки стучат.

— Матушка, а матушка, — говорит меньший. — Столько лет ты прожила, а своей буйволицы у тебя нет, некому тебе молоко по утрам давать.

Соскочил с полки. Братья ему говорят:

— И мы с тобой!

А он им:

— Пока вы не нужны.

Выкатился на улицу, заковылял к крайнему дому, где жил богатый крестьянин, у которого было несколько буйволиц. Хозяин на камне около ворот сидит. Подкатился к нему горшок и говорит:

— Видишь вон ту рощу, где дикая яблоня-бѣльва растёт? Так эта роща волшебная. Сейчас пойду туда за горшками — моей хозяйке новые горшки нужны.

Засмеялся крестьянин: откуда в роще горшки?

А горшок домой сбегал, говорит братьям:

— Идите в рощу, ждите меня там.

Вернулся к крестьянину.

— Мне сегодня,— говорит,— двух новых горшков хватит. Смотри, как это делается: входит в рошу один горшок, а выходят — три! Только при этом надо сказать: иди и не возвращайся!

Так и получилось: отправился туда один брат, а назад вышли все трое.

Ахнул крестьянин. А был он ох как жаден! Дай, думает, я вместо одной буйволицы три получу! Выгнал из хлева самую лучшую, стегнул её изо всех сил, кричит:

— Иди и не возвращайся!

Та в рошу. Поймал её там горшок и потихоньку отвёл к старухе во двор.

Живут дальше. Видит горшок, совсем их матушка руками слаба стала. Поговорил с братьями — прыг с полки.

— И мы с тобой! — говорят братья.

— Пока вы не нужны.

Катится по дороге, подпрыгивает, навстречу — свадьба. Невеста молодая, красивая, крепкая, а жених старый, некрасивый, и сразу видно — глупый. Остановилась свадьба около четырёх колодцев. Два сухих, а в двух вода есть. Сбежал горшок за братьями, велел им в сухие колодцы лезть. Вернулся, подскочил к родственникам невесты и говорит:

— Беда! Дочь ваша не за одного, а за троих сразу замуж вышла.

Испугались родственники, а жених спрашивает:

— Как так? Я на свете такой один. У меня даже братьев нет.

— А вот посмотри. В этом колодце кто? Ты. А в этом? Тоже ты. А в этом? Горшок. И в последнем — горшок. Все, кто в колодцах,— вылезайте!

Смотрят — из одного колодца горшок вылез, из второго... «Сейчас,— думает жених,— и те двое, что на меня так похожи, выскочат! Что нам троим на свадьбе делать?»

Не выдержал, как бросился бежать. И убежал. Отдали родственники невесту горшку. Привёл он её в дом к своей матушке.

Рис есть, молоко есть, крепкие молодые руки в доме есть — что ещё старой крестьянке надо?

ВОЛШЕБНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

(Южная Индия)

Так вот, на Малабáрском берегу, около города Коджикóда, в одной деревенской семье жил мальчик, которого звали Рам. Его родители были очень бедные люди, и, чтобы помочь им, Рам решил сделаться заклинателем — научиться исцелять от укусов змей.

Надо сказать, что в Индии есть всего четыре вида ядовитых змей, из которых самые страшные — кобра и маленькая змейка по имени крайт.

Змеи никогда не нападают на человека, но люди в Индии в деревнях ходят босиком, а змеям неизвестны истинные намерения людей. Вот почему змея, на которую наступили, имеет дурную привычку кусать, и в этом трудно её винить.

Люди народа малиалí, когда их укусит змея, знают, что нужно немедленно отсосать кровь и прижечь ранку угольком пальмового дерева и ещё чтобы заклинатель произнёс над ранкой волшебные слова, причём у каждого заклинателя эти слова свои.

Так вот, Рам решил сделаться заклинателем, а один приятель, которого он встретил на деревенской улице, посоветовал ему:

— Знаешь что, собери корзину подарков и отправляйся к вайдвáну — заклинателю, который живёт в соседней деревне. Вайдван знает волшебное заклинание, он скажет тебе его, ты повторишь его пятьдесят тысяч раз, и оно станет твоим собственным...

Рам очень обрадовался, узнав, что стать заклин-

нателем не так уж и сложно. Но какие подарки мог собрать он, мальчик из бедной семьи?

Долго размышлял Рам, потом взял корзину, набрал в неё огурцов из собственного огорода, поставил корзину на голову и отправился в соседнюю деревню.

Можете себе представить, как удивился вайдван, когда увидел около двери своего дома мальчика с корзиной огурцов на голове!

— Что случилось? — недружелюбно буркнул он.

— Я хочу стать твоим учеником, — смиренно ответил Рам. — Я хочу услышать от тебя волшебное заклинание, чтобы лечить в моей деревне людей. Я пришёл не с пустыми руками: видишь, вот подарок. — И он снял с головы корзину.

А надо сказать, что заклинатель был очень богат — в благодарность за исцеление люди приносили ему золотые и серебряные вещи и много других драгоценностей.

— Мне... в подарок... огурцы? — завопил злой вайдван. — Глупец!

Рам так испугался его крика, что не понял, о чём тот говорит. А вайдван топал ногами и кричал:

— Глупец!.. Огурцы?!

Испуганный Рам бросился бежать. Он мчался по деревенской улице со всех ног, а вслед ему несло:

— Глупец! Огурцы!

А надо вам сказать, что на языке малайалам, на котором говорит народ малиали, «глупец» произносится «вйтти», а «огурцы» — «кусмандам», и убегающий Рам, слыша позади себя «виттикусмандам», решил, что это и есть волшебное заклинание.

Он прибежал домой и стал день за днём повторять его, а когда повторил 50 тысяч раз, то почувствовал, что оно стало его словом.

Так Рам сделался врачевателем.

Надо сказать, что дела его сразу же пошли хорошо, потому что он не надеялся только на одну силу волшебных слов, но добросовестно отсасывал из ранок кровь и прижигал их угольком пальмового

дерева и советовал хорошенько кормить укушенных, чтобы у них было больше сил справляться с болезнью.

И ещё люди заметили, что он никогда не берёт от исцелённых дорогие подарки, всегда только еду — рис и мясо, и ещё изредка дрова, чтобы было на чём приготовить обед отцу и матери.

Владыкой Малабáрского берега в те годы был король Коджикóда. Этот король не отличался какими-либо особыми достоинствами, разве что имел очень тонкий слух и, как рассказывают, мог на расстоянии сорока шагов услышать слово, произнесённое шёпотом.

Однажды король, гуляя у себя в саду, наступил на маленькую змейку-крайт, и был ею тотчас укушен.

Во дворце поднялась страшная паника. Были вызваны все лучшие врачи и заклинатели города.

Однако напрасно они возносили к небу молитвы, курили благовония и выкрикивали заклинания — королю становилось всё хуже, и, когда настала третья ночь, все поняли: спасения нет. Король лежал на постели, закрыв глаза, еле дышал, у него уже начали холодеть кончики пальцев.

— Только чудо может его спасти,— сказал, покачив головой, самый старый и мудрый из врачей.— Королю надобно сделать усилие, от которого огонь жизни вновь вспыхнул бы в его груди. Но — увы! — как его сделать?

И тогда кто-то вспомнил, что в деревне, неподалёку от города, живёт мальчик, о котором идёт слава как об искусном врачевателе. Отряд гонцов с носилками ворвался ночью в деревню. Рама усадили на носилки, и слуги бегом, меняясь каждые четверть часа, доставили его во дворец.

Рам осмотрел короля и остался очень недоволен.

— Отсасывали кровь из ранки? — спросил он у первого министра.

Первый министр испугался. Он тут же сообразил, что может повредить себе, сказав «нет».

— Отсасывали кровь из ранки? — спросил он в свою очередь у второго министра.

Но тот был тоже себе на уме.

— Отсасывали кровь? — спросил он у старшего королевского писца.

Так они спрашивали друг друга, пока не добрались до самого младшего конюха, и только тот осмелился сказать «нет».

— Очень плохо! — сказал Рам.— А делали прижигание?

Первый министр снова побоялся ответить и снова вопрос дошёл до младшего конюха, который сказал, что рану не прижигали.

— Совсем плохо! — сказал Рам.— Осталось последнее средство — волшебное заклинание.

И он, наклонясь над умирающим, прошептал:

— Виттикусмандам!

И умирающий (а у него, как вы помните, был очень тонкий слух) услышал его. Мало того, король очень удивился, что кто-то бормочет над ним «глупец» и «огурцы». Он так удивился, что приподнялся на своём ложе и спросил:

— Какие огурцы?

От того что он сделал такое усилие, кровь в его жилах побежала быстрее, сердце забилось лучше, и через час он уже мог сидеть, облокотясь на подушку, и через день улыбаться и пить холодный сок манго.

Когда настал час отправляться Раму домой, король сказал ему:

— Ты спас меня от смерти. Проси всё, что хочешь. Что бы ты ни назвал, всё будет доставлено сегодня же тебе.

Он имел в виду золото и драгоценные камни, изделия из слоновой кости и дорогие ткани.

— Прикажи послать моим родителям немного фруктов и вязанку дров,— сказал Рам.— Это обычная плата за исцеление, и никакой другой мне не надо.

Король снова очень удивился и спросил: может быть, у Рама был помощник? Он хочет одарить и его.

— Да, при твоём дворе есть человек, который помог мне,— сказал Рам.— Он ответил на мои вопросы, и из его ответов я узнал правду. Вот он!

С этими словами он указал на самого младшего королевского конюха.

Сказка не сохранила память о том, был ли награждён конюх, но что после этой истории Рам вернулся домой и долгие годы жил, врачуя людей и оберегая старость своих родителей,— это известно.

Известно также, что он ещё много раз успешно прибегал к волшебному заклинанию: «Виттикусмандам!»

ОТКУДА У ТИГРА НА БОКАХ ЧЁРНЫЕ ПОЛОСЫ

(Вьетнам)

Случилось это в давние времена, когда джунгли покрывали всю страну, а звери подходили к самым стенам деревенских хижин.

Один молодой крестьянин работал неподалёку от деревни на своём крошечном рисовом поле. Он работал с самого раннего утра, устал ковырять мотыгой тяжёлую мокрую землю (ведь рис выращивают в воде!) и, отойдя в сторону, сел под деревом, чтобы отдохнуть и съесть лепёшку, которую ему дала с собой в поле мать.

Его буйвол тем временем пасся на поросшей травой насыпи, которая окружала поле. Поев, буйвол тоже лёг в тени банановых деревьев, лежал там и задумчиво жевал свою жвачку, отгоняя хвостом мух.

Случилось так, что в этот же час мимо поля, крадучись в густых кустах, проходил тигр. Он был огромен и могуч и совершенно справедливо считал,

что нет в джунглях зверя, который мог бы померяться с ним силою. Тигр не первый раз видел человека и его буйвола и уже давно хотел выяснить у них один вопрос.

Он вышел из кустов и направился прямо к буйволу. Почуяв запах хищника, буйвол вскочил и, повернувшись к тигру так, что его огромные тяжёлые рога касались земли, стал ждать.

— Тебе нечего меня бояться,— важно сказал тигр.— На этот раз я не голоден и мне не нужна добыча. Я пришёл потому, что хочу знать: как могло случиться, что человек, такое маленькое двуногое существо, без когтей и клыков, существо, у которого нет ни особой силы, ни даже грозного вида, смог заставить тебя и других животных работать на себя? Ведь стоит тебе ударить его рогом — и он замертво покатится по земле!

— Это так,— ответил добродушный буйвол и, подняв голову, положил рога себе на спину.— Дело в том, что у человека есть одна вещь, которая называется «ум». В нём-то всё и дело.

— Странно, первый раз слышу об этом.— Тигр начал сердиться.— Как могло случиться, что я — повелитель джунглей — ничего не знаю о каком-то уме, с помощью которого можно властвовать над другими? Может быть, ты меня обманываешь? Смотри, не то я разорву тебя на части!

— Как знаешь! — Буйвол вздохнул.— Впрочем, что ты спрашиваешь об этом меня? Мой хозяин сидит вон под тем деревом. Пойди и спроси его обо всём сам.

Тут надо сказать, что в те далёкие времена на боках у тигра не было никаких полос, и поэтому когда он направился снова через кусты к человеку, тот сразу увидел жёлтые, сверкающие, как солнце, его бока, испугался и хотел бежать, но было уже поздно. Тигр вышел из кустов и грозно сказал:

— Не беги, всё равно я быстрее и сильнее тебя. Я слышал, что у тебя есть одна вещь, которая делает

тебя хозяином над животными. Это ум. Он нужен мне. Отдавай!

Крестьянин, хотя и был очень испуган, быстро сообразил, что тигр понятия не имеет о том, что просит.

— О, могучий, ты властвуешь в джунглях и вправе требовать всё, что тебе нужно. Я отдам тебе ум, но сегодня я оставил его дома, и мне нужно сходить туда, принести его,— сказал он.

«Если он вздумает обмануть меня и не вернётся, я всё равно подкараулю его здесь на поле и прикончу!» — подумал тигр и, грозно зарывав (у крестьянина даже задрожали ноги), сказал:

— Иди!

«С тобой, видно, нельзя по-хорошему,— решил крестьянин.— Раз так, я проучу тебя...» И он сказал в свою очередь:

— Знаешь что? А вдруг, пока я хожу в деревню, ты съешь моего буйвола? Позволь, я привяжу тебя к дереву. Тебе всё равно, а я буду спокоен.

Тигр нехотя согласился, и крестьянин привязал его к дереву крепкими конопляными верёвками. После этого он пошёл на поле, собрал много сухой травы, разложил её под деревом и поджёг.

— Вот мой ум! — сказал он тигру.

Огонь подходил к зверю всё ближе и ближе. Вот уже задымилась шерсть...

— Отпусти меня, человек! — взмолился тигр.— Я не буду больше приставать к тебе с глупыми вопросами. Клянусь!

— Хорошо! — ответил крестьянин и перерезал верёвки. Тигр одним прыжком перемахнул через огонь и скрылся в джунглях.

Вот как случилось, что на шкуре у тигра появились чёрные полосы — это следы огня и верёвок. Правда, рассмотреть его, когда он крадётся среди кустов, теперь стало труднее, но человек не боится владыки джунглей: у Человека есть Ум.

ЮНОША, ЗЛОЙ БОГАЧ И ОБЕЗЬЯНЫ

(Вьетнам)

Жил в старину в одной деревне юноша. Добра у него было немного: старая бамбуковая хижина да клочок земли, на котором, если удавалось задержать воду, росло немного риса. Но юноша никому не завидовал, был добр и охотно приходил другим на помощь.

Раз он шёл по деревне и встретил девушку. Они остановились под манговым деревом, на котором, между прочим, сидела стая обезьян, и разговорились.

— Я могу угадывать судьбу людей,— сказала девушка,— и, если ты не прочь, скажу, что ожидает тебя.

— Вот и прекрасно! — ответил юноша.— Мне моя жизнь не в тягость, но всё-таки хорошо, если бы в ней что-то переменилось!

Девушка сходила домой, принесла чашу с водой, бросила в неё какие-то травы и, заглянув в чашу, сказала:

— Не знаю, что будет с тобой потом, но ещё сегодня ты совершишь два важных поступка. Радость и беда пойдут за тобой после них по пятам!

— Очень интересно! — сказали друг другу обезьяны, которые сидели наверху на ветках мангового дерева.— Посмотрим, что будет.

Юноша и девушка расстались, но, когда он уходил, девушка долго смотрела ему вслед, видно, в чаше она увидела ещё что-то, что относилось уже не только к нему, но и к ней.

А юноша пошёл по дороге к своему рисовому полю и на берегу ручья встретил старика, который не мог перейти по висячему, в две сплетённых лианы, мостику.

— Не бойся, дедушка, крепко держись за мою руку, и всё будет в порядке,— сказал юноша и перевёл старика через ручей.

— Спасибо, сынок, чем же мне отблагодарить тебя? — сказал, прощаясь, старик. — В моей лёгкой суме лежит бамбуковая дудочка. Возьми её, научись играть, мне она уже ни к чему.

Он отдал дудочку и ушёл, а юноша пошёл дальше, то и дело поднося дудочку к губам и извлекая из неё робкие нежные звуки.

А когда он вечером возвращался с поля домой, то встретил у того же висячего мостика богача, толстого и злого, который еле тащил мешок с чем-то тяжёлым.

— Послушай, парень, — взмолился богач, — я и так еле несу мешок, а уж если полезу с ним на этот мост, обязательно упаду и утону. Помоги!

— Отчего не помочь! — сказал юноша, взвалил тяжёлый мешок на спину и легко перешёл через ручей. Мало того, он дотащил мешок до самого дома богача и ушёл, не попросив ничего за труд.

— Какой глупый человек! — сказал сам себе богач. — Не потребовал вознаграждения. А ведь нёс мешок с серебряной посудой... О-о! А если он коварен — догадался, что в мешке серебро, и ночью придёт ограбить меня?

И всю ночь злой и трусливый богач вскакивал, подбегал к окошку и, дрожа, всматривался в темноту — не возвращается ли его попутчик и не слышны ли его шаги. Но ничего, кроме зелёной большой луны, не видел и ничего, кроме шороха, с которым носятся в ночном воздухе летучие мыши, не слышал.

А наутро он, решив погубить юношу, взял лопату, вырыл на тропинке, по которой тот ходил на своё поле, яму и закрыл её ветками. Он знал, что в этих местах бродит тигр и что звери джунглей не преминут явиться к яме, если в неё упадёт человек.

Так и случилось. Едва юноша наступил на ветки, они рухнули, и он очутился в яме. И тотчас на соседних деревьях появились обезьяны, а из-за кустов вышел и сел на краю ямы огромный полосатый тигр.

Но юноша не растерялся. Он достал свою дудочку и начал на ней играть. Он играл так хорошо, что тигр вздохнул, улёгся, подпёр голову лапой и закрыл глаза, а обезьяны начали по одной перебираться на ближайшую к яме ветку. Ветка под их тяжестью стала наклоняться и, наконец, совсем свесилась в яму. Юноша вылез по ветке, обошёл тигра и благополучно вернулся в деревню.

Здесь его встретила девушка, и они долго стояли у его хижины, взявшись за руки и о чём-то беседуя.

А злой богач, увидя из окна юношу, решил, что тот пришёл отомстить ему, схватил свой мешок и, кряхтя, бросился с ним вон из деревни.

— Очень интересно! — сказали обезьяны, когда он пробежал мимо их дерева.

Они сказали это и замолчали, потому что, когда богач скрылся, из-за кустов вышел тигр и, неслышно ступая, пошёл за ним следом.

Всё, что произошло потом с юношей и девушкой, богачом и тигром, видела одна зелёная луна да, может быть, летучие мыши, которые имеют привычку носиться по ночам с шорохом и среди деревенских хижин, и в джунглях между опутанных лианами деревьев.

ОТЧЕГО БЫВАЮТ ПРИЛИВЫ

(Индонезия)

Когда над побережьем индонезийских островов, которые, как корабли, плывут в беспредельном Океане, высоко в небе останавливается луна, старые рыбаки, посматривая вверх, говорят:

— Сегодня быть большому приливу! — и, щурясь, пытаются рассмотреть в лунных пятнах две знакомые им фигуры.

А началось так. Давным-давно на острове Ява жил крестьянин по имени Кáиман. У него было небольшое рисовое поле, и он с утра до вечера гнул

на нём спину — выращивать рис дело тяжёлое: надо всё время следить, чтобы нежные зелёные ростки, сидящие корнями в жидкой грязи, не засохли на солнце, если вода уйдёт, и не задохнулись без воздуха, если вода накроет их целиком. Для этого надо внимательно следить за валиками из глины, которые окружают поля, и то проделывать в них ходы, спуская воду, то снова залепливать их глиной.

Но Каиман был упрям и силен и хорошо делал эту работу. В хижине у него всегда вдоволь было рису, и он уже стал задумываться — не привести ли ему в дом жену, как вдруг в хижине поселилась крыса. Она выкопала в углу нору и сразу же стала думать, как ей обмануть человека. Вот почему в первый же вечер она вылезла из норы, села на задние лапы и, вытянув по глиняному полу свой мерзкий голый хвост, обратилась к крестьянину:

— Послушай,— сказала она, поглаживая тощее брюхо и дёргая тонким розовым носом (она чуяла рис!),— я хочу заключить с тобой договор. Мы живём в этой хижине вдвоём, и значит, всё, что есть в ней; надо разделить пополам. Начнём с риса...

— Ах ты, мерзкая тварь! — воскликнул крестьянин.— Ты едва только переступила порог моей хижины, а уже смеешь так говорить? Тебя никто не звал сюда. Ступай прочь, не то я швырну в тебя заступ.

— Как знаешь, только не пришлось бы тебе пожалеть о сказанном,— ответила крыса и, волоча по глиняному полу свой мерзкий хвост, ушла в нору.

На следующий день Каиман встал «паги», что значит по-индонезийски «утром», но крыса поднялась «паги-паги» (так говорят индонезийцы, если хотят сказать «рано утром»). Так вот, она поднялась паги-паги и раньше крестьянина побежала на поле. И когда Каиман пришёл туда, он увидел, что во всех глиняных валиках проделаны дыры и вода ушла. Крестьянин был упрям, он залепил дыры и снова пустил воду, но крыса ночью опять испортила валики.

Так продолжалось несколько дней, и Каиман понял, что ему не победить злобное животное.

Тогда он решил заняться рыбной ловлей, продал поле, купил лодку и сплёл из древесного луба большую прочную сеть. Но крыса была начеку и, когда Каиман собрался в море, пробралась незаметно на лодку и спряталась между корзин, которые крестьянин приготовил для рыбы. Выйдя в море, он забросил сеть и принялся тащить её. Сеть была такая большая, а Каиман так силен, что не только рыба попала в сеть, но и сам океан двинулся с места и, следуя за сетью, затопил берега. И люди индонезийских островов, где до тех пор никогда не было приливов, с ужасом стали убегать от стремящейся на берег воды.

В сеть к Каиману действительно попало много рыбы, но крыса не дремала, она незаметно подобралась и перегрызла одну из верёвок, за которые тянул рыбак. Сеть опустилась, рыба ушла, а океан, отпрянув от берега, вернулся и занял то место, которое всегда было ему определено.

Несколько дней подряд пробовал ловить рыбу Каиман, каждый раз потревоженный океан затапливал берега, но каждый раз крыса перегрызала верёвку и освобождала рыбу, а вместе с ней океан.

И тогда, поняв, кто портит сеть, Каиман обратился вечером к богам:

— О вы, сотрясающие землю и поддерживающие небо! — воскликнул он. — Заклинаю вас: рассудите меня с этим мерзким животным, а если не можете сделать это, то отправьте меня с лодкой куда-нибудь подальше от этого острова.

Надо сказать, что, обращаясь к богам вечером, он выбрал неудачное время, потому что боги, так же как и люди, к вечеру устают, и у них портится настроение.

Боги действительно не стали разбирать, кто прав в этой ссоре, а кто — нет. Они приказали ветру выполнить последнюю просьбу рыбака.

Ветер опустился на землю, превратился в огромный вихрь, подхватил облака, воду и песок на берегу, перемешал их и забросил на Луну, которая как раз в это время стояла над большим островом Ява. Вместе с водой и песком он забросил туда и лодку с рыбаком и с его сетью, а также с крысой, которая продолжала прятаться среди корзин.

Вот почему, повторяю, не только старые рыбаки, но даже каждый мальчишка и девчонка с острова Ява, каждый мужчина и женщина, завидев поздно вечером в небе Луну и разглядев на ней тёмные пятна, говорят друг другу:

— Смотрите, они по-прежнему там — рыбак, его лодка и крыса.

А если приезжий спрашивает, что делают на Луне крыса и рыбак, яванцы отвечают:

— Неужели вы не знаете? Каиман каждый день забрасывает с Луны в океан сеть. Он тащит её, океан поднимается и затапливает берега. Но крыса не дремлет, стоит только рыбаку зазеваться, она подбегает, перегрызает одну из верёвок, и океан возвращается на место. После этого рыбак начинает чинить сеть, а крыса снова прячется в лодке. И так продолжается каждый день. Вы, приезжие, называете это приливом и отливом, но мы-то знаем: это на Луне рыбак и крыса никак не хотят уступить друг другу.

ДЕВОЧКА-МУРАВЕЙ

(Афганистан)

— Хорошо рассказываешь!

— Жил в одном селении мудрец, который любил часами сидеть на берегу арыка и размышлять о жизни.

И вот однажды он сидел так, погружённый в думы, а над ним пролетал преследуемый соколом воробей.

Воробей держал в клюве муравья и, пролетая над арыком, выпустил муравья из клюва. Муравей упал у самых ног мудреца, тот поднял его и отнёс домой.

Тут надо сказать, что мудрец ещё был и волшебником, во всяком случае, он знал заклинания, с помощью которых можно превращать одно живое существо в другое. Принеся муравья домой, он положил его на пол и произнёс нужные слова, и муравей стал расти, менять свой облик и превратился в красивую маленькую девочку.

Мудрец взял её за руку и отвёл к своему другу, у которого было уже несколько детей и которому нетрудно было вырастить ещё одного ребёнка.

Шли годы, и девочка превратилась в стройную прекрасную девушку.

Тогда мудрец призвал к себе её приёмного отца, и они стали рассуждать, что делать дальше.

— Я думаю,— сказал друг,— что настало время найти того, с кем она может идти дальше по жизни. В нашем селении много крепких и красивых мужчин. Давай спросим её.

Но девушка, когда она предстала перед ними, а она была действительно умна и красива, ответила:

— О вы, чьим словам я должна и готова повиноваться. Не кажется ли вам, что те мужчины, о которых вы говорите, уступают мне в достоинствах? А вы столько раз учили меня, что только равенство соединяет сердца.

— Ты права,— ответил, подумав, мудрец.— Но кто в этом мире достойнее и безупречнее всех? Самый сильный. А кто сильнее всех? Солнце, оно побеждает даже мрак.

— Хорошо, пусть будет солнце,— согласилась девушка.

И рано утром, едва только солнце взошло над вершинами Гиндукуша, мудрец крикнул:

— О, светило! Эта девушка достойна самого могущественного друга. Не возмёшь ли ты её себе в спутники?

— Она прекрасна,— ответило солнце,— я было бы радо, если бы рядом со мной всегда сияла она. Но, увы, не я самое сильное и могущественное, а туча: даже небольшое облачко легко закрывает меня.

Тогда мудрец и девушка отправились к туче. Они нашли её у подножия высокой горы.

— Что делать,— ответила туча,— и я была бы рада иметь тебя подругой, но моё могущество ограничено: ветер гонит меня куда хочет.

Они обратились к ветру.

— Разве это сила и мощь — то, что есть у меня?! — воскликнул ветер.— Только слабые тучи, да гибкие деревья уступают мне. Посмотрите на гору — как несокрушима она, как прочно вросла в землю. Могущественнее её, по-моему, нет ничего.

Мудрец обратился к горе.

— Скажу по-справедливости, уж если кто и обладает могуществом и настоящей силой, то это муравьи,— ответила ему гора.— Действительно, я не поддаюсь пока ветру, но муравьи уже изрыли всё моё тело, расширили все трещинки. Скоро мне наступит конец, а я ничего не могу с ними поделать — ни прогнать их, ни уйти от них.

— Подожди меня! — сказал мудрец девушке, подошёл к горе, выбрал среди тысяч муравьёв одного, взял на палец и вернулся туда, где стояла красавица.

— Ты слышала всё,— сказал он ей.— Подходит он тебе?

— Конечно,— ответила девушка,— ведь он равен мне по своим достоинствам, и он действительно самый сильный.

И тогда мудрец произнёс известные ему слова, заклинание подействовало: тело девушки стало уменьшаться, изменять форму и она опять превратилась в муравья.

Два муравья взяли друг друга за руки и скрылись в расселине горы...

— Хорошо рассказываешь!

КАППА — РЕЧНОЙ МАЛЬЧИК

(Япония)

В давние времена на Японских островах в реках жили странные существа, похожие на черепах. Спину каждого защищал твёрдый панцирь, ноги и руки имели когти, а шея и голова были обезьяньими. Мало того, у каждого на голове росли короткие волосы, а макушка была голой. Они были величиной с ребёнка, когда он начинает ходить, и за это их прозвали речными мальчиками — кáппа. Их особенно много было на острове Кюсю.

Надо сказать, что каппа были очень любознательными, но страх не позволял им поближе познакомиться с людьми, и каппа наблюдали за ними из-под воды. Мало того, каппа боялись людей, редко попадались им на глаза, и вот почему среди жителей городов и деревень ходили только слухи об этих необычайных существах, о их таинственных знаниях и умениях.

Рассказывали, например, что однажды крестьянин оставил на берегу реки лошадь. Он привязал её к стволу ивы, а сам отправился работать на своё рисовое поле. Каппа решили посмотреть, что это за дикий зверь ходит по берегу, звенит бубенчиком и издаёт странные звуки. Выждав момент, когда лошадь подошла к самой воде, двое из них схватили её под уздцы и потащили в воду. Берег был глинистый, и лошадь, как ни упиралась всеми четырьмя копытами, с громким ржанием съехала в воду. Но в воде она попала копытами на крепкое дно, оттолкнулась и разом вместе с уздечкой и висящими на ней каппа вылетела на берег.

Крестьянин, который услышал ржание, уже бежал к ним со всех ног. Завидев человека, каппа прыгнули в воду, а хозяин погнался за лошадью прочь от берега, крича:

— Я видел их! Я видел их!

Но на острове Кюсю рассказывают и другое: что однажды человек смог поговорить с каппа, обошёлся с ними по-дружески и был за это вознаграждён.

Этим человеком была женщина, которая жила со своим мужем в небольшом посёлке. У них был маленький дощатый дом неподалёку от реки. Муж допоздна работал в саду или на поле, а жена вела хозяйство. По вечерам она любила сидеть у окна, поджидая своего мужа и наблюдая, как меняется цвет речной воды. Однажды, когда она так сидела, откуда-то снизу из травы поднялась и легла на подоконник короткая, покрытая чешуёй лапа с когтями. Женщина вскрикнула и отбежала от окна, а когда, поборов страх, вернулась (она была смелая женщина!) и высунулась из окна, внизу под ним ничего не было, только медленно поднималась трава, примятая чьими-то ногами. Женщина не стала ничего рассказывать мужу (он всё равно не смог бы оставаться дома — помощников у него ни в саду, ни в поле не было) и, когда снова настал вечер, села около окна и стала ждать. И снова, как только стемнело, появилась когтистая лапа. Женщина вскрикнула и снова отбежала в глубину комнаты. Наступил третий вечер. Женщина (а мы уже говорили, что она была неробкого десятка) взяла большой нож и стала ждать. И снова зашло солнце, сгустились сумерки, и вновь на подоконнике появилась тёмная лапа. На этот раз женщина, не раздумывая, ударила по ней ножом. Лапа осталась на подоконнике. Женщина положила её на пол, закрыла тряпкой и снова ничего не сказала своему мужу. Утром муж по обыкновению пошёл на работу, но неожиданно вернулся и сказал:

— Слушай, что случилось ночью у нас в саду? Там кровь.

Женщина молчала, подбирая нужные слова.

— След идёт от твоего окна прямо к реке. Неужели ты ничего не видела и не слышала?

И тогда женщина отбросила тряпку, чтобы по-

казать ему отрубленную лапу. Но — о чудо! — вместо безобразной кривой лапы на полу лежала отрезанная человеческая рука.

— Хорошо, я вернусь сегодня пораньше, и мы вместе поймает это существо, — сказал муж и ушёл.

Но стоило ему скрыться за деревьями, как в дверь постучали. Дрожа от страха, женщина открыла дверь и увидела молодого мужчину в синем дорожном плаще, который стоял на пороге, а на лице его было написано страдание. Она поклонилась ему, но когда согнулась в поклоне, то увидела, что путник однорук.

— Я хочу посмотреть ту руку, что лежит у тебя в доме, — сказал незнакомец, и она, не в силах противиться, молча впустила его.

— Это моя рука, — печально сказал мужчина. — Отдай её мне.

— Но что вы будете делать с ней? Ведь она отрезана, и это — навсегда.

Не говоря ни слова, незнакомец вытащил из-под полы баночку с какой-то мазью, смазал ею отрезанную руку, приложил её к плечу, и она не только сразу приросла, но и начала на глазах у поражённой женщины двигаться.

— Случилось несчастье, в котором никто не виноват, — сказал мужчина. — Мне всего лишь хотелось посмотреть, как вы, люди, живёте в этих пёстро раскрашенных деревянных коробках без воды и что едите, если вокруг вас не плавают рыбы? А тебе вовсе не хотелось уродовать меня. Ведь так?

— Конечно, нет, я только защищалась, — сказала женщина. — Мне жаль.

— Я вижу, ты добрая и смелая, а доброта и смелость всегда должна вознаграждаться. Возьми эту мазь, она волшебная. Исцеляй людей, и пусть между моим племенем и вашим всегда будет согласие.

С этими словами он отдал баночку, повернулся и пошёл к выходу. Сойдя с крыльца, направился по

траве, с которой утренняя роса уже смыла следы крови, к реке, остановился на берегу, поднял руки, прошептал какие-то слова. И тогда изумлённая женщина, которая наблюдала за ним из окна, увидела, как он уменьшается, как его плащ превращается в панцирь, а руки и ноги в кривые лапы. Каппа — речной мальчик постоял на берегу и, не оглянувшись, бросился в воду...

Так человек однажды разговаривал с каппой. И вот почему именно жители острова Кюсю первыми научились делать мазь, которая лечит раны. Эту мазь они до сих пор называют каппа-но-миоёку (волшебное лекарство каппы). В старые времена там же был обычай коротко стричь мальчиков и выбривать им макушки. Эту причёску называли «о-каппа» (достойный каппа), но теперь эта мода отошла, и мальчишки Кюсю бегают стриженные, как все маленькие японцы. И только в сказках люди островов ещё нет-нет да и вспомнят причудливых, незлобивых существ, которые жили (кто знает, может быть, и живут?) на дне речных водоёмов.

МЫШИНАЯ БОРЬБА

(Япония)

В одной деревушке жил злой богач и жили бедные старик и старуха. Богач давал крестьянам деньги в рост, богател, а старики становились всё беднее и уже еле сводили концы с концами.

Как-то заметили они, что стены их хижины внизу прохудились, и решили пойти в лес, нарезать там дёрну, чтобы обложить стены.

Вошли они в лес, отыскиали полянку, где росла крепкая трава, нарезали дёрну, сложили его в два мешка, взвалили мешки на спины и уже совсем было собрались возвращаться, как вдруг услышали писк, возню и слабые вскрики.

Подкрались они, выглянули из-за кустов и увидели двух мышей — толстую и тонкую, — которые боролись. Они боролись по всем правилам борьбы сумо, и даже поясницы их были обвязаны вместо поясов какими-то тряпочками. Мыши держали друг друга за пояса, делали подножки и подсечки, и всё это было бы очень занятно, но побеждала всё время, конечно, толстая мышь, и это понятно, так как в борьбе сумо всегда побеждает тот, кто сильнее и тяжелее.

Когда мыши кончили бороться и ушли, старик сказал:

— Слушай, старуха, а ведь я узнал мышей. Та, что тоньше, живёт в нашем доме, а та, что толще, — в доме нашего деревенского богача. Конечно, куда там нашей мышке тягаться с нею!

— Мне жаль её, — ответила старуха. — Знаешь что, приготовлю-ка я ей сегодня две рисовые лепёшки. Всё-таки хоть она и живёт под полом, она живёт в нашем доме.

Так старуха и поступила. И хотя еды в доме было совсем мало, она стала каждое утро готовить и класть на пол для мышки по две лепёшки.

Через неделю снова пошли старики в лес собирать хворосту для печки. Снова очутились около поляны, а когда ушли, на поляну пришли две мыши и опять стали бороться. Но теперь уже победа не давалась толстой так легко.

— Послушай, что с тобой произошло? — удивлялась она. — То я бросала тебя, как хотела, а теперь еле-еле справляюсь, а то и проигрываю. Не откроешь ли ты свой секрет?

— Отчего же, — отвечала тонкая мышь (за эти дни она поправилась), — мои добрые хозяева каждое утро дают мне по две рисовых лепёшки. Вот откуда во мне сила!

— Прямо так и дают? — удивилась её подруга. — А мне всё приходится у своего хозяина таскать. Таскать да посматривать — того и гляди, придавит

мне хвост мышеловкой или поймает меня кошка. Послушай, а что, если и я стану приходить к тебе по утрам?

— Ну, это не так просто,— отвечала тонкая мышь.— Мои хозяева бедняки, и, для того, чтобы кормить нас двоих, им нужны будут деньги. Если сможешь принести несколько монет, приходи.

— У моего все ящики набиты деньгами. Правда, он пересчитывает их каждый день, но я как-нибудь это улажу.

Можно себе представить удивление бедняков, когда на следующий день они обнаружили на столе у себя золотую монету.

— Вот чудеса! — воскликнула старуха.— Не иначе как это наша мышка нашла где-то в норе. Пойду скорее куплю еды нам и ей.

— Погоди, и я с тобой! — Старик тоже стал собираться.

А в это время на улице толстая мышь волокла мешочек денег. Ей ни за что бы не донести его, да на помощь выскочила тонкая мышь. И только они уцепились за мешочек и сдвинули его с места, как на улице с воплями и проклятиями появился богач.

— Держите! Вот мой мешок. Воры! — кричал он.

Мыши разбежались, а богач, отняв золотую монету у бедняков, поволок мешок с деньгами домой. Боясь, что мыши снова заберутся в дом, богач заколотил окна и двери и уехал в город, а старик со старухой так и остались жить в деревне.

— Знаешь что,— сказала старуха мужу,— всё равно в доме у нас так всего мало, не разорит нас вторая мышь. Пускай живут обе!

— Надо им сшить красные пояса фундóси, как у настоящих борцов,— сказал старик.

На том и поладили. И теперь, хотя они по-прежнему живут бедно, каждый вечер старик со старухой, смеясь, смотрят, как на полу посреди хижины борются две мыши, и жизнь кажется им не такой тяжёлой.

СУМКА МАТЕРИ-КЕНГУРУ

(Австралия)

Однажды Байами — добрый дух — отправился по стране, чтобы посмотреть, кто нуждается в его помощи и защите.

А надо сказать, что в то далёкое время у кенгуру и других австралийских животных не было на животе сумок, и детёнышей они водили за собой или носили, прижимая лапами к груди, как это делают звери в других странах.

Идя через лес, Байами увидел мать-кенгуру, которая пасла своего сына. Кенгурёнок был очень проворный, игривый, мать то и дело теряла его из вида, начинала звать и волноваться. В лесу охотились люди.

«Вот кому нужна моя помощь!» — подумал Байами.

Он превратился в старого слепого вомбата и, выйдя из кустов, попросил:

— Я слышу, кто-то щиплет на поляне траву. Помогите мне, доброе животное, перейти поляну!

— Хорошо, я помогу тебе! Вот только поймаю своего сына, — сказала мать, с трудом изловила своего шустрого детёныша, прижала лапами к груди и вернулась к вомбату.

Тот взялся зубами за кончик её хвоста, и они тронулись. Но не успели они перейти поляну, как из леса вышел охотник с копьём наперевес. Увидев его, кенгуру оставила вомбата (тот лёг и прижался к земле), швырнула детёныша в кусты (тот затаился), а сама большими прыжками бросилась в сторону, чтобы увести охотника с поляны.

Охотник был из племени, в котором почитали кенгуру.

Вот почему он не мог ни убить, ни даже преследовать животное. Он опустил копьё и снова скрылся в лесу.

Когда мать-кенгуру вернулась на поляну, Байами подумал: «Я должен отблагодарить её».

Он превратился в птицу, слетал на стойбище охотников и, отыскав там тонкую, сплетённую из мягкой травы сумку, вернулся на поляну.

Мать-кенгуру с сыном были ещё там.

— Я подвяжу тебе сейчас сумку, и ты будешь носить в ней детёнышей,— сказал Байами, снова превратившись в вомбата.— У тебя освободятся передние лапы, и ты будешь меньше беспокоиться за своих сыновей.

С этими словами он подвязал кенгуру сумку, та приросла, и скоро кенгурёнок сам отлично впрыгивал в неё и выпрыгивал из неё.

Так мать-кенгуру впервые завела себе на животе карман для малышей. Он так понравился другим животным, что скоро многие звери Австралии — и вомбаты, и опосумы, и плюшевые медведи-коала, и даже крысы-бандикуты завели себе такое же приспособление.

А у кенгуру до сих пор осталась привычка в минуту опасности выбрасывать детёныша из сумки и прыжками убежать, уводя хищника подальше.

КВАТ И ПАУЧОК МАРАВА

(Океания, острова Банкс)

Когда мужчины острова Вáну-Лáву отправились на другой остров Гáуа менять раковины, Кват был ещё мальчиком.

Лодки стояли на воде, готовые к отплытию.

— И кто будет нас кормить? Кто будет ловить рыбу и стрелять летучих собак? — спросили женщины вождя.

— Вот кто! — ответил вождь и положил руку на голову Квата.

Лодки уплыли, и Кват понял, что теперь ему надо рассчитывать только на свои силы. Первым делом

он решил сделать себе лодку. Пошёл в лес, выбрал дерево-казуарину потолще, срубил её и стал выдалбливать сердцевину.

Стучит топором, поёт песню. До вечера не успел, ушёл. Приходит утром, а дерево цело и растёт на прежнем месте! Снова повалил его Кват, приходит на другое утро — опять кто-то поставил дерево.

Удивился он — в чём дело? В третий раз свалил дерево, обрубил сучья, выдолбил. Потом выбрал одну щепочку, отнёс её в сторону, сделался маленьким-премаленьким, лёг под щепочку и ждёт.

Вдруг видит Кват — вспучилась земля, вылез из неё паук Марава. Обернулся старичком, собрал щепки, вложил их в ствол, приделал ветки, обхватил дерево, поднатужился и поставил на прежнее место. Обошёл вокруг, языком от удовольствия прищёлкнул, стал петь и даже слегка пританцовывал. Потом остановился, присмотрелся к стволу. Одной щепочки на месте нет! Стал старичок её искать. Нашёл. Только за ней нагнулся, а Кват из-под щепочки выскочил, как замахнётся топором! Испугался Марава.

— Не убивай меня, Кват,— молит.— Сделаю я тебе лодку.

Обернулся снова в паучка, побежал по лесу. Нашёл на берегу моря сухую колоду, выцарапал сердцевину. Поставил балансир, мачту, сплёл из паутины верёвки и парус. Снова превратился в старичка и говорит:

— Вот тебе лодка, Кват!

Столкнул Кват лодку на воду, сел в неё и поплыл на соседний остров охотиться на летучих собак. Подплывает, видит — торчит над верхушками пальм голова злого великана вуи. Страшный великан — лицо и грудь раскрашены белыми полосами, в волосах сучки и перья птиц. Спрятался Кват за скалу, дождался, когда вуи ушёл, взял лук и стрелы, пошёл в лес. Настрелял летучих собак. Вдруг слышит треск и гром: снова идёт вуи.

Не растерялся Кват, подпрыгнул и зацепился ногами за ветку. Висит вниз головой среди летучих собак. Вуи его не заметил, прошёл мимо. Кват с добычей поплыл обратно на Вану-Лаву. Плывёт под парусом, веслом рулит, песню поёт.

Обрадовались женщины еде.

В другой раз поплыл Кват ловить рыбу. Закинул сеть, вытащил несколько рыб. Закинул во второй раз, видит — плывёт к нему большая акула. Подплыла и говорит:

— Не бойся меня, Кват! Выпусти рыб, которых поймал, — они мои родственники. А за это я подарю тебе сладкий картофель, который можно печь на огне.

Выпустил Кват рыб. Смотрит, а на том месте, где только что была акула, плавает картофельный клубень. Поднял его из воды и поплыл домой.

Дома на берегу голодные женщины и дети. Понутив голову, прошёл мимо них Кват. Делать нечего. Отправился в лес, выжег кусок поляны, вскопал острой палкой землю, посадил клубень. Выросло на поле много сладкого картофеля батата. Собрал его Кват в кучу и ушёл в деревню за женщинами.

А великан вуи в это время решил навестить Вану-Лаву. Перешёл по морю на остров, вошёл в лес, увидел кучу картофеля и заплясал от радости.

Потом вспомнил про людей, вырыл яму, закрыл её своим плащом, спрятался и стал ждать. А Кват уже ведёт женщин на поле. Шли они, шли и провалились. Сидят в яме, а вуи наверху хохочет. Взял тогда Кват лук и пустил стрелу из ямы. Попала стрела в дерево. Пустил вторую. Попала вторая стрела в первую. Стрела за стрелой — получилась цепочка из стрел. Свесилась цепочка в яму, Кват ухватился за неё и вылез. За ним женщины. Убежали они от вуи, а Кват с полдороги вернулся, спрятался за кустом и смотрит, что делает вуи? А тот собирает в мешок картофель.

Вдруг зашевелились листья на земле, вылезает из них паучок Марава.

— Я всё видел,— говорит.— Давай накажем вуй!

Стал он бегать поверх ямы, затянул её паутиной, а Кват сверху на паутину набросал листьев. Потом встал на краю ямы и стал вуй дразнить. Кинулся великан на дерзкого мальчика, наступил на листья, как рухнет в яму! Упал и от испуга превратился в камень. До сих пор на Вану-Лаву торчит из земли каменный исполин.

А женщины деревни испекли картофель в горячей золе, надели праздничные наряды, сели у моря и стали терпеливо ждать.

Видит Марава, не получается без мужчин праздник. Полез на небо. Лезет, за собой паутинку тянет. Ухватился Кват за паутинку и тоже полез. Забрались они с Маравой на облако, а оттуда всё море видно. Плывёт по морю флот — возвращаются мужчины.

Вышли они на берег. Начался праздник. Все танцуют и поют. А Кват сел в лодку.

— Ты куда? — спрашивает его вождь.

— На другие острова. Хочу подарить людям сладкий картофель и поучиться у них. Я ещё вернусь! И уплыл.

ПОЧЕМУ В СТРАНЕ МАОРИ ТАК МНОГО ГЕЙЗЕРОВ

(Новая Зеландия)

На острове Гавайи, посреди Великого Океана, жил рыбак по имени Купе. Однажды он вышел на своей маленькой лодке в море ловить быстрых рыб. Не успел он забросить снасть — верёвку с крючком, как кто-то дёрнул за крючок, а когда Купе вытащил снасть, то увидел — крючок пуст. Кто-то украл приманку. Раз за разом закидывал Купе снасть, и каждый раз кто-то невидимый срывал наживку. Наконец

этот таинственный зверь ухватил крючок и потащил за собой лодку.

Он тащил её, постепенно всплывая. Вот наконец заволновалась вода, и на поверхности показалась розовая блестящая спина, огромные, как обкатанные прибоем валуны, глаза и десять вытянутых вперёд щупалец.

Кальмар! Огромный кальмар увлекал лодку Купе. Несколько дней и ночей тащил он её, пока на горизонте не встало белое длинное облако. И только здесь кальмар отпустил крючок, а Купе, всмотревшись, понял, что это не облако, а большой остров. Он подплыл к нему и увидел на берегу огромные сосны, увидел, что между ними расхаживают бескрылые птицы, высотой с дом, а по песку у самой воды бегают большие коричневые ящерицы.

Купе повернул лодку назад и вернулся на Гаваики, а землю, про которую он рассказал, люди называли Аó-Тéа-Рóа — Длинное Белое Облако.

Шло время, но люди не забывали рассказ Купе. И вот наконец несколько племён, которым не хватало на Гаваики земли, решили уплыть на юг, чтобы поселиться на вновь открытой земле.

...Нгаторо был великим вождём, он жил на Гаваики со своей сестрой Куивáи, но, когда его племя стало собираться в путешествие, он простился с сестрой, которую очень любил, сел в лодку и, приказав кормчему опустить в воду рулевое весло, отправился в путь.

Долго плыли лодки по океану, свирепые ветры, которые насылали на них злые демоны-понатури, то и дело разъединяли их, немало лодок перевернулось, и людей пришлось спасать. Но наконец из-за горизонта поднялась земля, лёгкая и длинная, как белое облако.

— Ао-Тéа-Рóа! — сказали мудрецы, и Нгаторо, поднявшись во весь рост и посмотрев на облако, сказал:

— Аó-Тéа-Рóа!

Это был остров, который открыл когда-то рыбак Купе. Люди вышли на берег, построили дома, вскопали огороды и стали жить. Себя они стали называть маори.

Не легко пришлось людям Нгаторо на новой земле. С удивлением смотрели они, как зимой на вершины гор ложится белый, не тающий дождь, как желтеют под порывами холодного южного ветра листья кустарника, как прячутся в холодные месяцы в норы ящерицы. Тогда люди научились ткать и стали шить себе тёплую одежду и строить тёплые дома. Они охотились на огромных птиц-моба, таких огромных, что каждая птица могла ударом ноги убить сразу двух мужчин. И ещё они научились выходить на лодках в океан и охотиться на небольших китов.

Нгаторо часто задумывался, глядя на белые вершины гор,— что это покрывает их? Почему белые пятна в холодные месяцы увеличиваются и опускаются до середины склонов, а летом уменьшаются, поднимаются вверх или исчезают совсем?

И он решил отправиться на вершину самой большой горы, которую называли Тонгариро.

Сопровождаемый отрядом воинов, он долго шёл холмами, пока не достиг подножия горы.

— Оставайтесь здесь! — приказал он спутникам.— Дальше я пойду один. Не знаю, вернусь ли живым, но, если вы хотите увидеть меня невредимым, запомните хорошенько: не прикасайтесь к пище до тех пор, пока я не вернусь к вам. Это придаст мне сил. Вот когда я вернусь, тогда мы устроим пир, и я расскажу вам, что увидел на горе.

С этими словами он оставил спутников и пошёл один вверх по склону. Сперва он миновал зелёный лес, который рос у подножия и где громко распевали птицы, потом прошёл кусты, среди которых стрекотали цикады и ползали по веткам муравьи-попокуруа, потом преодолел прохладные травянистые луга, на которых даже насекомые уже встречались редко,

и наконец вступил в царство голых камней. Отвесные скалы вели его всё выше и выше, холод сковал руки и ноги, а на тропинке появились удивительные прозрачные куски твёрдой как камень воды. Потом он вступил на склон, покрытый холодным белым пухом, с удивлением зачерпнул его ладонью и ужаснулся, видя что он превратился в воду. Прозрачное облачко от его дыхания повисло в воздухе, ледяные пальцы мороза стиснули сердце вождя, но он упрямо лез всё выше и выше. Наконец, когда, казалось, последние силы уже оставляют его, скалы, между которых он карабкался, расступились, и он оказался на вершине. Обессиленный, вождь опустился на снег.

А в это время далеко внизу, в тёплой зелёной долине спутники его томились в ожидании.

— Нгаторо, конечно, давно погиб,— говорили они.— Не ждать же нам вечно. А голод так терзает наши желудки. Давайте поедим!

И они разожгли костры, чтобы приготовить пищу. Но стоило им начать есть, как мороз вонзил ледяные когти в самое сердце Нгаторо. Чувствуя приближение смерти, он воззвал к далёкой сестре:

— О, Куиваи! Меня уносит ледяной южный ветер. Скорее на помощь! Пришли огонь, чтобы согреть меня.

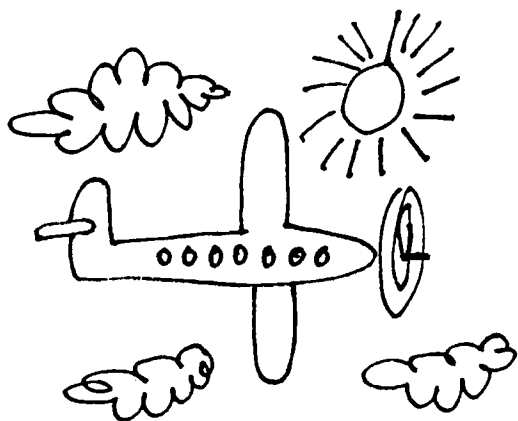
И далеко на тропическом острове Гавайки сестра услышала призыв брата. Она тут же позвала на помощь духов огня, и те, погрузившись в землю, понеслись к далёкому острову, где умирал Нгаторо. По пути они то и дело высовывали головы, чтобы посмотреть, правильно ли держат путь. И там, где они показывались, каждый раз вспучивалось дно океана и над волнами возникал остров с огнедышащей горой посредине. Домчавшись до Ао-Теа-Роа, духи стали выныривать то в одном озере, то в другом, и посреди озёр поднимались горячие фонтаны — гейзеры. Наконец они достигли горы Тонгариро и с быстротой молнии поднялись внутри горы к самой её вершине, где лежал полумёртвый Нгаторо.

Подземный жар отогрел и оживил вождя, кровь снова заструилась по его жилам, сердце забилося, руки и ноги обрели силу. Он вскочил и отбежал от кратера, который образовался рядом с тем местом, где он лежал и где духи огня вырвались наружу. Внутри кратера уже клокотала огненная лава, и удушливый серный дым жёлтым столбом поднимался над горой. Так Тангариро стал вулканом.

Что касается Нгаторо, то он благополучно спустился с горы, ни слова не сказал своим спутникам, которые потупились от стыда, и, став во главе маленького отряда, отправился назад в селение.

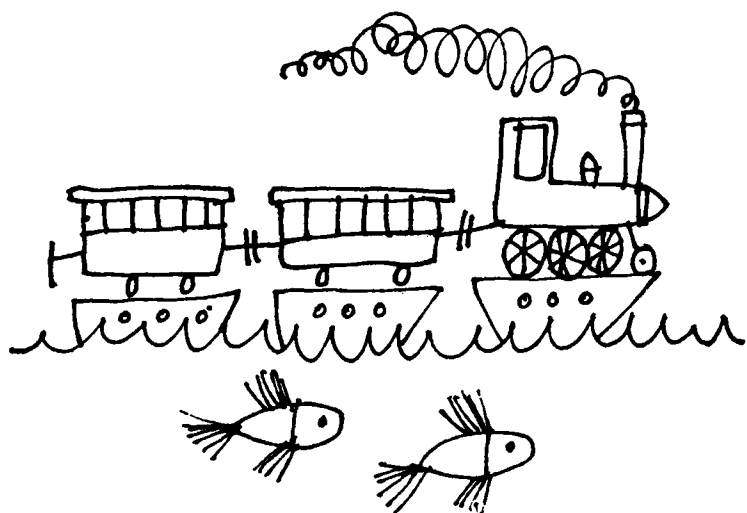
Так маори узнали, что такое снег, и вот почему на острове теперь так много горячих гейзеров.

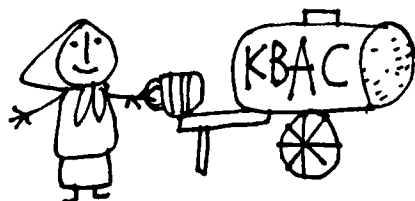

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Повесть

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ

*Посвящается
всем Вовкам на свете*

ВМЕСТО НАЧАЛА

Вовке шесть лет.

Волосы у него цвета тёртой морковки, на носу медными кнопочками веснушки.

Вовка вот такой.

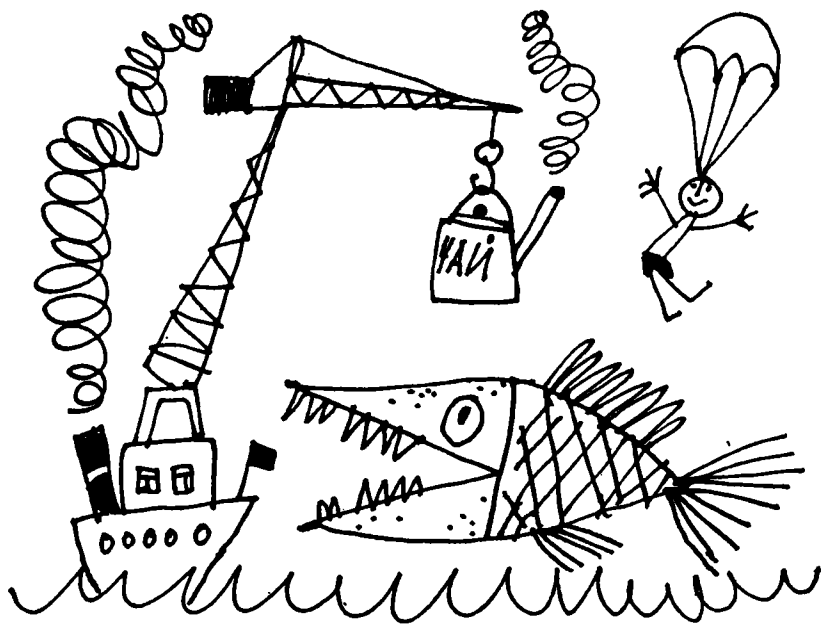
Однажды Вовка сидел на полу и с треском выдирает из старой маминой сумки квадратное зеркальце.

В окно нестерпимо било солнце.

Радужное пятнышко отскочило от зеркала, ударилось о потолок и, мелко задрожав, покатилося по стене вниз.

— Мама, смотри, какой зайчик рыжий! — кричал Вовка.

— Не рыжий, а солнечный, — спокойно ответила мать.

В тот же день пришёл монтёр устанавливать радио.

Весело посвистывая, он прикрутил к стене острыми винтами ролики, навесил на них белый сверкающий шнур, поставил на шкаф чёрную пластмассовую коробку — динамик — и повернул на коробке ручку.

По комнате разлились звуки весёлой радиопесенки.

— Вот замечательно! — сказала мама. — Большое вам спасибо.

Вовка сиял. Монтёр положил ему на голову тяжёлую жёсткую ладонь.

— Понравилось? — спросил он. Потом посмотрел на Вовкины волосы и восхищённо добавил: — Ну, брат, ты и рыжий! Огонь!

— Я не рыжий. Я солнечный! — обиделся Вовка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

«ВОВИ-И-ИК!»

Мама шла по улице.

Улица была тихой, зелёной. Она вся поросла мелкой, колючей травой. По краям в канавах зонтиками торчали голубые лопухи.

«Ни одного мальчишки! Час как пришла с работы, а его всё нет, — подумала мама. — Куда он пропал? Наверное, опять играет в колдуны».

В одном месте лопухи подозрительно зашевелились.

Мама подошла к канаве и, приставив ко рту дощечками ладони, позвала:

— Вови-и-ик!

Никто не отозвался.

— Вови-и-ик!

— Тс-с-с! — зашипело в канаве.

Голубой лист наклонился, и из-под него показалась красная Вовкина физиономия.

— Не мешай... — отчаянным шёпотом взмолился Вовка. — Отойди... меня заколдуют.

— На кого ты похож? Весь в пыли. — Мама сокрушённо покачала головой. — Разве нельзя играть так, чтобы оставаться чистым?

— Нельзя... Ну, можно.

— А без «ну»?

Вовка промолчал.

— Через полчаса будем обедать.

Мама повернулась и пошла прочь. Около маленького серого домика она остановилась, звякнула щеколдой и скрылась во дворе.

Расстроенный, Вовка полез назад под лопух.

В конце улицы раздались крики мальчишек. Крики приближались. Вовка согнулся в три погибели и притих. Сидеть было страшно неудобно. В сандалиии через дырочки один за другим пробирались муравьи. В нос лезла едучая пыль.

— Ап-чхи!

Пробив лист лопуха, рядом с Вовкиной ногой в землю воткнулся полосатый шест.

— Это кто тут чихает? — раздался громкий голос.

Вовка выскочил из канавы.

Около неё стоял, широко расставив ноги, здоровенный парень в синем комбинезоне. Вокруг парня теснились мальчишки — недавние «колдуны» и их жертвы.

Парень держал в одной руке красно-белый по-

лосатый шест, в другой — за ушко — конец длинной металлической ленты.

— Ну-ка подержите! — предложил парень. Он отдал шест мальчишкам, потом нагнулся к земле, с силой потянул ленту, выпрямился и махнул кому-то рукой.

ЛЕНТА

Парень работал не один.

У другого конца ленты суетились две девушки.

— Землю меряют, — сказал кто-то.

Парень дождался ответного знака девушек, взвалил шест на плечо и потащил ленту наискосок через улицу.

Вместе с мальчишками Вовка двинулся за парнем. Рядом змеей ползла металлическая лента.

Парень не сворачивал никуда. Он перешагивал через ямы, распахивал перед собой настежь ворота, вынимал из забора доски, шёл через сады и огороды.

Лента ползла вслед за парнем напрямик.

Так она вползла к Вовке во двор, нырнула под забор и вышла на луг около речки, которая текла на самом краю посёлка.

Здесь мальчишки начали отставать.

Кончился луг, началось болото. Вовка почувствовал, что в сандалиях у него мокро.

— Стёпа, давай! — кричали девушки, и парень уходил по болоту всё дальше и дальше.

Так он шёл, пока не забрался в густой ольшаник. Вовка нырнул вслед за ним. Парень стоял около куста и ковырял шестом в куче прелых листьев. Из кучи выкатился небольшой колючий шар. Шар развернулся, стал на чёрные лапки и пустился наутёк.

— Ежик! — ахнул Вовка.

Он бросился вдогонку за ежом и тотчас же влетел по колено в яму с водой. Что там вода! Вовка выскочил из ямы, в два прыжка догнал ежа и

плюхнулся на него. Ёж пискнул, свернулся в клубок и замер.

— Кого поймал, мальчик? — окликнули Вовку девушки. — Ежа? Беги домой, ты весь мокрый!

Только теперь Вовка вспомнил, что его давно уже ждут.

Исколотые ладони и живот горели и чесались. Вовка снял мокрые сандалии, подсунул одну из них под ежа, второй закрыл зверька сверху. Получился бутерброд.

Находку он понёс домой.

МУРЗИК

Дома Вовке влетело по первое число.

Мама сказала, что Вовка заболел, что хуже ребёнка она не видела за всю свою жизнь, что с этого дня он сам будет стирать себе штаны, а вместо сандалий — ходить летом в галошах.

Насчёт болезни она оказалась права.

Ночью у Вовки поднялась температура. К утру пропал голос.

Вовка лежал на узкой железной кровати и смотрел, как ползают по голубым обоям солнечные лохматые зайчики.

В углу, в ящике, шелестел соломой ёж.

В воспалённой голове у Вовки вертелась одна и та же мысль: «Ежу надо дать имя. А какое? Как назвать?..»

Прошлым летом у соседки жил кот. Звали его Мурзик. Это был суровый полосатый зверь. Он презирал молоко, воровал из погреба колбасу, а кончил тем, что, ловя голубей, свалился в колодец и утонул.

Других звериных имён Вовка вспомнить не смог. Ёж получил кошачье имя Мурзик.

Вовка расхворался не на шутку.

Вызвали врача.

Неделю мама не ходила на работу.

Вовка пил горькие белые порошки и послушно тянул, высунув язык:

— А-а-а!..

Жар спал только на восьмой день.

Вовка сидел на кровати худой, остроносый и ждал с базара маму.

Она пришла, осторожно высыпала из сумки на пол лиловую картошку и положила на одеяло перед Вовкой тетрадь в зелёном переплёте.

— Вот тебе, — сказала она. — Рисуй. Мне сегодня уже на работу. Кстати, про ежа. Не убрать ли его в сарай?

Она заглянула в ящик и поморщилась:

— Колючий, без хвоста. Бр-р! То ли дело кошки... Ну, я ухожу. И прошу тебя не вставать!

Вовка охотно закивал головой.

Как только мама ушла, он слез с кровати и, шлёпая босыми ногами по полу, подошёл к ящику. Ёж тотчас же свернулся.

— Мурзинька, Мурзик! — ласково прошептал Вовка и покачал пальцем иглу.

Колючая спина ежа дрогнула. Иголки поползли назад. Из-под иголок высунулась длинная мордочка с блестящими глазами-бусинками.

Вовка осторожно подsunул под зверька палец и пощекотал войлочное пузичко.

Ёж довольно запыхтел.

В тот же день на первой странице тетради Вовка нарисовал существо, похожее на сапожную щётку. У существа был длинный — дудочкой — нос и чёрные, с ресничками, глаза.

Это был ёж.

Подумав, Вовка пририсовал ему длинный пушистый хвост.

Такой ёж мог понравиться даже маме.
Рядом с ежом Вовка нарисовал моряка.

МОРЕ И МОРЯКИ

Когда Вовке было три года, в комнате над его кроватью висела карта. На ней было много коричневых и зелёных пятен, а посередине одно большое синее пятно.

— Это море,— сказала мама.— Там вода.

Вовка потрогал пальцем синее пятно.

— А в море — моряки? — спросил он.

Мама кивнула.

Однажды она взяла Вовку с собой на концерт.

В конце программы на сцену вышли два человека. Они были в куртках с бело-синими воротниками. На головах круглые шапочки с лентами.

— Матросский танец «Яблочко»! — объявил ведущий.

Матросы часто-часто застучали каблуками, закружились и пошли вприсядку.

— Вот здорово! — сказал Вовка, когда танец кончился и они вышли из клуба.— Вот это матросы!

Мама довольно улыбнулась.

— А где у них было яблочко? — спросил Вовка.

— Какое яблочко? Так называется танец.

В этот момент дверь клуба отворилась, и из неё вышли артисты. Последними шли два матроса. Теперь они были в шляпах и пальто. У одного было замотано шарфом горло и закрыт воротником рот.

— Понимаеах,— глухо, в воротник сказал замотанный,— болит горло. А тут выхтупать. Сегодня матрох, завтра матрох...

Он махнул рукой и ушёл...

Второе знакомство с моряком произошло дома и тоже было неудачным.

Вовка с мамой сидели за столом и пили чай.

В дверь постучали. Потом дверь открылась, и

в комнату вошёл человек в куртке с медными пуговицами и в капитанской фуражке.

— Ножи точить не надо? — спросил он.

— Нет, — ответила мама, — я точу сама.

Человек вышел.

Вовка встал и, не говоря ни слова, пошёл следом за ним.

На улице стояло колесо с точильным камнем. Человек взвалил его за спину.

— Дядя, — спросил Вовка, — неужели вы тоже не моряк?

— Ножи точить... — привычно пробормотал человек.

— А откуда у вас фуражка и пуговицы?

— Морячок один продал, — добродушно сказал человек, посмотрел на Вовку сверху вниз и пошёл, покачивая колесо.

— Ножи точи-ить!

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Когда Вовка в первый раз после болезни вышел из дому, улицы он не узнал. Раздвинув дома и опрокинув заборы, на неё наступала стройка.

Широкая, как река, полоса вспаханной земли двигалась через посёлок.

Урчали, ровняя землю, бульдозеры. То и дело к ним подъезжали самосвалы, с грохотом сыпали на землю кучи дроблёного камня. Вдалеке курились синие дымки асфальтоукладчиков.

Смутное воспоминание возникло в Вовкиной голове.

Движение стройки повторяло какое-то другое, недавно виденное им движение.

Ну конечно! Машины шли точно по пути, проложенному долговязым парнем. Точно так, как ползла металлическая лента.

Озадаченный переменами, Вовка походил по люд-

ной, полной новых звуков и запахов улице, сбегал в сарай к Мурзику и возвратился домой.

Большие перемены. В них было что-то беспокойное, угрожающее самому Вовке.

ЕХАТЬ!

В этот день мама вернулась с работы раньше обычного.

— Так,— задумчиво повторяла она, переходя от одного окна к другому.— Так... Так... А что, Володя, если нам придётся уехать?

Вовка опешил:

— Зачем?

— Ты сегодня был на улице, видел... Делают шоссе. Оно пройдёт прямо через наш двор. Нам предложили переселиться, но я...— Мама обняла Вовку.— Мне не хочется оставаться. Я хочу всё-всё изменить...

Вовка не понял ничего.

Зачем уезжать, если дают другую комнату? И почему надо всё изменять? Мама — инженер на мебельной фабрике. Очень хорошо! И улица у них хорошая. И речка...

— А куда мы поедем?

— Наверное, в Иркутск.

Чем Иркутск лучше? Вовка грустно кивнул.

— Вот и решили! — обрадовалась мама.— Увидишь мир: горы, реки, дремучие леса. Соберём чемоданы и тронемся!

— А чемоданы мы сами носить будем?

Мама вздохнула.

Вовка знал почему.

Сколько он помнил себя, всегда они с мамой были одни. У всех мальчишек и девчонок на улице были папы, у Вовки папы не было.

Мама никогда не говорила об отце, а если кто-нибудь её спрашивал, то делалась хмурой и отвечала:

— Мы сами.

СБОРЫ

На другой же день в доме всё пошло кувырком. Распродавали вещи. То и дело приходили незнакомые люди, осматривали мебель, спорили о цене, качали головами, разглядывая в стульях дырки от гвоздей.

Вовка делал вид, что к дыркам отношения не имеет.

Мама каждый день бегала на почту, давала телеграммы, без конца повторяла слово «Иркутск».

Вовке вся эта кутерьма нравилась.

— Скоро! — таинственным шёпотом сообщал он Мурзику, присев в сарае над ящиком. — Едем в Иркутск! Ешь на дорогу больше!

Еж недовольно пыхтел и отворачивал мордочку от капустной кочерыжки.

— Полетим самолётом. Сверху всё увидим. Горы, леса. Мама говорит, самый интересный лес — дремучий. А на аэродром поедem в автобусе!

Автобус — это было лучше всего. Три мечты, три заветных желания томили Вовку: первое — познакомиться наконец с настоящим моряком; второе — подстричься с одеколоном; третье — прокатиться в автобусе.

Мечты начинали сбываться.

Дом пустел. Одна за другой исчезали привычные вещи. Диван, на котором он сидел вечерами. Стол, за которым рисовал. Кровать.

К концу недели обе комнаты стояли пустые.

Из далёкого Иркутска пришло наконец письмо, которое странно называлось: «Вызов».

Можно было ехать.

КАК БЫТЬ

В дорогу мама купила Вовке скрипучие жёлтые ботинки и клетчатую куртку с «молнией». Но радость покупки была омрачена неприятностями.

Первая случилась в парикмахерской.

— С одеколоном...— шёпотом попросил Вовка мастера.

— Зачем? — услышала и вмешалась мама.— Вырастешь — тогда. К чему это баловство?

Вторая неприятность произошла дома.

Мама обнаружила среди чемоданов обвязанный верёвкой ящик.

— Это что? — удивилась она.

— Мурзик.

— Ежа в Сибирь? Отнеси в огород.

Мама сняла крышку и перевернула ящик набок. Из ящика, пытаясь, выкатился Мурзик.

Десять минут спустя Вовка сидел в огороде на грядке и думал: «Как быть?»

Расстаться было невозможно: ёж ел из рук, позволял щекотать себя между иголками и понимал все человеческие слова.

Надо было что-то делать.

Когда мама ушла заказывать билет, Вовка вытащил из кучи приготовленных в дорогу вещей круглую картонку с маминой шляпой. Вынув шляпу, он положил её в чемодан, а в картонку, постелив на дно бумагу, посадил Мурзика.

АВТОБУС

Настал день отъезда...

Автобус с пассажирами остановился недалеко от дома. Вовка забрался на пахнущее клеёнкой сиденье, картонку поставил под ноги. Мама села позади.

Шофёр дал сигнал: би-бип! — и машина тронулась.

Качнулись в голубом небе облака. Качнулся и уплыл назад дом, наклонилась и потекла за стеклом изрытая стройкой улица. Один за другим замелькали пёстрые заборы.

Всё сразу стало необычным. Жизнь начинала течь по-новому.

Какой она окажется?

Белые облака ползли по небу вопросительными знаками.

Путешествие началось.

ДРЕМУЧИЙ ЛЕС

Автобус проехал улицей, выбрался из посёлка и, переваливаясь с боку на бок, потащился по дороге.

Показалась кучка деревьев.

— Мама, это и есть дремучий лес? — спросил Вовка.

— Это? — удивилась мать. — Это берёзки, рошица.

— А там?

— Орешник.

Но Вовке не терпелось. Каждые пять минут он вскакивал и спрашивал:

— А это дремучий?

— Дремучий! — сдалась наконец мама.

В дремучем лесу стоял ларёк с квасом.

ЧТО БОЛЬШЕ МИЛЛИОНА!

Наконец автобус выбрался с просёлка на асфальт.

Начались ленинградские пригороды.

Розовые, зелёные, голубые домики стайками побежали за окном.

Толстая пассажирка в цветастом платье, которая сидела рядом с мамой, наклонилась и спросила:

— Вы, милочка, до Иркутска?

— Да.

— Очень удобно. Как сядете, так до самого Иркутска и долетите. Одна посадка в Свердловске. Залезете в самолёт и можете спать. Я всегда сплю.

— До Иркутска, кажется, шесть тысяч километров?

— Наверно.

Толстая пассажирка вздохнула и уселась поудобнее.

— Мама, тысяча — это много? — шёпотом спросил Вовка.

— Много.

— А миллион больше?

— Больше.

Пассажирка, хотя её никто не спрашивал, пояснила:

— Миллион — это тысяча тысяч. Очень много. Больше миллиона, считай, ничего нет.

Вовка прижался носом к окну и затих. Толстая пассажирка ему не нравилась.

Немного погодя он громко объявил на весь автобус:

— А я знаю, что больше миллиона.

— Что? — удивилась пассажирка.

— Несчитанное количество!

АЭРОПОРТ

В аэропорту былолюдно.

Мама перетаскала чемоданы из автобуса в зал ожидания, заняла очередь сдавать багаж.

Вовке понравился зал. Он был высокий. На потолке, над головами людей, мчались сложенные из разноцветных камешков самолёты. Щёлкало и скороговоркой объявляло рейсы радио. Ползла вперёд очередь.

Вместе с очередью ползли два маминых чемодана. Вовка упирался ладонями в их матерчатые бока, и чемоданы, подскакивая на кафельных плитках, двигались вперёд.

В стороне, у барьера, за которым стояли весы с огромным круглым циферблатом, сидела на чемодане девочка в капоре.

Вовке надоело двигать чемоданы, и он подошёл к ней.

— Давай играть,— сказал он.

Девочка надулась:

— Не хочу.

Вовка вернулся к маме.

Впереди мамы хлопотала около узлов старушка.

— Моя, моя сейчас очередь,— сказала старушка и обратилась к девочке: — Катя, помоги поднять узелок.

— Ты мне обещала слойку,— сказала девочка и не торопясь начала слезать с чемодана,

Мама помогла старушке.

— Рубль сорок копеек,— сказала приёмщица.— Вот квитанция.

Старушка забренчала мелочью.

— Катя,— снова сказала она,— посмотри, это рубль?

Девочка полезла пальцами в старушкину ладонь, и тотчас же по кафельному полу со звоном разбежались монеты.

— Какая ты, право, неловкая! — с досадой сказала старушка.

— Слойки в том буфете,— сказала девочка.

Мама и Вовка собрали монеты. Старушка сказала спасибо, заплатила за багаж и, бормоча: «Безрукая ты, право», увела девочку.

— Ваша очередь,— сказала приёмщица.

— Мама, а я с девчонкой ни за что не хотел бы ехать,— шепнул Вовка.

— Да, да, да,— ответила мама,— три места до Иркутска, рейс номер сто семь... Вова, мне некогда, помоги поставить чемоданы.

«Рейс сто седьмой на посадку!» — объявило радио.

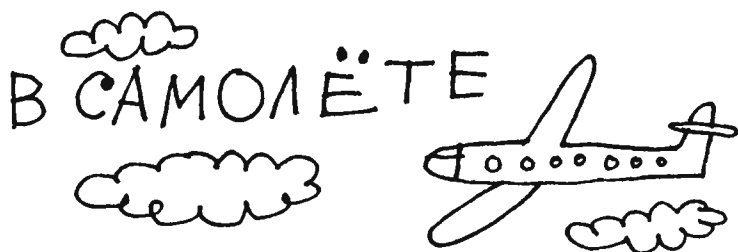
Пассажиры цепочкой двинулись через двери аэровокзала на лётное поле.

Вовка сделал шаг и остановился. На том месте, где недавно стояли старушка с девочкой, тускло блестел полтинник.

Вовка поднял его и оглянулся. Старушки нигде не было видно.

Сунув монету в карман, Вовка бросился догонять маму.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛЕТИМ

Аэровокзал, такой большой и высокий, начал уменьшаться, стал величиной со спичечный коробок и повернулся к самолёту крышей.

— Летим,— сказала толстая пассажирка и сразу уснула.

«Интересно, а она спит»,— подумал Вовка и прилип носом к окну.

Над самолётом раскинулось фиолетовое небо. Внизу коричневыми квадратами лежала земля. На горизонте блестела серебряная полоса.

— Море,— объяснила мама.— Мы улетаем от него. А вон, видишь, много крыш, а над ними дым? Это Ленинград. Около него мы жили.

Самолёт набрал высоту.

Коричневые пятна внизу сменились зелёными. Это были леса. В них голубыми змейками вертелись реки. По чёрной, прямой, как карандашная линия, дороге серой гусеницей полз товарный поезд. Над паровозом висел ватный дымок.

«Высоко, а не страшно»,— подумал Вовка. Он выпустил из пальцев ручку кресла.

— Мам, а самолёт не упадёт?
— Не упадёт,— недовольно ответила мама.
— А если упадёт, то вниз?
— Вниз.
— И моторы вниз?
— И моторы.
— И люди вниз?
— Ой, какие ужасы спрашивает этот ребёнок! — злым голосом проговорила, просыпаясь, толстая женщина.— Я теперь не засну до самого Иркутска!
— И люди, и моторы — вниз. Один ты вверх полетишь!..— спокойно ответила мама.

«НЕТ!» — И ОН НЕ ВЗЯЛ

За Волгой небо пошло синее, в белую облачную крапинку. Леса под крылом машины проплывали какие-то тёмные, суровые. Железных дорог попадалось всё больше и больше. В дыму и огненных заревах вырастали из-за горизонта один за другим заводы.

— Урал! — объявил, входя в пассажирский салон, лётчик.— Скоро посадка.

Заводов на Урале оказалось очень много. Сверху они выглядели настоящими муравейниками. Между цехами взад-вперёд сновали чёрные мурашки-поезда. Палочками торчали трубы.

Была посадка, но Вовка её проспал.

Когда он проснулся, самолёт снова набирал высоту. Толстая женщина больше не спала, грызла сушки и разглядывала по очереди всех пассажиров.

— Здравствуйте! Проснулся! — сказала она.— Опять начнёшь задавать вопросы?.. Ведь надо было придумать! Он что у вас, всегда такой рассудительный?

— Он у меня неплохой,— сказала мама.— Добрый. Ласковый.

— Вас-то слушает?

— Слушает. Вот перед дорогой заладил было: возьму да возьму с собой ежа — поймал где-то. И сказала: «Нет!» — и он не взял! Очень слушает.

Обе женщины внимательно посмотрели на Вовку.

Вовка покорно засопел и тут же с испугом услышал, как в круглой картонке над его головой зашелестела бумага.

— Через час Иркутск! — объявил, снова войдя в салон, лётчик.

ИРКУТСК

Самолёт пронёсся вдоль посадочной полосы, попрыгал по бетонным плитам и остановился.

Пассажиры начали собирать вещи.

— В крайнем случае, могли бы у меня остановиться, — сказала, обращаясь к маме, толстая пассажирка. — Я тут неподалёку живу. Правда, у вас такой мальчик...

— Благодарю, нас должны встречать. Я дала телеграмму, — сухо ответила мама.

Пассажирка забрала свои кошельки и ушла. Мама и Вовка посидели ещё немножко и выбрались из самолёта последними.

Около машины никаких встречающих не было. Мама повела Вовку к вокзалу — высокому жёлтому зданию с колоннами у входа.

Не успели они войти в вокзал, как репродуктор, висевший над потолком, щёлкнул, откашлялся: «Кха, кха!» — и неторопливо произнёс:

«Гражданка Андреева Антонина Михайловна, подойдите к справочному бюро».

Услыхав своё имя, мама оставила Вовку с чемоданами и побежала к окошку, над которым золотыми буквами было написано:

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

Около окошка её встретил высокий человек в пенсне, с пухлым портфелем под мышкой.

Разговаривая, они подошли к Вовке.

— ...К сожалению! — говорил человек в пенсне. — К сожалению... Понимаете сами: такие темпы — уму непостижимо! Плотины досрочно, здание электростанции досрочно — всё досрочно. Пока вызов шёл к вам, конструкторское бюро закончило работы и вылетело самолётом на Камчатку, на строительство Нового Порта. Три дня назад. Что делать, не догонять же их! Подыщем вам работу здесь, где-нибудь в канцелярии...

Мама слушала нахмуясь. Слово «канцелярия» подействовало на неё как укол.

— Какая ещё канцелярия? — спросила она.

— Обыкновенная: бумажки, чернильницы...

— Чернильницы? — Мама подняла брови. — Я лучше поеду на Камчатку. Зачем мне кормить мух в канцелярии!

— Позвольте, позвольте, — засуетился её собеседник, — при чём тут мухи? Не горячитесь. Поедьте на стройку. Поселитесь в моём кабинете. Отдохните. Подумаете.

— Не нужен мне ваш кабинет. Отдыхайте в нём сами. У меня ребёнок.

— Какой ребёнок?

Человек с портфелем от неожиданности уронил пенсне, поймал его на лету и, близоруко шурясь, уставился на Вовку.

— М-м... Действительно, ребёнок.

— Меня зовут Владимир, — сообщил ему Вовка.

— Чёрт знает что!

— Мне в этом году в школу.

— Подумать только — ребёнок! Не пишут. Не сообщают. Приезжают с детьми. Откуда я ему возьму школу? Куда вас теперь сунуть? Не имею понятия.

Мама гордо подняла голову:

— Никуда нас совать не нужно. Обойдёмся без

вас. Мы едем на Камчатку. Я инженер и буду работать с теми, кто меня вызывал.

Вовка тесно прижался к маме.

СТРОЙКА

Ехать на стройку всё-таки пришлось.

Надо было отправить телеграмму на Камчатку, достать билеты, наконец, просто отдохнуть.

В автобусе, куда они сели, без конца слышались одни и те же слова: «Строительство... ГЭС-2. Строительство... ГЭС-2».

— Мама, что такое ГЭС-2? — спросил Вовка.

— Гидроэлектростанция номер два. Гидро — значит, на реке. Номер два — значит, первую уже построили.

Автобус, прошуршав по асфальту, перебрался на мощённую камнем дорогу, проехал по ней и, перевалив через поросшую ёлками гору, начал спускаться к реке.

Река лежала внизу, в долине, изогнутая, блестящая, как полоса стали. По обоим берегам её громоздились насыпи. Они, как руки, с двух сторон сжимали реку.

— Ух ты!

Автобус накренился, у Вовки захватило дух.

— Что это такое? — спросил он, показывая пальцем вниз, где на дне огромного котлована росли из земли бетонные откосы громадной стены, грохотали краны и сновали сотни самосвалов.

— Плотина, — буркнул человек с портфелем.

— Какая красивая! — сказала мама.

МУХ НЕТ

В кабинете было чисто, пахло сосной и клеем. «А где же мухи?» — подумал Вовка.

Мух не было.

— Вова, ты не устал? — спросила мама. — Посиди, я схожу на станцию. Надо дать на Камчатку телеграмму и узнать насчёт билетов.

— Я с тобой!

Отправились вместе.

Железнодорожная станция стояла на краю города. К ней то и дело подъезжали, урча, автобусы. В маленьком скверике перед вокзалом, положив головы на чемоданы, дремали пассажиры.

Мама и Вовка вошли в здание вокзала, отыскивали там почту. Поставив Вовку в очередь, мама ушла писать телеграмму, потом вернулась, постояла и снова ушла.

Стоять в очереди было скучно. У Вовки заболели ноги. Мама не возвращалась, и он отправился разыскивать её.

Из почты длинный коридор вёл в зал ожидания.

Вовка сделал несколько шагов по коридору и очутился перед вывеской «Парикмахерская».

За стеклянной дверью слышалось весёлое позвякивание ножниц. Дверь была приоткрыта. Вовка просунул в неё голову, сделал шаг и очутился в волшебном царстве зеркал и белых халатов.

Девочка, одних лет с Вовкой, прошла через весь зал и уверенно залезла в свободное кресло. Парикмахерша набросила на плечи девочки простыню и начала подрезать ей закрученные червячками волосы.

«Черр-вяк!.. Черр-вяк!» — отхватывали ножницы прядь за прядью. Окончив, парикмахерша взяла пузырёк с зеленоватой жидкостью и направила на девочку пульверизатор.

У Вовки сладко защемило сердце.

К кассе девочка прошла мимо Вовки. В её пальцах была зажата монета.

— Сорок копеек! — сказала кассирша.

Вовка даже задохнулся от волнения. Всего сорок копеек!

Он сунул руку в карман штанов и неожиданно нащупал там маленький металлический кружок.

Как он мог забыть про полтинник?

Вовка зажал монету в кулак и решительно шагнул на середину зала.

«КАК СТРИЧЬ!»

С замиранием сердца он забрался в кресло.

— Ты один? — с подозрением спросила парикмахерша.

Вовка мучительно покраснел. Но женщина уже не смотрела на него, а копалась в ящике стола, подбирая для машинки нож.

— Как стричь? — спросила она, двигая ручками машинки.

— С одеколоном! — выпалил Вовка.

Женщина рассмеялась.

— Я не про то. Чубчик оставить?

— Оставить...

Парикмахерша прошуршала машинкой по затылку, поскрипела ножницами за ушами и ловко — чик, чик! — подрезала чёлку.

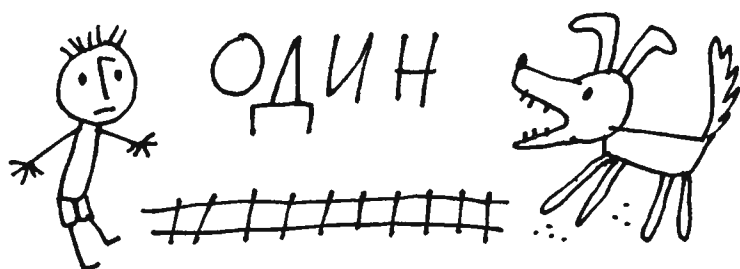
— А теперь закрой глаза! — скомандовала она.

Вовка крепко зажмурил веки. Пшш-ш-ш! — пахучее облако за клубилось вокруг его головы.

Вовка не дышал. Он не слышал ни взволнованного маминого голоса в коридоре, ни крика на перроне: «Володя, Володя!» — ничего.

Как во сне, он выбрался из кресла, отдал в окошко кассы полтинник, получил сдачу и вышел.

Мамы на почте не было. Перепуганный Вовка бросился в коридор, выскочил на привокзальную площадь — мамы нет! — вернулся в здание и, наконец, выбежал на перрон.

ЧЁРНЫЙ ПЁС

На перроне было пустынно. На чёрной, залитой нефтью, посыпанной крупным песком земле лежали белые полосы рельсов. Тускло светили красно-зелёные светофоры. Два паровоза медленно катили по дальнему пути состав. Между красными товарными вагонами, как окна, просвечивали низкие платформы. На платформах стояли грузовики; на одной — старый, выдавший виды экскаватор. Он поблёскивал истёртыми гусеницами и задумчиво кивал опущенным ковшом.

Позади Вовки послышалось рычание.

Он обернулся.

Через рельсы прямо на него шёл здоровенный чёрный пёс. Он перепрыгнул через последний рельс и очутился на перроне. Вовка попятился.

Заметив, что его боятся, пёс зарычал. Шерсть на его загривке поднялась дыбом.

Вовка начал медленно отступать. Он отступал до тех пор, пока не упёрся спиной в вокзальную стену.

Пёс шаг за шагом преследовал его. Когда Вовка остановился, пёс оскалил зубы и, делая вид, что готовится к прыжку, присел на задние лапы.

Вовка закрыл лицо руками. В этот момент послышался глухой удар, собачий визг и звуки удаляющихся прыжков.

Когда Вовка отвёл руки от глаз, по перрону удирал, поджав хвост, чёрный пёс, а мальчишка

в замусоленной школьной куртке, без фуражки швырял вслед ему обломки палки.

Швырнув последний обломок, мальчишка сунул в рот два грязных пальца и пронзительно засвистел.

Пёс взвыл и, как ошпаренный, метнулся за угол.

— Ну чего? Испугался? — сказал мальчишка и повернулся к Вовке.

Вовка промолчал.

— Ботинки какие у тебя фасонистые! — продолжал мальчишка. — Ты откуда? С поезда?

— С самолёта.

Мальчишка присвистнул.

— Вона! С кем?

— С мамой.

— А она где?

— Не знаю.

Мальчишка быстро сообразил, в чём дело.

— Пошли поищем её, — предложил он. — Тебя как звать? Вовкой? А меня... — он хитро подмигнул, — Григорием. Айда!

На вокзале Вовкиной мамы нигде не оказалось. Около автобусной остановки им сказали, что молодая женщина, которая ищет сына, только что побежала в направлении базара.

— Пошли и мы туда! — сказал Григорий. — Тут недалеко. У тебя деньги есть?

Вовка показал гривенник.

На базаре стояли покосившиеся лотки, кипела шумная разноголосая толпа. Лотки были завалены картошкой и рыбой.

Мамы и здесь не было.

Ребята ходили по базару долго, устали, купили на гривенник стакан смолистых, мелких, как семечки, орехов, на ходу щёлкая их, выбрались из толпы, узкими немощёными переулками вышли на берег реки. Вода в реке была холодная как лёд и очень прозрачная. В ней просматривалась каждая песчинка, на дне были видны булавочные глазастые мальки.

Мальчики сели верхом на гранитные, тёплые от солнца камни.

Говорил и спрашивал Григорий. Вовка односложно отвечал. Он хотел спать. Ему было тепло на шершавом камне. Ветерок тихо перебирал медные проволочки волос. Испуг проходил, и понемногу начинало казаться, что всё уладится, мама найдётся сама собой и ничего особенно страшного не случилось.

КОЖАНЫЙ

Григорию скоро надоели вялые Вовкины ответы.

— Знаешь что,— сказал он,— пойдём ко мне?

— А мама?

— Да я тут рядом — в Курятне!

Они снова прошли базар, миновали несколько улиц и остановились перед низкой чёрной избой, стоявшей в ряду таких же низких и чёрных домов.

— Сто лет нашей Курятне! — сказал Григорий. — Заходи, дома никого. Мамка пути чинит... У тебя отец кто?

Вовка покраснел.

— Нет его?.. И у меня нет. Твой что — тоже сбежал?

Вовка вздрогнул.

Григорий, не ожидая ответа, ввёл Вовку в тёмную полупустую комнату и обшарил в ней все углы.

— Пожрать даже нечего,— проворчал он.— Что делать будем? Может, продадим чего? Покажи штиблеты...— Он поколупал пальцем подошву: — Хороши, десятку дадут.

Вовка не успел опомниться, как Григорий сгрёб ботинки, а взамен их выбросил из-под кровати разбитые башмаки:

— Бери. Почти новые!

Григорий ушёл. Вернулся он через полчаса, довольный, с лоснящимися губами и большим свёртком в руках.

В свёртке оказались две буханки хлеба, колбаса и банка зелёного повидла.

— Живём! — веселился Григорий. — Налетай, горячее!

Ребята стали есть, ломая хлеб руками, по очереди доставая повидло ложкой.

В дверь кто-то стукнул. В комнату вошёл мужчина в кожаном пальто, сапогах и кожаной кепке. В руке он держал жёлтую парусиновую сумку.

Увидев Вовку, вошедший остановился.

— Это кто у тебя? — спросил он Григория.

— Приезжий, Пал Фанасич, мать потерял.

Кожаный человек внимательно оглядел Вовку.

— Потерялся, значит? Нехорошо это, нехорошо... Дело у меня к тебе, — обратился он к Григорию. — Всё то же, старое.

— Пал Фанасич, мне теперь никак, — быстро и жалобно взмолился Григорий. — Сами знаете.

— Знаю, а надо... Так, так... Мальчишка приезжий, значит?

Он помолчал, а затем, поманив Григория пальцем, вышел вместе с ним за дверь.

Когда они вернулись, Григорий был чем-то озадачен.

— Как звать тебя, малец? — обратился Кожаный к Вовке.

— Вова.

— Надо тебе помочь. Сделаем так. Мамашу твою я найду, скажешь только фамилию. А сам пока тут побудь. Завтра приходите ко мне, прямо на работу. Я мальчишек люблю... Фёдор-то ваш уехал?

— Нет ещё.

— Ну, счастливо оставаться.

Когда дверь за Кожаным затворилась, Вовка спросил:

— Кто это — Фёдор?

— Мамкин брат. Он за стеной живёт... Ты что — спишь? Ложись на кровать. Я на полу лягу.

ЖЕЛТАЯ СУМКА

— Проспали! — разбудил на следующее утро Вовку Григорий.— Вставай, Пал Фанасич ждёт! Не видел, куда он вчера сумку поставил?

Григорий выскочил в коридор, покопался там и быстро вернулся. В руках у него была парусиновая жёлтая сумка.

Наскоро перекусив, ребята вышли из дому. Пройдя улицей, очутились на большой дороге.

Дорога вела на стройку.

По ней, обдавая прохожих клубами пыли и дыма, мчались самосвалы с жидким бетоном. Из коробчатых кузовов на дорогу пулями летели крупные серые брызги.

Машины ревели, как быки. Серебряные звери на их радиаторах рвались вперёд.

— Здорово! — сказал Вовка.— Нам далеко?

— Не очень.

Ребята вышли на пригорок.

Отсюда стройка была видна как на ладони. Река, сжатая с двух сторон насыпями, бурлила, изгибаясь дугой, обегала широкий котлован, стремительно исчезала за поворотом.

— Плотины-то какую построили! — сказал Григорий.— Скоро воду в котлован пускать будут. Мне бы доучиться, пошёл бы работать.— Он помрачнел.— Мамка, когда с Фёдором ссорится, говорит — отправит меня... Был бы батька...— Он махнул рукой.— Дом наш, гляди, скоро сломают.

Вовка оглянулся на Курятню.

Посёлок сносили. Тупорылые бульдозеры уже работали на окраинах. Они двигались, как утюги: взад-вперёд.

Острыми ножами срезали ветхие заборы, валили дощатые стены, в труху сминали покосившиеся сараи. За бульдозерами тянулось ровное, словно вспаханное, поле. По нему рабочие уже выкладывали белые цепочки водопроводных труб.

— И наш дом снесли,— сказал Вовка.— Только мы уехали.

— Шагай давай! Стал тут, раззявил рот! — неожиданно зло крикнул Григорий.— Вон склады, видишь? Там Пал Фанасич работает. Идём!..

Однако, не доходя до складов, он остановился.

— Дальше пойдёшь сам. Пройдёшь ворота — будет вахтёр с винтовкой. Спросит: «Куда?» Скажешь: «Мамке обед несусь». Понял? За воротами сам встретит. Валяй, а я здесь за кустом подожду. Держи сумку!

Сбитый с толку — при чём тут обед? какая мамка? — Вовка взял сумку, она оказалась лёгкой, и побрёл по направлению к воротам.

В проходной действительно стоял вахтёр — старичок в очках и с винтовкой. Опасливо косясь на винтовку, Вовка прошёл мимо него и у первого же барака столкнулся с Кожаным.

— Ага, пришёл! — ласково встретил его тот и, обняв за плечи, быстро увлёк в барак.

ЖИВЕЙ!

В бараке было холодно. Пахло кожей и краской. Вдоль стен до самого потолка громоздились дощатые полки, на них горами лежали одеяла, полушубки, стояли банки и ящики.

— Н-а, сухаричек, погрызи! Я мигом.

Кожаный усадил Вовку на табурет, исчез и вернулся с сумкой.

— Отдашь Грише,— сказал он.— Ну, погостил, и хватит. Теперь иди!

Ничему уже не удивляясь, Вовка покорно взял сумку — она почему-то стала тяжёлой — и потащил её назад к проходной.

Навстречу попались две девочки. Они тоже несли сумки. В сумках стояли кастрюльки, бутылки и лежали краюшки хлеба.

Когда Вовка, пройдя проходную, доплёлся до

места, где они расстались с Григорием, тот неожиданно появился из-за кустов, вырвал сумку из Вовкиных рук и торопливо зашагал обратно к посёлку.

— Живей! Живей! — шипел он на Вовку, который еле поспевал за ним. — Нам, пока обед не кончился, ещё раз обернуться надо.

Они добежали до базара и остановились у зелёного, сколоченного из фанерных щитов ларька.

Двое парней, держась друг за друга, примеряли у ларька новенькие сапоги.

Сапоги блестели на солнце, как стальные.

Григорий обошёл ларёк и стал около узенькой, увешанной замками двери.

— Тётя Маня! — шёпотом позвал он. Ларёк затрясся. Дверь распахнулась и на пороге показалась огромная женщина — гора мяса, упакованная в дюжину кофт и юбок.

— С кем это ты? — басом спросила она, двинув тройным подбородком в Вовкину сторону.

— Новенький. Туда ходил... — многозначительно объяснил Григорий.

— А-а... Это хорошо: тебя-то уж там не пропустят, заметили, — согласилась тётя Маня, протянула огромную, с короткими пальцами руку за сумкой и исчезла с ней за дверью.

Через минуту ларёк снова заходил ходуном. Из двери высунулась тёти Манина рука с сумкой.

— Лови.

Григорий на лету подхватил сумку и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Вечером, когда ребята вернулись домой, Вовка спросил:

— Гриша, а когда мама придёт?

— Пал Фанасич говорит, скоро, — сухо ответил тот. — Уехала, говорит, тебя искать... Тише, Фёдор пришёл!

На крыльце послышались шаги, скрипнула дверь, в комнату заглянул высокий молодой парень в клетчатой рубаше.

— Кто это у тебя? — спросил он, увидев Вовку.

— Так... зашёл один,— неопределённо ответил Григорий.

Фёдор нахмурился, но больше ничего спрашивать не стал.

— Строгий он какой,— сказал Вовка.

— Мать говорит — злой. Ссорятся они сильно, а влетает мне... Хорошо, уезжает скоро.

МИР, ВОВКА И ПУГОВИЦА

Раньше мир был прост.

Он был чуть больше улицы, на которой жил Вовка.

Где-то неподалёку, вероятно за речкой, лежали города и страны, нарисованные на карте,— Ленинград, Москва, Африка,— о которых говорило радио и о которых писали в книжках.

В мире жило не так уж много людей, и все они относились к Вовке наилучшим образом.

Жизнь была ясной, как медная пуговица.

Теперь всё изменилось.

Люди, города, дороги обрушились на Вовку, как водопад, самолёт впервые оторвал его от земли, Курятня — испугала.

Вовка трусил.

Он отчаянно трусил.

Его пугала непонятность того, что делается в обеденный перерыв в бараке у Кожаного. Пугал вахтёр с винтовкой. Пугала тётя Маня.

— Если кто спросит,— наставлял Вовку Григорий,— говори: несёшь обед.

Кожаный твердил:

— Был в милиции. Найдут твою маму. Сказано — приедет. На третий день.

Маминого приезда Вовка ждал как избавления.

Хлеб, колбаса и повидло, которые купил Григорий, уже кончились.

Ели мальчишки мало и где придётся: то с Кожаным в столовой, то прямо на базаре — на мелочь, которую тётя Маня давала Григорию.

«ТЫ К КОМУ, МАЛЬЧИК!»

Проснувшись на третий день утром, Вовка сразу же вспомнил: сегодня должна прийти мама!

Он весело привскочил на кровати, но при первом же взгляде на тусклое окно, чёрный потолок, на Григория, сопящего на полу, чувство радости погасло.

В полдень снова отправились к Кожаному.

В проходной Вовка хотел, как всегда, незаметно проскользнуть мимо вахтёра, но тот неожиданно наклонился и спросил:

— Ты к кому, мальчик?

— К маме...

Вовку бросило в холод, затряслись руки. Не поднимая глаз, он просеменил мимо вахтёра и еле живой доплёлся до барака.

— Что он тебя спрашивал? — настороженно спросил Кожаный.

— К кому иду.

— А ты что?

— К маме, сказал.

— Правильно! А, чёрт, заметили...

В складе Кожаный на этот раз замешкался. Когда он наконец передал Вовке сумку, она была вдвое тяжелее обычного.

Вовка потащил сумку к выходу и уже у самых дверей столкнулся с молодым мужчиной в серой шинели без погон.

— Ты откуда? — удивился молодой. — К вам приходил? — обратился он к Кожаному.

— Д-да... То есть нет. — Кожаный замялся, как клещами, больно сжал Вовке плечо и незаметно стал выталкивать Вовку из барака. — Заблудился ма-

лец. К мамке обед носил. Сейчас я его провожу.

Молодой — видно, начальник — с подозрением посмотрел на жёлтую сумку, на Вовку, хотел было ещё что-то спросить, но промолчал.

Кожаный вывел Вовку во двор.

— Пулей! — сквозь зубы процедил он. — Если задержат...

Вовка медленно двинулся к проходной.

Там сменялись вахтёры.

Он уже прошёл было барьер, как вдруг один из вахтёров нагнулся и схватил его за руку.

— Постой-ка, — сказал он, — что-то ты больно зачастил к нам! Спрашиваю: «Чей?» — продолжал он, обращаясь к товарищу. — Никто не знает. «Что носит?» Никто не ведаёт. — Вахтёр перегнулся через барьер ещё больше и запустил руку в сумку: — А ну показывай, что у тебя там.

Из сумки появился свёрток, туго перемотанный тряпкой. Вахтёр рванул её, тряпка лопнула, и в прореху вылез блестящий чёрный носок новенького сапога.

— Из склада воруют, — тихо промолвил вахтёр и вдруг отчаянным голосом закричал: — Стой!

Но Вовка уже мчался прочь, не чуя под собою ног.

Подлезая под барьер, вахтёр замешкался. Когда он выскочил из проходной, Вовка уже успел юркнуть в кусты.

Там ждал его Григорий.

Этому не нужно было объяснять ничего. Григорий тотчас же бросился напролом, в самую гущу кустов, перелез через какой-то забор, пробежал огородами и, шмыгнув в первый попавшийся сарай, затаился. Вовка не отставал.

— Что там было? — задыхаясь, спросил Григорий.

Вовка рассказал.

— Ну и дурак! — неожиданно заключил его приятель. — Теперь тебе такие сапоги дадут, только

держись! Вахтёры не поймают — Пал Фанасич прибёт!

Вовка, серый от испуга, молча стоял у стены.

— Вот чего,— решительно сказал Григорий,— теперь тебе деньги нужны. Без них пропадёшь. Когда ещё мать придёт... Скидавай куртку, я мигом.

Вовка покорно снял куртку, сел у стены на корточки и, зябко сунув ладони между коленей, стал ждать.

Прошёл час или больше.

Григорий не возвращался.

НА БАЗАРЕ

Вовка продрог. У него не попадал зуб на зуб.

Каждый раз, когда около сарая фырчала машина или слышались голоса людей, ему казалось, что вот-вот откроется дверь, в сарай войдут и его схватят.

В отчаянии он решился уйти, выбрался на цыпочках из сарая, перелез через забор и, боясь оглянуться, пошёл по дороге к посёлку.

Ноги сами принесли его к базару, туда, где должен был продавать куртку Григорий.

На базаре было много рыбаков, кипела разноголосая толпа и стоял огуречный запах свежей рыбы.

Вовка сразу же потерялся в суетливом, занятом своими делами скопище людей.

Толпа швыряла его из стороны в сторону до тех пор, пока у него не закружилась голова и смертельно не захотелось присесть.

Когда он выбрался из толпы, то наконец увидел Григория.

Тот стоял у лотка с одеждой и примерял мохнатую круглую кепку. Куртки в руках у него не было.

— Гриша! — Вовка бросился к нему и ухватил за рукав.— Гриша...

Григорий повёл себя непонятно.

— Отпусти, пацан,— громко и зло отрезал он и вырвал рукав из Вовкиных пальцев.— Чего пристал?..

— Гриша, мне холодно, пойдём к тебе,— продолжал, ничего не понимая, Вовка.— Дай куртку.

Около них начали останавливаться.

— Какую еще куртку? — выкрикнул, не глядя на Вовку, Григорий.

Вокруг них уже стеной стояла толпа.

— Ты, здоровенный, не обижай маленького! — добродушно предупредил Григория широкоплечий рыбак.— Какая куртка? Отдай, если брал.

— Отдай, отдай,— поддержали из толпы.

— Не брал я никакой куртки! — неожиданно визгливым голосом закричал Григорий.— Чего он ко мне прицепился, какой я ему Гриша? Дяденька, не держите меня!

— А и верно, не Гриша он,— вмешалась в разговор женщина в синем платочке.— Соседский он мне, Настасьи-ремонтницы сын. Стёпкой зовут... Второгодник... Опять, непутёвый, на базаре шалберничаешь?

— Чего ж ты путаешь? — сурово обратился широкоплечий рыбак к Вовке.— Как звать, и то не знаешь, а требуешь. Шли бы по домам оба. Ну!..

Обрадованный таким оборотом дела Степан-Григорий вырвался из рук мужчины и юркнул в толпу.

Народ стал расходиться. Через редешую толпу Вовка увидел Кожаного. Тот стоял у зелёного ларька, в кепке, надвинутой на глаза. Рядом с ним возвышалась громадная туша тёти Мани. Заметив Вовку, Кожаный двинулся было к нему, но остановился.

Вовка не испугался и не побежал. Ему теперь было всё равно. Еле передвигая ноги, он брёл к станции.

Врали. И про обед в сумке, и про то, как зовут Степана, и про милицию врали. Не нашла да и не

могла найти его мама. Всё пропало, идти было некуда.

И однако, он шёл. Шёл к станции, к тому месту, где в последний раз видел маму.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Я НЕ ПЛАЧУ!

На станции по-прежнему было пустынно. Холодно светили красно-зелёные огни светофоров. Ветер нёс по перрону обрывки пожелтевшей бумаги.

Вовка подошёл к краю перрона.

Голубые полосы рельсов... Где-то далеко-далеко мчится по ним дымный паровоз и увозит с собой маму. То ли на Камчатку, то ли домой. Нет мамы.

Нет мамы, и навек останется он в грязной Курятне, где живут Кожаный, Степан-Григорий и похожая на гору мяса тётя Маня. И если сейчас он не вернётся к ним, то так и останется стоять здесь, один, на холодном ветру, голодный, полураздетый, забытый всеми.

От этих мыслей Вовке стало до того горько, что он не выдержал и заплакал.

— Ты чего грязными слезами на чистую рельсу капашь? — раздался над его головой громкий весёлый голос.

Вовка поднял голову.

Перед ним стоял Фёдор. Он смотрел на Вовку не улыбаясь. Поверх клетчатой рубахи на плечи его был наброшен ватник.

— Что случилось? — спросил он.

Вовка молчал.

— Ушибся?..

Не получив ответа и на этот раз, он нагнулся и подхватил Вовку на руки:

— Э-э, да ты, никак, всё плачешь?

— Нет... — пробормотал Вовка и залился в три ручья.

Руки Фёдора продолжали держать его на весу. От ощущения их силы Вовке стало немного легче.

Фёдор опустил его на землю.

— Стоп качать воду! — сказал он, вытащил из кармана брюк клетчатый платок и вытер Вовке нос. — Ты, случайно, не потерялся?

Вовка кивнул.

— Давно?

— Четвёртый день.

— Вот паршивец! — сказал Фёдор, наверно, про Григория. — Опять он какой-то шахер-махер устраивает! Ну-ка, выкладывай всё по порядку.

И Вовка рассказал всё. Он хотел верить, он не мог не верить этому большому серьёзному человеку, которого видел второй раз в жизни. Он разрешил набросить себе на плечи ватник, умыть себя под водопроводным краном и подвязать верёвкой развалившийся башмак.

— Ну, брат, у тебя и штиблеты! Первый сорт! — удивился Фёдор. — Таких до самой Камчатки не сыщешь... Я, между прочим, — слышал? — тоже туда еду. От нас в Новый Порт половина людей уезжает. Здесь кончили, там начнём строить... Давай-ка решим, что делать. Мне сейчас надо идти кран сдавать.

— И я с вами, — с отчаянием сказал Вовка.

На стройку ехали попутной машиной, в кузове. У нового, только что выстроенного дома Фёдор постучал по кабине.

— Стоп! — крикнул он.

Вовка вылез.

Дом-великан сиял сотнями окон.

В них ещё не белели занавески, не хлопали в доме парадные двери. И у стены стоял, упираясь в рельсы железными ногами, огромный кран.

На бетонной плите сидели трое рабочих. Перед ними на газете лежали хлеб и сахар. Потрескивал маленький костёр.

— Ты где пропадаешь? Ждём тебя, ждём, — сердито сказал один из рабочих. — Чайник твой на кране?

— Ага... Дело тут одно получилось, — объяснил Фёдор, — мальчишка потерялся... Кто принимает кран? Ты, что ли?

Фёдор и один из рабочих подошли к крану, полезли по железной лесенке наверх, по очереди скрылись в кабине.

Заурчал мотор. Кран тихонько сдвинулся с места.

Не доезжая до рабочих, кран остановился, задрал и снова опустил стрелу. На кране висел какой-то красный предмет.

Позвякивая и пощёлкивая тросом, крюк начал опускаться.

— Чайник! — удивился Вовка.

Красный предмет и правда оказался чайником. Кран опустил его точно около костра.

— Циркач! — с уважением сказал кто-то. — Как рукой работает!

Вниз Фёдор с рабочим спустились не скоро.

— Вот что, — сказал Фёдор ему, — за кран распишешься в конторе. А сейчас мы пошли. У нас дела.

— Мы в столовую? — робко спросил Вовка.

— И в милицию.

В столовой Фёдор взял суп, полбатона и пластину жёлтого ноздреватого сыра.

— Держи. Шесть дырочек на двоих.

Он ушёл и вернулся с парой матерчатых тапок.

— И это тебе. Ну, как сыр?

— Три дырочки я вам оставил.— Вовка впервые за последние дни улыбнулся.— Дядя Фёдор, а в милиции не страшно?

Выслушав Вовкину историю, начальник милиции развёл руками:

— Так вот ты где! Ну и история! А мы три дня по всему строительству ищем. Тайгу обыскали, два раза начальству докладывали: нет, мол, такого мальчишки. А он тут — под самым носом. Сейчас твою мамку вызовем — она в гостинице.

Вовка сидел притихший и испуганно ждал, когда Фёдор заведёт речь о Кожаном.

— У нас ещё одно дело есть,— начал наконец Фёдор.— Вы, случайно, ничего о сапогах, которые со склада пропадают, не слышали?

И он рассказал историю с жёлтой сумкой.

Начальник милиции слушал его внимательно.

— Любопытно,— сказал он наконец.— Так было дело? — обратился он к Вовке.

— Так.

— Сейчас же примем меры. С этой тётей Маней мы хорошо знакомы. А вот Кожаный — человек новый. Должно быть, приехал, жулик. Видно, осторожный. Такого сразу не возьмёшь. Со Степаном-то что делать? Мать у него, говорят, нехорошая, пьёт. Погубит малого.

— Его губить нечего,— сказал Фёдор.— Он и так погиб. Племянник он мне, уж я-то знаю.

— Что же вы им не займётесь? Особенно сейчас, после такого...

— Я уезжаю,— сказал Фёдор.

Начальник милиции повертел в руке карандаш.

— М-да,— сказал он.— Ну что же, подождите, может, понадобится.

Прошло немного времени, и начальник снова вызвал их в кабинет.

— Такое дело,— сказал он.— Матери в гостинице нет, но, говорят, скоро вернётся. У меня сейчас идёт туда машина. Отправляйтесь-ка на ней. С жуликами дело ясное, разберёмся сами.

Вовка и Фёдор уже сидели в машине, когда в конце улицы показались два милиционера. Между ними плыла, колыхаясь тётя Маня и брёл, понуря голову, Степан.

Кожаного с ними не было.

Проходя мимо машины, Степан поднял голову. Глаза ребят встретились. Вовка почему-то вспомнил, как он стоял, прикрывая лицо руками, а Степан швырял палки в убегающего пса; вспомнил смолистые кедровые орехи и тёплые валуны на берегу реки. Вспомнил Степана, спящего на полу, и невольно потянулся вперёд. Он хотел что-то сказать, но Степан сделал предостерегающий знак рукой, жалко улыбнулся и прошёл мимо.

— Дядя Фёдор, что с ним будет? — взволнованно спросил Вовка.

Фёдор привстал, чтобы выскочить из машины.

— Ну ладно,— сказал он и снова сел,— я тебя отвезу и вернусь... В интернат, наверно, Степана отправим. Я с начальником поговорю... Держись крепче, поехали!

ВМЕСТЕ

Когда начальник милиции звонил в гостиницу, маму не нашли. И всё-таки она была там. Её вызвали в камеру хранения.

— Гражданка, что это у вас в картонке? — с подозрением спросил кладовщик.

— Как — что? Моя шляпа.

— Интересная шляпа, которая хрюкает. И запах

от этой шляпы — хоть убегай. Не верите? Убедитесь.

Мама развязала картонку и ахнула.

На дне её копошилось что-то невообразимо грязное, колющее, облепленное бумажками и соломинками.

— Ёж! — Мама схватилась за голову.

Кладовщик раскрыл рот от изумления.

Когда мама, вычистив картонку и накормив ежа, вышла в вестибюль, к ней обратилась женщина в форменной фуражке и что-то сказала.

Мама безучастно кивнула.

Женщина засмеялась и громко повторила, почти крикнула:

— Вас ждут! Вон, сзади.

Мама обернулась, и в ту же минуту, отпустив руку какого-то мужчины, к ней на шею кинулся Вовка.

В ПУТЬ!

Через два дня к иркутскому вокзалу подкатил, сияя стеклом и зеленью вагонов, скорый поезд. По ступенькам поднялись мама с Вовкой. Следом втащил чемоданы Фёдор.

Паровоз дал гудок. Поезд тронулся.

За окном проплыли перронные столбы, светофор, городские дома. Потянулись новостройки, блеснула река с белым полуколыском плотины.

Когда поезд проходил мимо Курятни, Вовка выглянул в окно. Бульдозеры продолжали сносить посёлок. Они подошли уже к самому базару. Но в том месте, где жил Степан-Григорий, ещё стояли бараки и чёрные избы. Они щетинились кольями заборов, громоздили вокруг себя ограды, сарай, клети.

Поезд прибавил ходу, повернул в сторону, и Курятню закрыл зелёный бегущий частокол елей.

КАРТОНКА

— Так, может, нам билеты взять вместе? — предложил в Иркутске Фёдор, и мама согласилась.

— Если бы не вы... — без конца повторяла она. Больше всех был доволен попутчиком Вовка.

— Дядя Фёдор, — шептал он маме, — машинист, он краном как рукой работает: любую мелкоту — чемодан, картонку — может подцепить!

При слове «картонка» мама улыбнулась.

Картонка... Вовка не находил себе места. Как там Мурзик?

Картонка стояла под лавкой.

В купе, кроме мамы, дяди Фёдора и Вовки, ехал ещё один пассажир. Он был неразговорчив, толстонос и, несмотря на жару, обут в серые высокие валенки.

«Зачем они ему?» — удивлялся Вовка.

Поезд, отъехав от Иркутска, помчался сначала по берегу Ангары, а затем — Байкала, громадного, как море, озера, окружённого горами.

Вагон то нёсся почти у самой воды, то врывался в тёмные, полные паровозного дыма туннели.

— Первый... второй... третий... — считали их Вовка с Фёдором.

Толстоносый не считал вслух туннели и не восхищался озером-морем. Когда стемнело, он стянул валенки, аккуратно поставил их под лавку и лёг.

— Хрр-р... хрр-р... — раздалось через минуту.

Фёдор покосился на маму и ткнул его кулаком

в бок. Толстоносый недовольно хрюкнул, отвернулся к стене, натянул на голову одеяло.

Мама пожала плечами и вышла в коридор.

Вовка моментально нырнул под лавку.

Картонка стояла в самом дальнем углу. Он пошевелил её. Тихо. Приподнял крышку, осторожно сунул руку внутрь...

Пусто!

Вовка вылез из-под лавки, скрючился у окна и до самой ночи ни с кем не разговаривал.

ВАЛЕНКИ

Разбудила его утренняя возня в вагоне.

Поднялись все. Мама, напевая, хлопотала у столика. Фёдор, в одной тельняшке, с полотенцем на шее, приседал в проходе между лавками. Толстоносый лёжа завязывал шнурки галифе.

Потом он сел и спустил ноги с полки.

— Подвинься, мальчик!

Вовка подвинулся и при этом задел лежавшие на полу валенки.

Толстоносый что-то проворчал, сгрёб валенки в охапку и начал их надевать.

Стоя на одной ноге, он старался попасть второй в голенище.

Вагон качало.

Раз — мимо. Два — мимо. Три!.. Толстоносый с размаху сунул ногу в валенок и дико заорал.

Все вскочили. Мама уронила нож и, побледнев, спросила:

— Что случилось?

Толстоносый с визгом прыгал по купе. На его ноге болтался надетый до половины валенок.

— Стоп!

Фёдор поймал толстоносого за ногу и толчком усадил его на лавку.

— Перестаньте орать, — сказал он. — Вас что, укусили?

— Да-да... Не знаю... Там, там! — Толстоносый, задыхаясь, указывал пальцем на валенок.

Фёдор сорвал валенок с ноги, сунул внутрь руку и немедленно выдернул её...

Вытряхнуть таинственное существо из валенка оказалось невозможным.

Тогда Фёдор достал из кармана складной нож и вопросительно посмотрел на толстоногого. Тот уныло кивнул.

Острым, как бритва, лезвием Фёдор распорол валенок. Из него вывалился на пол, стуча иглами, ёж.

— Мурзик! Мурзинька, Мурзик! — радостно повторял Вовка, осторожно беря ежа на руки. — Не убежал! Здесь остался!

Ёж тыкался ему в ладони шелковистым тёплым рыльцем, доверчиво похрюкивая.

— Откуда эта зверюга? — удивился Фёдор.

И только мама, вместо того чтобы ахать, рассмеялась.

Вовка понял, что его тайна раскрыта.

— Вова, — кончив смеяться, сказала мама, — а где моя шляпа?

О смятой шляпе разговаривать было опасно. Вовка молча начал устраивать ежа на старом месте — в картонке.

— Понимаешь, — сказал он немного погодя, — твоя шляпа в чемодане. Я потом её покажу.

Сидя в углу, толстоносый натягивал на ногу разрезанный донизу валенок.

— Выкинули бы вы их, — сказал Фёдор. — Лето. Для чего вам они? Не на Север едете.

— Куда надо, туда и еду, — огрызнулся толстоносый. — Никого мои дела не касаются. Еду, и всё. Милиции здесь нет — я бы вам показал, как в поезде зверей возить. Ну ничего, сейчас он у вас полетит в окно!

Толстоносый ушёл и вскоре вернулся вместе с начальником поезда. В купе все притихли.

Начальник строго посмотрел на пассажиров.

— Вот это самое место,— жалобно объяснил ему толстоносый.

Начальник важно кивнул.

— Разрешаю,— сказал он, повернулся и вышел.

— Мама, что он разрешает? Выбросить Мурзика? — прошептал Вовка.

— Наверное, нас,— серьёзно и тоже шёпотом ответила мама.

Фёдор молчал, ожидая, что будет дальше.

Толстоносый свернул постель, достал из-под полки свой чемодан.

— Счастливо оставаться! — буркнул он и вышел.

— Володя,— сказала мама,— к нам, наверное, посадят новых пассажиров. Убери из-под лавки наши вещи.

Вовка забрался под лавку и начал выталкивать оттуда чемодан с картонкой.

Вытолкнув их, он вылез, отряхнул штаны и поднял голову.

На том месте, с которого он только что встал, сидела девочка с огромным бантом на голове.

НОВЫЕ СОСЕДИ

Вовка был потрясён. Он открыл рот, хотел спросить маму, откуда взялась девочка, но только выдавил из себя:

— О-о-о-о...

— Он хочет сказать, что его зовут Вова,— объяснила мама.— А как зовут тебя?

Девочка поджала губы и покосилась на дверь. В дверях стоял начальник поезда и с кем-то вежливо разговаривал.

— Не беспокойтесь, я обещаю,— сказал начальник поезда,— при первой возможности у вас будет место в мягком вагоне. А пока...

Он сделал шаг в сторону. В купе, держа на весу

новенький чемодан, вошёл военный. Вовка от испуга даже закрыл глаза.

— Здравствуйте,— сказал военный и мягко, без стука поставил чемодан.

Вовка приоткрыл глаз. На военном была чёрная тужурка, расшитая золотом, на рукавах горели золотые лычки, на козырьке фуражки поблёскивали золотые дубовые листья. На груди военного красными, зелёными, синими огоньками горели орденские ленты.

«Наконец-то настоящий моряк!»

— Здравствуйте! — ещё раз сказал военный и снял фуражку. — Будем знакомы: моя фамилия Хлопов. Борис Павлович. Это моя дочь — Лена. Елена, поздоровайся со взрослыми.

— Здравствуйте! — сказала девочка и качнула своим огромным бантом.

— Тоня.

— Фёдор.

— Это мой сын — Володя.

— Постараемся долго вам не надоедать,— сказал военный и начал вносить из коридора ещё чемоданы.

Фёдор вскочил, чтобы помочь.

Вещи были расставлены, и в купе воцарилось молчание. Когда молчать стало невмоготу, Вовка вышел в коридор, потом вернулся, залез на постель с ногами и два раза кувыркнулся через голову.

Девочка сидела, поджав губы, и смотрела в окно.

«Задавака»,— решил Вовка.

Он достал из-под лавки картонку с ежом.

Мама нагнулась и вполголоса сказала:

— Покажи его девочке.

Вовка дёрнул плечами.

Мурзик лежал на дне картонки серым колючим клубком.

— Ну, ну! — стал уговаривать его Вовка.

Зверёк медленно разворачивался. Сначала из-под иголок высунулся чёрный поросячий пятячок, затем

показалась одна крысиная лапка, вторая... Скоро Мурзик забежал по картонке, подбирая крошки.

Девочка, сжав пальцы у подбородка, замерла в восхищении.

— Мальчик, скажите, это ёж? — сладким голосом спросила она.

— Коза, — буркнул Вовка.

— А чем вы его кормите?

— Спичками.

Девочка обиженно надула губы и снова отвернулась к окну.

ЛЕНА

После чая военный достал из чемодана коробку, завернутую в газету, и положил её на стол.

Девочка сняла газету.

— Это игра «Цирк», — сказала она, глядя мимо Вовки. — Мальчик, вы будете играть?

Вовка засопел.

— Он будет, — сказала мама.

Игра была весёлой. Разноцветные фишки гонялись друг за другом, взбирались по лестницам, застревали в клетках со львами и падали с шатких трапезий. У девочки всё время выпадали пятёрки и шестёрки. Вовкина голубая фишка быстро отставала. Зелёная девочкина уже кончала игру, а голубая ещё болталась где-то в самом начале, между барабаном и дрессированным зайцем в кепке.

— Кончила! — торжествующе объявила Лена.

Вовка небрежно опрокинул свою фишку.

Взрослые беседовали.

— Вы знаете, в жёстком вагоне неудобно. Я в нём плохо сплю, — жаловался Борис Павлович. — Простите, вы с мужем едете в Новый Порт?

— Я просто знакомый. — Фёдор покраснел.

— Извините.

Мама кивнула:

— Ничего. Мы все в Новый Порт. А ваша жена уже там?

Борис Павлович замялся:

— Н-нет. Она осталась в Москве, сдаёт экзамены в театральный институт. Провалится — приедет.

— Вы были когда-нибудь военным? — обратился он к Фёдору.

— Солдатом. — Фёдор снова покраснел. — Строитель теперь я.

— Строитель — это тоже почётно, — сказал Борис Павлович и зевнул.

У Вовы и Лены разговоры были свои.

— А я в этом году пойду в школу! — сказал Вовка.

— И я.

— А меня примут в пионеры.

— В первом классе не принимают.

— Это у вас. А у нас была такая школа.

— Мальчик, вы врёте! — сказала Лена.

Борис Павлович привстал.

— Елена! — сказал он. — Как ты можешь? Сейчас же извинись.

— Она смешная, — сказал Вовка, — говорит мне «вы».

— Не смешная, а вежливая, — сказала Лена и показала Вовке язык.

Вовка промолчал и примирительно произнёс:

— Меня ещё в прошлом году чуть в школу не взяли. По домам ходили, записывали, кому семь лет исполняется. И я записался. Мама такой шум подняла: говорит — нельзя обманывать. А я и не обманывал: я правда в школу хотел!

БЫЛ БЫ У МЕНЯ...

Вечером все вышли из купе, мама начала стелить постель.

— Странно, очень странно, — сказала она. —

Отец с девочкой едет на Камчатку, а мать остаётся в Москве...

— Устроятся, она и приедет,— объяснил Вовка.

— Вот-вот,— сказала мама.

Немного погодя она спросила:

— А ты маму Степана видел?

— Нет. Дядя Фёдор говорит — она плохая.

Мама вздохнула:

— Конечно, плохая... Ты лицо уже мыл?.. Подумать только, живёт среди воров и пьяниц мальчишка, и никому до него дела нет... Ложись, уже поздно.

Когда они легли, Вовка обнял маму за шею и тесно прижался к ней.

— Ты что? — удивилась она.

— Мама,— шепнул Вовка,— а у нас когда-нибудь будет папа?

Мама вздрогнула.

— Зачем это ты? — тихо спросила она и погладила Вовкину голову.

В дверь постучали. Вошли Борис Павлович и Фёдор.

Вовка высвободился из маминых рук, отвернулся к стенке и начал чертить на ней пальцем треугольнички. Он вспомнил Кожаного, Гришку-Степана, торговку тётю Маню...

Вот у Степана тоже только мать. Когда они со Степаном шли по дороге, тот сказал: «Был бы у меня батька...»

Жаль Стёпу.

«Был бы у меня батька...»

КЛЕТКА

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! — стучат колёса.

Мчит поезд по Забайкальской степи, качает вагон. Тоненько звенит ложка в стакане. Под лавкой шелестит иглами, перекатывается в картонке Мурзик.

На одном полустанке Фёдор наконец раздобыл ящик, моток телеграфной проволоки и пошёл мастерить для ежа клетку.

Осторожно, чтобы не шуметь, он тюкал рукоятью ножа по гвоздям, гнул проволоку, сверлил лезвием отверстия в досках.

Когда клетка была готова, в неё пересадили Мурзика.

У клетки было съёмное — чтобы мыть — дно и проволочная удобная ручка.

РАЗГОВОР

Как-то, выйдя в коридор, Вовка увидел у окна маму и Фёдора.

Мама убеждала Фёдора в чём-то, то и дело разводя руками, настаивая, сердясь. Фёдор отказывался, нерешительно мотая головой.

Вовка подошёл ближе.

— Вы поймите, — говорила мама, — кроме вас, у него близких, по существу, нет. Взрослому мальчику всегда нужен мужчина-друг. И потом, как ему теперь жить? Под присмотром милиции? Он теперь всех будет бояться.

— Вы не знаете, сколько я с ним бился. Вот с таких лет. Сестра — та сразу махнула рукой: не могу, говорит. А я только в детский дом его два раза отводил. Убегает!

— Но ведь его ни в коем случае нельзя сейчас оставлять с матерью.

— Бумаги уже в интернате.

— Нельзя оставлять в Иркутске. Эти воры, которым он попал на глаза... Ужас! Из интерната он сбежит и опять будет у них.

— Ну, а я на Камчатке что с ним буду делать? Я ведь целый день работаю.

Мама покачала головой:

— Это всё так, но он вам не чужой...— Тут она заметила Вовку.— Прекратим этот разговор.

Вовка понял, что они говорили о Степане.

«БЭ-Э!»

— Вова, будешь играть в «Цирк»?

— Нет.

— А читать стихи?

Кроме «Стакан-лимон, выйди вон», Вовка никаких стихов не знал.

— Тогда давай рисовать. Или писать буквы.

Вовка достал из чемодана зелёную тетрадь, вырвал из неё лист и протянул Лене.

— Бэ-э! — тянул он, вырисовывая в тетради пузатое «б». — Тэ-э! Лена, у тебя буква вверх ногами написана.

— Ничего подобного — это «у».

— Всё равно вверх ногами.

— Папа!

— Ну что ты, мальчик? — сказал Борис Павлович. — Лена права: у неё «у» как «у». Где ты видишь ноги?

Но буквины ноги Вовка видел совершенно отчётливо.

— Зато у твоего «э» палочка внутри колыхается!

— Елена, надо говорить «колышется»!

— А ты не можешь одним словом «сыр» и «рыс» написать!

Буквы ребятам нравились. Они были все разные, каждая со своим характером, толпились в тетради шумной ватагой, лезли друг на друга и ужасно неохотно выстраивались в слова.

Даже если это было короткое, одному Вовке известное, таинственное слово.

P/dc

Поезд шёл уже третий день через горы, тайгу, реки. Конца не было грому колёс и рёву встречных поездов.

У-ууууу!..

Мелькали станционные огни, с грохотом проносились железнодорожные мосты, солнце дрожало за мутным оконным стеклом.

— Ещё долго? — спрашивала Лена.

— Долго, — отвечал Борис Павлович. Каждый день он был чисто выбрит, белый воротничок блестел. — Ещё два дня до Комсомольска, день до Советской гавани. В Совгавани сядем на пароход. Пароходом — до Камчатки. Там расстояние около двух тысяч километров.

«Всё он знает!» — подумал Вовка.

— Скоро Ерофей Павлович, — сказал Хлопов.

— Кто это такой?

— Казак.

«Наверное, его знакомый», — решил Вовка и представил себе, как за окном на платформе стоит здоровенный человек в косматой шапке и машет рукой Лениному папе.

Наконец поезд остановился.

— Вот и Ерофей Павлович! — сказал Ленин папа.

Вовка бросился к окну.

За окном между железнодорожными путями стояла женщина и держала на руках поросёнка.

— Где Ерофей Павлович? — удивлённо спросил Вовка.

Мимо женщины неслись бегом пассажиры.

— Вот он! — Ленин папа показал на станционное здание. На розовой стене его была видна большая надпись:

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ

— Так звали казака Хабарова,— сказал Борис Павлович.— Он жил триста лет тому назад. У него был отряд таких же смелых людей, как он сам. Казаки пришли с Хабаровым в этот край и открыли его. Чтобы добраться сюда, им пришлось переплыть много рек, переваливать через горы. Многие из казаков умерли в пути от голода и болезней... Эта станция — память об их храбром атамане.

Поезд медленно тронулся. Розовое здание проплыло мимо окна. Позади осталась женщина с поросёнком. На смену серым станционным домикам поднялась зелёной стеной тайга.

«Он военный и, значит, тоже ничего не боится, как Хабаров!» — подумал Вовка о Борисе Павловиче.

НЕБОЛЬШИЕ ВРАКИ

— Папа, мне скучно!

— Елена, не капризничай!

— Скучно!

И верно, скучно. Вовка осмотрел купе. Мама вышла. Борис Павлович и Фёдор с утра играют в шашки.

— Дядя Фёдор, расскажите что-нибудь! — попросил Вовка.

Фёдор оторвался от доски:

— Ну что я расскажу?

— Что-нибудь весёлое. Неправду какую-нибудь. Чтоб было смешно и страшно.

— Я врать не умею.

— Все должны уметь,— сказал Вовка.— Как же иначе рассказывать? Хотите, я вам помогу? Вы рассказывайте, а я буду понемногу добавлять. И получится интересно.

Лена радостно подпрыгнула.

— Плыли мы раз по реке, перевозили на барже кран,— сказал Фёдор и смущённо посмотрел на Бориса Павловича.— Плыли, значит,плыли...

— Вдруг видим — скорость мала! — сказал Вовка и сделал большие глаза.

— Плывём мы, плывём...

— И вдруг остановились! — сказала Лена.

— Отчего бы это? — удивился Фёдор.

— А вы посмотрите, — сказал Вовка, — посмотрите.

— Посмотрел я за борт, — сказал Фёдор.

— А там щука. Вот такая! — закричал Вовка.

— Зубами уцепилась, — сказала Лена.

— Еле мы от неё отстрелялись! — сказал Вовка. — Ну как?

— Хорошо! — согласился Фёдор.

— Тогда и я расскажу историю, — сказал Борис Павлович. — Только не про реку, а про океан.

Вовка и Лена запрыгали на постелях.

— Так вот... Дело было давно. Служил мой приятель на большом корабле. Шёл однажды корабль в Индийском океане. Стоит мой приятель вместе с капитаном у борта, видит: плывёт рядом с кораблём рыба. Вдруг эта рыба давай глотать воду. Наглоталась, раздулась как шар. Несёт её кверху брюхом прямо на корабль. Ударилась рыба о борт да ка-ак...

— Лопнет! — крикнул Вовка.

— Точно. Все стёкла на корабле — вдребезги, корабль — в щепки. Всю команду по островам раскидало. Кого куда.

— Целый год их собирали! — сказала Лена.

— Правильно!

Вовка и Лена стонали от восторга. Фёдор и Борис Павлович смеялись.

— Теперь давайте сочиним про корову, — сказал Вовка. — Как она плавала по морю.

— Таких коров не бывает, — сказал Фёдор. — Что это за морская корова?

— Представьте себе, были, — возразил Борис Павлович. — Морская корова — вполне реальное существо. У неё даже есть своя история.

— Папа, расскажи! — попросила Лена.

— Потом, как-нибудь потом.

Дверь открылась, и в купе вошла мама.

— Что это у вас тут было? — с подозрением спросила она. — Вова, ты красный как помидор. Наверное, возился?

— У нас были небольшие враки! — с гордостью заявил Вовка.

СТРАННЫЙ ПАРОХОД

В вагоне объявили, что поезд прибывает в Комсомольск. На горизонте мелькнула громадная река.

— Амур!

И сейчас же во всех купе пошли разговоры о том, как переправляться через Амур.

Одни говорили, что в Комсомольске построен мост; вторые — что моста ещё нет, а переправа идёт на лодках. В коридоре кто-то сказал, что во время войны его знакомые шли через Амур пешком и под лёд провалилась лошадь...

Поезд остановился на самой окраине города, на берегу реки. Рядом высились светлые корпуса жилых домов и торчали тонкие фабричные трубы.

Все пассажиры прилипли к окошкам, разглядывая огромную реку и горы на другом берегу.

Никакого моста через реку не было. Был причал. Железная дорога выходила прямо к нему.

— А вот и паром! — сказал Борис Павлович.

Поперёк реки прямо на поезд шёл странный пароход. Он был очень широкий, без носа и без кормы, как плот. И трубы на нём стояли не как у всех пароходов — одна за другой, — а рядом.

На палубе парохода в четыре ряда блестели уложенные, как на железной дороге, рельсы.

Пароход подошёл к причалу, прямо туда, где обрывался в реку железнодорожный путь.

— Сейчас будет самое интересное! — сказал Борис Павлович. — Откроем окно и будем смотреть.

Пароход закрепили у причальной стенки, и теперь его рельсы стали продолжением пути, на котором ждал состав.

К составу подкатил сзади маневровый паровозик.

На пароходе ударили в колокол: дин-ди-лень!

Паровозик отцепил от состава один вагон и покати́л его по путям к пароходу.

Динь-ди-лень!

Вагон вкатился на пароход. За ним следующий. Потом третий, четвёртый... Все вагоны очутились на пароходе.

— Как называется этот пароход? — спросил Вовка.

— Железнодорожный паром! — повторил Борис Павлович.

Пароход загудел, густо задымил, и переправа началась. Паром шёл, тесня грудью жёлтую амурскую волну, как заправский корабль.

Наконец и пристань. Приехали. Стоп! Динь-ди-лень!.. Вагоны один за другим покатались с парома на берег.

Там их уже ждал новый паровоз. Над его трубой призывно метался голубой дым.

ГОРЫ И МОРЕ

В купе постучали. На пороге стоял проводник.

— Извините,— сказал он,— освободилось мягкое купе. Вы желали туда перейти с дочкой?

— Ну, чего уж там! — сказал Борис Павлович.— Остались какие-то сутки. Да и привыкли мы здесь.

Проводник закрыл дверь. Вагон дёрнуло.

И снова за окном потянулись леса. Поезд шёл, редко делая остановки, всё глубже и глубже забираясь в горы, торопясь на восток.

Вовка заметил, что Борис Павлович часто выходит в коридор, стоит у открытого окна и невесело

смотрит на коричневые склоны сопок, мелькающие за стеклом.

Раз или два он даже вздохнул. Тогда Вовка набрался храбрости, подошёл к нему, прижался носом к оконной раме и спросил:

— Скажите, а вы правда капитан?

— Капитан,— ответил Борис Павлович.

— Какого ранга?

— Второго.

— А чем вы командуете?

— Торпедными катерами. Приедем в Новый Порт — буду начальником штаба бригады.

— А вы рады, что мы приедем?

Борис Павлович оглянулся, наклонился к самому Вовкиному уху и шепнул:

— Я боюсь.

— Как — боюсь? — Вовка до того растерялся, что стукнулся лбом о стекло.

— Понимаешь, боюсь. Я давно не плавал, давно не командовал кораблём. Пять лет служил на берегу. Преподавал астрономию. Как всё пойдёт, просто не знаю!.. — Он вздохнул и печально подмигнул Вовке: — Только это между нами!

Ошеломлённый Вовка кивнул и ушёл в купе.

В купе мама весело рассказывала что-то Фёдору. Фёдор довольно гудел в ответ. По коридору спокойно шёл, уверенно балансируя подносом, проводник.

Вовка выглянул. У вагонного окна, задумчивый и встревоженный, стоял человек в блестящей морской тужурке.

СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ

Прошла ночь. Утром всё чаще и чаще стали попадаться станции. Из-за поворота появилась речка и побежала рядом с поездом. Сначала она была маленькая, брызгала белой пеной и прыгала по камням. Затем раздалась, посинела, превратилась

в большую реку. Одну остановку поезд сделал на самом берегу. Стояли долго. Вовка смотрел на реку, на дощатое здание станции, одноэтажное, с остроконечной высокой крышей. По реке в узкой долблёной лодке плыли две старухи, обе в узорчатых сапогах, с трубками в зубах. Они подплыли к станции. Одна старуха купила билет и села в поезд. Вторая махнула ей рукой и уплыла.

— Это ёрочи! — сказал проводник. — Здесь их колхоз. Рыбу ловят.

И опять поезд шёл через горы, то уходя от реки, то возвращаясь к ней снова.

Наконец на горизонте вспыхнула белая стальная полоса, покалывая глаза, заиграла на солнце.

— Море! — сказал проводник.

И все вздохнули:

— Море!

В Совгавань приехали в полдень.

Не успели выйти из вагона, как напоззли облака, солнце спряталось, пошёл дождь, мелкий, как крупа, нудный-пренудный.

Фёдор связал ремнём чемоданы, закинул их за спину. Мокрыми, в лужах, улицами пошли от вокзала в порт.

Извилистый залив рассекал город на части. Город строился. Розовые и жёлтые, в дождевых подтёках тянулись вдоль дощатых свежесколоченных тротуаров дома. Кое-где они стояли просто так — без номеров, без улиц.

Спустились к маленькой бухте. Она была битком забита пароходами, баржами, катерами. По утрамбованной, пропитанной нефтью земле, прыгая через рельсы, прошли на причал.

Чемоданы сложили под навесом у склада. Фёдор и мама ушли за билетами. Борис Павлович остался стоять у чемоданов. Вовка и Лена отправились бродить по причалу.

РЫБА С ПАЛЬЧИКАМИ

Причал был мокрый. Он пах сырým деревом, нефтью, морем.

Вовка подошёл к краю причала, стал на колени, свесил голову. Внизу светилось красноватое дно. На мелком песке качались чахлые кустики водорослей. Около смятой консервной банки копошилась небольшая, коричневого цвета странная рыба.

Вовка заметил рядом с собой проволоку, поднял её, выпрямил и, опустив в воду, шевельнул банку.

Коричневая рыба, вместо того чтобы удрать, привсплыла, повисла вниз головой и уставилась на банку круглыми выпуклыми глазами.

Вовка заметил, что из головы у неё растут тоненькие, покрытые присосками пальчики.

«Чудеса! У рыбы, да ещё на голове,— пальцы!»

Он снова осторожно пошевелил банку.

Рыба подошла ближе.

Чем больше Вовка смотрел на неё, тем больше удивлялся. Она была похожа на пятнистую раздавленную тапку, на человеческую ладонь — на что угодно, только не на рыбу.

Странная рыба протянула к банке два пальца-щупальца. Казалось, она вот-вот вцепится в неё.

Не выпуская из рук проволоку, Вовка двинулся вдоль причала.

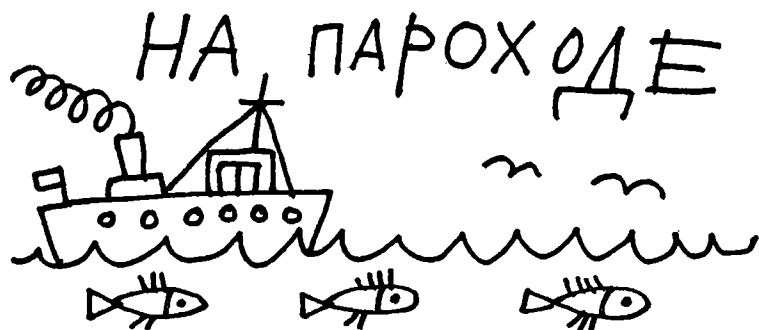
Он шёл, переставляя ноги на ощупь, таща на проволоке за собой банку, заманивая рыбу на мелкое место.

Шаг... Ещё шаг... Нога сорвалась, и Вовка ухнул с причала вниз. Диковинная рыба, оставляя за собой клубы чёрной жидкости, стрельнула в сторону.

— Владимир, куда ты? — испуганно крикнул Борис Павлович.

Леночка свесилась с причала, увидела, что Вовка стоит по пояс в воде, и сообщила:

— Папа, он здесь. Он никуда не ушёл.

ПОСАДКА

— Вова, что с твоими штанами? — ахнула мама. — Ты в них купался, что ли?

— Он чуть-чуть не поймал рыбу! — сказала Лена. — Такую, с пальчиками.

— Наверно, осьминога! — догадался Борис Павлович. — Только эта не рыба, а моллюск. Головоное.

— Очень приятно! — сказала мама. — Сними сейчас же штаны. Я выжму их.

— Не сниму.

— Сними.

— Не сниму.

— Простудишься!

Фёдор раскрыл свой чемодан и достал широченные синие брюки, раза в два больше Вовки.

— Вот, — сказал он. — У вас чемодан зашит, чехол пороть надо. Пускай он пока в моих.

Двинулись на посадку. Вовка шёл впереди всех, из брюк торчала одна его голова.

Необъятные штанины стреляли на ветру парусами.

Подошли к пароходу, огромному, как дом. Над чёрным высоченным бортом его торчали жёлтые мачты, поверх белой надстройки дымила широкая

труба с красной полосой, на борту золотыми буквами было написано: «Комсомольск».

Вовка поднялся по трапу на палубу. В лицо ударил солёный, с водяной пылью ветер.

В МОРЕ

Каюты, в которых разместили их, оказались в разных концах парохода.

Маме с Вовкой каюта попалась маленькая, с низким потолком и двумя круглыми окошками-иллюминаторами.

Уу-уу! — заревел пароход, забухал машиной и медленно, тяжело отвалил от причала.

В море его сразу же стало качать. За стеклом иллюминатора запрыгали чёрные волны. Крупные капли дождя лениво ползли по стеклу.

Стемнело.

К маме пришли Фёдор и Борис Павлович.

— Э-э, да ты укачался, — сказал Фёдор и потрогал Вовкин лоб.

Вовка лежал бледный и сосал уголок подушки.

— Дождь-то какой! — сказала мама. — Прямо ленинградский.

— Да, летом здесь всегда дожди! — объяснил Борис Павлович. — Я слышал такую историю. Пришёл однажды сюда пароход. Простоял в гавани два дня, и два дня лил дождь. Пароход ушёл и вернулся через год, снова на два дня. И снова дождь. Капитан корабля был шутник. На вопрос, как ему понравилась Совгавань, он теперь отвечает: «Чудесный край! Только дождь, который шёл там два года назад, до сих пор не прекратился!»

— Ничего, — сказал Фёдор. — Люди живут.

Мама внимательно посмотрела на него:

— Живут, потому что помогают друг другу.

Фёдор нахмурился.

— Вы опять? — сказал он.

— Что? — не расслышал Борис Павлович.

— Я говорю о племяннике Фёдора Сергеевича, — сказала мама. — О мальчике, который приютил в Иркутске Вову.

— А-а, помню: приютил, а сам оказался вором?

— Он положил его на свою постель, а сам спал на полу... Я убеждаю Фёдора Сергеевича выписать мальчика на Камчатку.

— Простите, — сказал Борис Павлович, — если вас интересует моё мнение, я выскажу его. Я тоже убеждён, что неисправимых людей нет. Справиться с мальчиком не сложно. Но мне кажется, что заниматься детьми, подобными ему, должны специальные учреждения — интернаты, колонии. Там есть специально подготовленные к такой работе люди, они воспитают его лучше, чем мы с вами.

— Ничего вы оба не понимаете! — с досадой сказала мама.

Она встала и подошла к двери. Дверь была приоткрыта. В коридоре гудели вентиляторы, в каюту вливался тёплый, с лёгким запахом масла и краски воздух.

Мама подставила воздуху разгорячённое лицо, откинула со лба растрёпанную прядь.

Борис Павлович подошёл к Вовке.

— Уснул! — сказал он. — Первый раз на корабле. Утром проснётся, посмотрит в иллюминатор — будто в другой мир попал.

Две постели — две койки — висели в каюте одна над другой. Когда Фёдор и Борис Павлович ушли, мама залезла на верхнюю и выключила свет.

Каюта погрузилась в темноту. Голубая фосфорная точка горела на выключателе. Мерно дрожали в такт пароходному винту стены. Койки слегка покачивались.

Пароход плыл к далёкой Камчатке.

ОРАНЖЕВЫЙ МИР

Когда на другой день Вовка проснулся, каюту качало меньше. Вовка слез с постели и подошёл к окну.

За круглым корабельным стеклом расстился невиданный мир.

По тёмно-оранжевому небу плыли светло-оранжевые облака, оранжевое небо мигало в лучах утреннего солнца, из моря вставал оранжевый берег. Среди оранжевых кустов виднелось несколько домиков, мимо них по дороге, в клубах оранжевой пыли, бежал грузовик.

Это был оранжевый мир.

Не в силах вымолвить ни слова, Вовка перебрался к другому окну.

Волшебный мир исчез. Небо стало голубым, море — синим, берег — зелёным и жёлтым.

Вовка протёр глаза, однако ничего не изменилось. Тогда он вернулся к первому окну — и мир снова стал оранжевым.

Тут Вовка присмотрелся к стеклу и понял: старое толстое стекло было мутно-жёлтым.

Вовка постучал по нему пальцем.

УЖАСНО ОПАСНЫЙ КАМЕНЬ

После завтрака все вышли на палубу. Ветер утих, море успокоилось.

Пароход, описывая широкую дугу, огибал приземистый зелёный мыс.

— Проходим остров Сахалин! — сказал Борис Павлович.

Полоса жёлтого песка, поросшего зелёным кустарником, надвинулась на «Комсомольск» и вновь отступила.

— А вон там — Япония! — Борис Павлович показал рукой вправо, где в мутном небе медленно двигалось солнце.

Море лежало тихое, такое же мутно-серое, как небо.

Сколько Вовка ни поднимался на цыпочки и как ни вытягивал шею, никакой Японии он не увидел.

Наконец справа показалась чёрная точка — одинокая скала, лежащая посреди пролива.

— Это Япония? — спросил Вовка.

— Нет, — сказал Борис Павлович, — это Камень Опасности. Об этот камень разбилось много кораблей. Он на морских картах прямо так и называется...

— Вы о чём? — вмешалась в разговор мама.

— Видишь камень? — понизив голос, доверительно сообщил ей Вовка. — На него все пароходы наталкиваются. Ужасно опасный камень!

Мама удивлённо подняла брови и смотрела на чёрный камень до тех пор, пока он не скрылся за горизонтом.

КИТ

В полдень Фёдор заметил на воде цепочку тёмных колец.

Кольца появлялись одно за другим, будто кто-то пустил по морю плоский прыгучий голыш.

— Вова, Лена, смотрите — сейчас появится кит! — сказал Борис Павлович.

Ребята вытянули шеи.

Кит появился совсем не там, куда смотрели они. Из воды неожиданно вырос чёрный плавник и медленно двинулся навстречу пароходу. Не доходя до «Комсомольска», кит вынырнул: его спина блестела на солнце как палированная.

— Это кашалот! — сказал Борис Павлович. — Видите, какая у него громадная голова — как сундук!

Кашалот лениво перевернулся, показал серое с белыми отметинами брюхо и бок.

— Глаз! — восторженно выдохнул Вовка. — Я видел глаз!

— Страшно,— сказала Лена.— Вдруг он разбежится да как ударит!

Но у кашалота были свои планы. Он шумно вздохнул, сгорбился и, высоко взметнув раздвоенный крылатый хвост, нырнул.

— Ушёл! — сказал, подождав, Вовка.— Какой спокойный!

— Просто умный,— сказал Борис Павлович.— Видит, что пароход пассажирский, китобойной пушки на носу нет, он и не боится.

— Вдруг он нас сбросит в воду? — шепнула Лена.— Вов, ты плавать умеешь?

— Нет.

— И я... Тебе хорошо,— она вздохнула,— ты рыжий, тебя сразу заметят!

— Знаете, почему кит нырнул? — спросила, подходя, мама.— Он испугался ваших широко раскрытых ртов!

Вечером, ложась спать, Вовка спросил:

— Мама, а дядя Фёдор на Камчатке далеко от нас будет жить?

— Зачем это тебе? — Мама подозрительно посмотрела на Вовку.— Он сам по себе, мы — сами. Вообще ты чересчур много проводишь с ним времени. Играй больше с Леной, читай, думай.

ВОВКА ДУМАЕТ

Вовка уснул не скоро.

Он лежал на койке и смотрел широко открытыми глазами в потолок.

Полмесяца в дороге. Города, реки, горы. Над землёй летят самолёты. Автобусы тащат по дорогам жёлтые хвосты пыли. По морям плывут пароходы. Двухтрубные паромы несут на спинах через реки зелёные вагоны... Ходят по земле строители, лётчики, милиционеры. Добрые люди — Фёдор, Борис Павлович, мама. И тут же рядом с ними — Кожаный,

тётя Маня. Бродит по улицам безнадзорный Степан, и едет по своим, никого не касающимся делам толстоносый в разрезанном донизу валенке.

В мире есть всё. Нет только человека, которому Вовка мог бы сказать короткое ласковое слово «папа»...

Вовка прислушался. Мама дышала ровно. Он слез с койки, оделся и выскользнул из каюты.

На палубе никого не было.

Вовка скрючился на скамейке, обхватив руками голые ноги. Дрожала палуба. Из-за борта долетал шелест бегущих волн. Ровно и глухо стучала машина.

ЗЕЛЁНЫЕ ОСТРОВА

Утром пароход подошёл к острову. Остров был зелёный и длинный. Над ним висело тонкое серое облако. Из облака торчали верхушки гор.

«Комсомольск» остановился. Отстучала якорная цепь. Все вышли на палубу. Борис Павлович принёс из каюты бинокль.

— Остров Итуруп! — сказал он. — Первый из Курильских островов на нашем пути. Этих островов сотни. Видите на берегу дымок? Это горячий источник. Острова вулканические.

«Пассажирам приготовиться к высадке!» — густым голосом сказал репродуктор на мачте.

— Итурупчанам сходить, — объяснила мама.

Внизу у борта парохода уже тарахтел мотором катер. Он подходил, толкая перед собой плоскую, тупоносую баржу.

За борт спустили трап с шаткими верёвочными перилами. У трапа столпились люди с чемоданами и рюкзаками.

«Как же они будут высаживаться?» — подумал Вовка.

Баржу качало. Она то поднималась к самому трапу, то стремительно уходила вниз.

Пассажиры по одному начали спускаться. Они доходили до нижней площадки трапа. Каждый швырял на баржу чемодан и, выждав, когда баржа поднимется повыше, прыгал сам. Чемоданы и людей ловили двое матросов.

Маме это не понравилось.

— Неужели и нам придётся в Новом Порту так? — сказала она.

— Что вы! Там город, — возразил Борис Павлович. — Раз город, значит, причал. Следующий остров будет Кунашир. Мы спустимся немного на юг, а потом пойдём без остановок на север, к Камчатке. Ночью, если не будете спать, увидите сайровый лов.

Но Вовка про лов уже не слушал.

ОГНИ В МОРЕ

Вечером подошли к Кунаширу. Огромная гора надвинулась на «Комсомольск». Над ней в чёрном небе горели белые стеклянные звёзды.

Вовка высунул голову в иллюминатор. Гора была такая большая, что, казалось, пароход обязательно налетит на неё.

Но «Комсомольск» повернул. И тогда впереди показались огни.

Когда подошли поближе, стало видно: это качаются на волнах маленькие рыбацьи суда. С борта у каждого были опущены светильники. Голубое электрическое пламя било из них в воду.

Время от времени рыбаки включали в светильниках красный свет, и тогда на воде начинали танцевать огненные языки.

Голубое... красное... голубое...

— Вот он какой, сайровый лов! — сказала мама. — Борис Павлович говорит: голубым светом сайру приманивают к борту, красным — загоняют в сеть. Смотри — всё море в огнях!

Я ПОГОВОРЮ С НЕЙ

День за днём плыл «Комсомольск» мимо зелёных, окутанных туманом и облаками островов.

Как-то Вовка и Фёдор сидели около спасательной шлюпки и разглядывали взятую у Лены книгу. В книге были нарисованы птицы.

— Это кто? — спрашивал Вовка, закрыв ладонью подпись под рисунком.

— Ишь какой у неё клюв! — уклонялся от ответа Фёдор.

— Пеликан, — отвечал Вовка. — А это?

— Плохо я птиц знаю, — сказал наконец Фёдор. — И деревья плохо. Вот зверей ещё туда-сюда, разбираю, рыб много видел...

— А правда, что кит — это зверь? — спросил Вовка. — И тюлень?.. Дядя Фёдор, вы близко от нас на Камчатке жить будете?

Фёдор пожал плечами:

— Как получится. — Он положил Вовке руку на плечо. — Не все живут, где хотят.

— Нам бы поближе! — сказал Вовка. — Я бы каждый день к вам приходил.

— Знаю, — сказал Фёдор. — Мы бы с тобой славно жили... Мать у тебя хорошая. Тоня... Она как, обо мне часто спрашивает?

— Часто, — сказал Вовка. — А что?

— Да нет, я просто так... Хочу с ней поговорить. Вот если разговор получится, будем жить близко.

— Получится!

Вовка полистал книжку и нашёл в ней яркую зелёную птицу. Птица сидела на ветке, опустив вниз изогнутый крючком хвост.

— «Квезал, или кетсаль, — прочёл Фёдор. — Живёт в Центральной Америке. По индейскому поверью, тот, кто увидит кетсаля, будет счастлив в жизни!» Понял?

Фёдор пришёл вечером, когда Вовка и Лена кормили ежа остатками супа.

Лампу со стола они поставили на пол. От этого всё в каюте всплыло: тени людей падали на потолок, колючая тень зверька копошилась на стене.

Фёдор постоял, помялся, пошептался о чём-то с мамой.

— Дети, сходите на палубу, почистите клетку,— попросила мать.— Только не утопите ежа!

Вовка понимающе посмотрел на Фёдора, вытащил из угла клетку с Мурзиком и поволок её наверх на палубу.

— Здесь дует! — сразу же захныкала Лена.

— Ничего.

Вовка осторожно выдрал из клетки грязную, липкую бумагу.

— А я знаю, зачем дядя Фёдор к вам ходит,— сказала Лена.— Он хочет быть твоим папой!

Вовка покраснел.

— А тебе какое дело? — сказал он.— Держи лучше ежа. Да не пищи, он сам тебя боится. Трясётся, как лихорадка на проводах! Ну и уходи! Разнюнилась.

Вовка продрог, но остался наверху. В каюту он не шёл.

Наконец железная дверь на палубу скрипнула, открылась, и появился Фёдор. Он медленно подошёл к Вовке и обнял его за плечи.

— Замёрз ты,— сказал Фёдор.— Иди вниз.

Вовка запрокинул лицо и посмотрел Фёдору в глаза.

Фёдор покачал головой.

— Не получилось, понимаешь? Не придётся нам жить вместе,— невесело сказал он.— Ну иди: тебя Тоня ищет.

Вовка поднял клетку и, больно ударяясь о неё коленками, побрёл вниз.

НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

— Что с тобой? На тебе лица нет! Замёрз? И как я могла тебя наверх в одной рубашке пустить! — волновалась мама.

Она сняла с Вовки чулки, растёрла ему ноги. Крылатая тень её металась по потолку.

Лампа всё ещё стояла внизу.

Отворачивая побледневшее лицо, Вовка разделся и юркнул в постель.

«Не получилось. Не получилось», — звучали в его ушах слова Фёдора.

Если бы в эту минуту мама подошла, села рядом, обняла и стала допытываться, в чём дело, Вовка сказал бы ей так много. Но мама, сама взволнованная, забралась наверх, сказала скороговоркой:

— Ведь надо же так: раздетый — на палубу!..

Погасила свет и повернулась на бок.

Оба лежали тихо, не шевелясь, до тех пор, пока не замолчала машина, не раздался грохот брошенного якоря и в коридоре кто-то громко и отчётливо не произнёс:

— Людей на остров!

ЗАДУМЧИВАЯ ПТИЦА

За дверью слышался шум. Кто-то, грохоча сапогами, пробежал по коридору.

— Отправьте партию людей на остров, — повторил неизвестный голос.

— Что там ещё такое? — недовольно сказала мама. — Вова, ты спишь?

— Да.

Вовка повернулся на бок и уснул. Он не слышал топота людей в коридоре и голоса капитана: «Команда шлюпки — на берег!», не видел, как в каюту, постучав, заглянул Борис Павлович и что-то сказал маме.

Вовка спал и видел во сне зелёную птицу. Она сидела на ветке, склонив голову набок, и задумчиво смотрела на Вовку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МОРЕТРЯСЕНИЕ

В ШЛЮПКЕ

Фёдор и Борис Павлович стояли на палубе.

Вокруг них было много людей. Жёлтые лампы, подвешенные к мачтам, качались из стороны в сторону. С мостика в море светил белым лучом сигнальный прожектор. В той стороне, куда он светил, — на берегу — тревожно мигали огоньки.

— Спустить шлюпку! — приказал капитан.

Шлюпка висела над палубой. Матросы бросились к ней.

— Пошла правая! — скомандовал боцман. — Левая!

Балки, между которыми была привязана шлюпка, наклонились.

— Майна!

Шлюпка поползла вниз.

— Есть ещё одно место, — крикнул капитан. — Будет доброволец из пассажиров?

Фёдор бросился к нему.

— Давай!

Матросы по верёвочной лестнице скатились в шлюпку.

Затарактел мотор. Шлюпка, круто накренься, отошла от «Комсомольска».

Сидя на носу, Фёдор смотрел, как приближается, выплывая из ночной темноты, берег. Тускло светили цепочки огоньков, едва заметно различались причалы и крыши.

— Зачем мы идём? — спросил Фёдор рулевого.

— Землетрясение было в океане. Большую волну ожидают. Помочь надо на берегу.

ЧЕЛОВЕК НА КРЫШЕ

Кучки людей с чемоданами и узлами тянулись в темноте из посёлка на сопку. Фырча, уходили вверх по дороге автомобили. Матросы с «Комсомольска» обежали дома, помогли увести стариков. Из почтового отделения унесли тяжёлый ящик с документами.

Рассвело. На склоне сопки стояли теперь толпой все жители рыбацкого посёлка.

Люди ждали молча, напряжённо, все лица были обращены вниз к океану.

Океан лежал тяжёлый, неподвижный. Чернел опустевший порт, отделённый от воды каменной чертой волнолома. За ним вдоль берега тянулись склады. Там, где, огибая портовые здания, бежала в океан речушка, лепились кучкой один к другому бараки.

— Нехорошо стоят! — сказал пожилой рыбак и показал рукой на них.

Фёдор пожал плечами.

В толпе зашумели:

— Волна! Волна идёт!

По океану двигалась тёмная полоса. Она приближалась, выгибалась дугой.

Послышался глухой рокот. Волна вышла на отмель, горой поднялась над волноломом и с рёвом обрушилась.

Чёрные потоки, обгоняя друг друга, устремились

к причалам. Они с грохотом разбивались о брёвна, кружили между складами, шипя, замирали на камнях.

Но там, где в океан впадала река, берег был низкий. Чёрно-зелёный поток только лизнул стену порта, и, обогнув её, понёсся к старым баракам.

Кривые, короткие улочки между ними быстро наполнились водой.

В толпе зашумели: из одного барака выскочил человек. Он сперва бежал по колено в воде, потом уцепился за угол дома и по водосточной трубе полез на крышу.

— Глухой! Глухого забыли! — закричал кто-то из людей.

Улицы посёлка превратились в реки; по ним плыли выбитые двери, сломанные заборы, стволы деревьев. Ныряя, кружили два телеграфных столба, соединённые проволокой.

Вода поднялась до крыш и остановилась.

Двое матросов с «Комсомольска» сбежали по склону горы к воде и крикнули человеку, сидевшему на крыше, чтобы он плыл к ним.

Человек не шевельнулся.

— Он и верно глухой? — спросил Фёдор.

Пожилой рыбак кивнул.

Вода двинулась назад. Она отступала, с каждой минутой увеличивая скорость. Мутные потоки мчались, обгоняя друг друга. Мимо бараков стремительно пронеслись обломки заборов, проплыл, покачивая ногами, разбитый стол, вращаясь, как юла, промелькнула табуретка.

Подточенные водой, ветхие дома один за другим рушились.

Барак, на котором спасался человек, дрожал всё сильнее и сильнее. Человек лихорадочно заметался, стал на колени, зачем-то начал выламывать из крыши доску. Но было уже поздно: от дома отделилась одна стена, вторая, крыша рухнула, и человек полетел в воду.

Люди, стоявшие на сопке, кинулись вниз.

Фёдор бежал вместе с ними. Но он бежал не туда, где стояли матросы и где упал в воду глухой, а к устью речки — вниз по течению. На бегу он увидел, как показалась из воды голова человека, его руки, как человек барахтается, пытаясь сбросить пальто.

Опередив его, Фёдор вошёл по пояс в воду и стал ждать, когда течение поднесёт человека. Тогда он обхватил ослабевшее, тяжёлое, в мокрой одежде тело и стал удерживать его, скользя и оступаясь.

Подоспевшие рыбаки вытащили обоих на берег. Глухого растёрли полотенцем. Он лежал, запрокинув ещё молодое, безусое лицо к серому, облачному небу, и виновато улыбался.

Подбежали матросы.

— Видал, каков пассажир? — сказал рулевой. — Человека спас!

Фёдор тяжело дышал.

— Мокрый ты, пошли в шлюпку, я тебе сухое дам, наденешь.

Когда шлюпка вернулась к пароходу и её подняли на борт, первым к Фёдору подбежал Вовка.

— Дядя Фёдор, а почему вы в матросском? — спросил он.

— Промок.

— Там что, наводнение было?

— Ага.

— А нас только качнуло! Вот видишь, я тебе говорил, что там опасно! — сказал Вовка маме, которая подошла к ним. — Ты видела?

— Я всё видела, — сказала мама.

НОВЫЙ ПОРТ

«Комсомольск» подходил к Камчатке.

Сначала в воздухе показались снежные вершины сопки. Они висели белыми пауками над горизонтом.

Затем показался берег — низкий, далеко уходящий в море мыс.

— Мыс Лопатка, южная оконечность Камчатки! — сказал Борис Павлович.

На мысу стояло несколько домиков. Слева от них синело Охотское море, справа рябил на солнце Тихий океан.

Мыс ушёл за корму, камчатские сопки сдвинулись к самой воде и поплыли вереницей мимо «Комсомольска».

— Только чтобы не было тумана,— сказал Борис Павлович.— В туман подходить к берегу опасно, капитан может стать на якорь.. Простоем тогда тут...

Но туман появился. Он сполз с сопки и ватным облаком накрыл пароход. Он катился полосами, закрывал судно, цеплялся за мачты. Солнце то вспыхивало над головой, то становилось тусклым малиновым пятном.

— По времени пора,— сказал Фёдор.— Капитан обещал в двенадцать прийти... Далеко всё-таки — Камчатка! Зря я вас, Тоня, послушал, надо было до первого отпуска подождать и самому съездить...

— Ничего не зря,— сказала мама.— Чем скорее, тем лучше.

— Это вы о чём? — удивился Вовка.

— Секрет.

В этот момент облачная завеса поднялась, и перед носом парохода открылся берег. В распадке между двумя сопками лежала бухта. На склонах её блестели жёлтыми пятнышками дома, чернели заводские цехи.

У причалов дымило несколько кораблей.

— Смотрите,— сказал Борис Павлович,— вот он, Новый Порт!

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

МОРСКОЙ ВОКЗАЛ

«Комсомольск» подошёл к причалу. По шатким наклонным сходням пассажиры потянулись на берег.

Вовка шёл позади Фёдора, держась за угол чемодана.

Над пароходом поднималась гора. На боках её белыми нитями лежал снег. Над зазубренной вершиной курился дымок.

Внизу шумел порт.

Рядами стояли голубые, сделанные из волнистого железа склады.

Желтели груды в беспорядке наваленных досок. Чернели пирамиды угля.

Сновали автомашины, и качали журавлиными шеями краны.

Когда спустились на причал и поставили чемоданы, Вовка показал Фёдору на верхушку горы и спросил:

— А почему там дым?

Фёдор, прищурясь, посмотрел вверх.

— Погасить забыли,— добродушно сказал он.— Вулкан это. Как же вулкану без дыма? Никак.

Подошли мама, Борис Павлович, Лена.

— Где-то тут должен быть морской вокзал,— сказал Борис Павлович.— Надо его найти.

Дым над вершиной горы не давал Вовке покоя.

— Видала? — шепнул он Лене и ткнул пальцем вверх.— Вулкан.

Лена пожала плечами.

— Пошёл искать морской вокзал! — сказал Борис Павлович.

Вовка вспомнил здание аэровокзала в Ленинграде — самолёты на потолке, сложенные из разноцветных камешков, и буфет со стойками.

— Хочу в вокзал,— сказал он.

Борис Павлович улыбнулся и ушёл.

Вернулся он мрачный и злой.

— М-да! — сказал он.— Ничего себе вокзал. Но делать нечего, идёмте.

Вокзал, к которому он привёл всех, оказался простым сараем. Над его крышей развевался непонятного цвета флаг, у двери висела криво прибитая доска с надписью:

Н О В Ы Й П О Р Т

— Всё построили, и построили хорошо, а вокзал почему-то забыли! — сказал Борис Павлович.— Придётся провести несколько часов тут. Я сейчас пойду в город, найду свой штаб.

— А я схожу поищу контору строительства,— сказал Фёдор.

Они ушли.

Вовка и Лена сидели на жёсткой деревянной скамье и смотрели в запорошённое пылью окно. За окном дробно стучали краны и гудели простуженными голосами автомобили.

— Мама, что такое вулкан? — спросил Вовка.

— Вулкан — это огнедышащая гора,— ответила мама.— Внутри нашей Земли очень высокая температура. Там кипит лава — расплавленные камни и металлы. Лава через вулканы прорывается наружу. Поэтому над вулканом дым.

Немного погодя Вовка спросил:

- А мне выйти можно?
- Ты уже один раз ушёл от меня, в Иркутске.
- Я постою у двери.
- Хорошо.
- А я останусь,— сказала Лена.

У двери Вовка стоял недолго. Заметив, что мама открывает чемодан, он отошёл в сторонку и юркнул за угол.

Отсюда было видно море.

Вовка перелез через брошенные на землю стальные канаты, прошёл вдоль стены склада, завернул ещё раз за угол и обомлел...

Склад выходил к самой воде. Прислонившись спиной к стене, около груды ящиков стоял водолаз. Он стоял неподвижно. У него была большая медная голова и круглые глаза-иллюминаторы. Широко расставленные руки едва заметно покачивались.

Вовка сел на ящик и стал ждать, когда водолаз пойдёт в воду. Над его головой, гудя и постукивая, чертила дуги стрела портового крана. Кран переносил ярко раскрашенные ящики, на которых чернели незнакомые колючие буквы. Ящики покачивались в воздухе, как вертолёт.

Водолаз не шевелился.

Вовка привстал и заглянул в иллюминатор. Никакого человека внутри не было: это был просто костюм, он висел на крюках.

— Пустой! — пробормотал Вовка и поскрёб пальцем медную броню.

— Трогать нельзя! — сказал неожиданно появившийся из-за ящиков человек в синем кителе.

Вовка кивнул и тотчас же услышал вдалеке испуганный мамин голос:

— Вови-и-ик!

Оглядываясь на водолаза, Вовка потрусил назад.

Стемнело. Борис Павлович и Фёдор не возвращались.

Когда за окном вспыхнул тусклый свет фонарей, мама вздохнула, приставила к скамейке чемоданы, достала из картонки платок, ещё какие-то вещи, постелила их.

— Будем ложиться,— сказала она.

Вовка и Лена легли.

Скамейка была твёрдой. В пустом помещении под дощатым потолком металась глухая звуки. Скрипели половицы.

В сарай то и дело заходили люди.

У Вовки заболела шея. Заныло в коленке. Он дёрнул ногой.

— Что ты толкаешься? — захныкала Лена.

— Ничего!

Вернулся Фёдор.

— Вы знаете, не нашёл! — вполголоса пожаловался он маме. — Город — это только название. Улицы не везде есть. Говорят, строительство наше тут, и контора. А где — никто не знает.

— Завтра найдём,— так же вполголоса ответила мама.

Она наклонилась к Вовке и сунула ему палец в рукав пальто.

— Холодный ты какой! — сказала она и, достав из чемодана ещё пальто, укрыла ребят.

— Вам самой холодно,— сказал Фёдор. — Берите мою куртку...

Ночь тянулась холодная и неудобная.

Вовка то засыпал, то просыпался вновь. Ему казалось, что он лежит на камнях. Под потолком плавали лиловые и оранжевые полосы. Где-то за стеной громко стучали часы.

Неожиданно их стук прекратился. Вовка открыл глаза.

В дверях вспыхнули жёлтые автомобильные огни.

Послышалось урчание мотора. Голос Бориса Павловича произнёс:

— Тут. Входите, берите чемоданы.

В сарай вошли люди в матросской форме, Борис Павлович достал из общей кучи свои чемоданы, передал их матросам. Потом поднял и стал одевать Лену.

Мама и Фёдор молча наблюдали за ним.

— Кажется, всё? — спросил Борис Павлович.

Мама пожала плечами.

— А вы что сидите? — спохватился Борис Павлович. — Может быть, поедете с нами?

— Мы уж как-нибудь, — сказал Фёдор.

Мама кивнула.

— Какие глупости! — подумав, сказал Борис Павлович. — Только со мной. Берите вещи!

Озябшего, одревеневшего Вовку вывели из сарая.

У дверей стояла большая грузовая машина. Вовку и Лену посадили в кабину.

Загудел мотор. Затряслось и подпрыгнуло сиденье.

Машина шла по каким-то тёмным улицам, то и дело поворачивая, проваливаясь, с рёвом вылезая из невидимых рытвин.

Наконец она остановилась.

Все вышли.

На краю дороги стоял маленький домик. Борис Павлович поднялся на крыльцо и ключом отпер дверь.

— Входите! Сюда... Теперь сюда...

Вошли в тёмную комнату. Вспыхнул свет. В комнате стояла узкая железная кровать, в углу чернела круглая печка. Матрос присел перед ней на корточки и, распахнув дверцу, чиркнул спичкой. Весёлый огонь заметался по куче мелко нарубленных дров.

Внесли вещи и сразу же стали укладывать ребят.

Вовка лежал на кровати, смотрел, как за неплотно прикрытой дверцей пляшут красные огненные

человечки, и думал о раскалённой внутри Земле и о вулкане.

— Мама,— пробормотал он, засыпая,— а что, если туда налить воды?

— Куда? — удивлённо спросила мама. Они с Фёдором дремали, сидя на табуретках в разных углах комнаты.

Вовке приснилась гора. Она была большая, зелёная. У неё был носик, как у чайника. Из носика шёл пар.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Четыре дня подряд лил дождь.

Плоские коричневые тучи обложили небо над городом. Немощёная глинистая улица, на которой стоял дом, вздулась и потекла рекой. Возле фонарных столбов заблестели маленькие озера.

Каждое утро взрослые уходили на работу.

Первым уходил Борис Павлович. Он целовал Лену в лоб, говорил: «Так вы тут без нас не очень», поднимал капюшон чёрного плаща и удалялся.

Потом уходили мама и Фёдор. Фёдор надевал грубую брезентовую куртку, громыхая сапогами, шёл на крыльцо и там терпеливо ждал.

Мама одевалась долго. Вся её одежда скрипела. Скрипел блестящий прозрачный плащ, повизгивали резиновые сапожки, трещал при каждом повороте головы пластиковый с цветочками платок.

— В обеденный перерыв прибегу! — говорила мама и тоже исчезала.

Припав носами к окну, ребята смотрели им вслед. По улице вереницей плыли машины. Они плыли, как корабли, тесня перед собой горы жёлтой воды. По мосткам, пригибаясь, торопливо трусили прохожие.

Дождь прекратился только на пятый день.

Проснувшись, Вовка увидел за стеклом ослепительно синее небо, голую, омытую дождём вершину горы, порт — блестящие крыши и причалы.

Когда взрослые ушли, ребята вышли на крыльцо. Над лужами и канавами клубился розовый пар.

К обеду вокруг дома появились островки сухой земли.

Вовка и Лена вынесли на крыльцо Мурзика. Ёж зафыркал, поднял узенькое рыльце, понюхал воздух и неожиданно, сбежав с крыльца, юркнул под дом.

— Ой! — сказала Лена. — Что же делать?

— Ждать.

Ёжа не было целый час. Появился он на свет весь в опилках, паутине, отфыркиваясь, влез на крыльцо, вкатился в коридор, нашёл блюдце с водой и жадно стал пить. Напившись, деловито протопал обратно и снова скрылся под домом.

— Вот он и устроился, — сказала мама, когда Вовка рассказал ей о происшествии. — Не надо ему мешать, пусть так и живёт.

ВЕЧЕР

Вечером пришёл Фёдор и стал прощаться.

— Дали место в общежитии, — объяснил он. — Заходите в гости.

— Зачем же? — сказала мама. — Лучше вы к нам.

— Каждый день заходите, — сказал Вовка.

Фёдор кивнул.

— А как... с тем делом? — спросила мама.

— Чуть не забыл! Сегодня ведь пришёл ответ. Всё устроилось. Будет так, как вы решили.

— Когда ждать?

— Дня через два... Ребятам-то скоро в школу!

— Да. Вместе пойдут, в один класс. Зимой, говорят, здесь много снега: в прошлом году так завалило, что от дома к дому прорывали траншеи. Люди идут на работу, и никого не видно.

— Это и в Иркутске бывало, — сказал Фёдор. — Ну, пока!..

Вернулся с работы Борис Павлович, вытер о коврик ноги, сел на табурет и весело сказал:

— Антонина Михайловна, поздравьте! От жены телеграмма: провалилась на экзамене. Выезжает. Ну, как?

— Провалилась? Великолепно! — сказала мама и засмеялась.

Борис Павлович предложил:

— Идёмте все, посидим на крылечке? Вечер-то какой хороший!

Вышли.

Стемнело. Внизу над недостроенным зданием у ворот порта вспыхнули лампы. Чёрные фигурки рабочих деловито копошились между стропил.

— Я очень благодарен за то, что вы смотрели эти дни за Леной, — сказал Борис Павлович. — Ведь вам было так трудно, вы тоже работаете... Скоро приедет жена. Не знаю, понравится ли ей здесь.

В тёмном небе проступили голубоватые звёзды.

— Пять лет подряд я читал в военной академии лекции о звёздах, — сказал Борис Павлович. — Смотрите, дети, на них. Каждая светит своим светом, у каждой есть имя. У некоторых, говорят, есть планеты, на планетах, может быть, люди. Ночью по звёздам корабли определяют своё место в море. Чтобы хорошо знать небо, штурман учится два года.

Вовка сидел запрокинув голову. Среди голубых колючих огоньков он заметил звезду, свет которой был красноват и спокоен. Сбоку от звезды мерцал ещё огонёк. Вовка прищурился до боли в глазах. Огонёк помутнел и раздался в ширину. По его розовой поверхности забегали чёрные пятнышки.

— А я вижу людей! — сказал Вовка.

— Где? — не понял Борис Павлович.

Вовка ткнул пальцем в сторону красноватой звезды.

— Хм! — удивился Борис Павлович. — И что же они там делают?

— Копошатся.

Мама засмеялась.

— А помните,— сказал Вовка,— вы обещали рассказать про морскую корову?

— Про какую корову?.. Ах да, действительно обещал. Ну, извольте!

МОРСКИЕ КОРОВЫ

Это случилось двести лет тому назад.

От берегов Камчатки отошли и взяли курс на восток два корабля. Командовали ими Беринг и Чириков.

Долго плыли корабли, пока не показалась лесистая, изрезанная узкими заливами земля. Это была Америка. Моряки с удивлением рассматривали покрытые ледниками горы. Сошли на берег и снова удивились: здесь было много зверей и совсем мало людей.

Корабли плыли порознь. Была осень, туманная, с частыми бурями. Не доходя до Камчатки, корабль Беринга попал в шторм и был выброшен на камни безымянного острова.

Люди еле спаслись.

Построили землянки.

День за днём, не переставая, шли холодные дожди. Потом посыпал снег. Над голыми скалами завыл студёный ветер.

Голодные, теряющие силы моряки строили из обломков своего судна новый корабль.

Их капитан заболел. Всю ночь у дверей землянки, где лежал Беринг, хрипло лаяли полярные лисы — песцы. Если, уходя на строительство, товарищи капитана забывали прикрыть дверь, песцы по одному проскальзывали в землянку и, не найдя ничего, начинали глотать у больного подошвы сапог.

Под хриплый и жалобный вой песцов Беринг умер.

Его спутников тоже ждала голодная смерть. Но

однажды в воде, на покрытых бурыми водорослями отмелях, люди заметили каких-то животных. Огромные, величиной со слона, они медленно ползли по дну, время от времени поднимая под водой головы. Их тела напоминали тела китов и имели хвосты, но морды были странно похожи на морды коров. Непрерывно жуя, они паслись в воде, не обращая на людей внимания.

Попробовали устроить охоту. Одному из зверей набросили на хвост петлю, и вытащили животное на берег. Сочное, свежее мясо было таким вкусным, что животных тут же прозвали морскими коровами.

Перезимовав, спутники Беринга достроили судно и вернулись на нём домой...

Когда Борис Павлович кончил рассказ, Вовка спросил:

— Значит, морские коровы есть?

— Нет,— сказала мама.— Они вымерли.

Борис Павлович покачал головой:

— Произошло гораздо худшее: их уничтожили, истребили. Рыбаки, китобои, охотники за морским зверем — всякий, кто приближался к острову, убивал несколько коров и пополнял запасы свежего мяса. Прошло всего тридцать два года после смерти Беринга, и на острове была убита последняя морская корова. Это невосполнимая потеря: их можно было приручить. Это были бы первые морские животные, одомашненные человеком.

Он помолчал.

— Когда-то, в юности, я хотел стать историком. Я хотел написать книгу о великих морских открытиях. В ней обязательно нашлось бы место рассказу о Беринге и удивительных коровах в океане. Я написал бы и о том, что вот уже десятки лет учёные ищут их на других безлюдных островах. Вы представляете, какое это будет замечательное открытие? Где-нибудь в глуши, в маленькой бухте, удастся столкнуться лицом к лицу с животным, которое считалось давно погибшим.

— Вова, ты спишь?

Вовка сидел с широко открытыми глазами. Он не видел ни мамы, ни Бориса Павловича, ни тёмной, едва освещённой улицы. Он видел перед собой низкий каменистый берег и бурое, покрытое водорослями морское дно. Огромные животные, похожие на китов, ползали в воде. Они поднимали из воды головы, и тогда с их толстых губ, как ленты, свешивались непрожёванные бурые водоросли. На горизонте появился корабль. От него отвалила шлюпка и направилась к берегу. Дюжие матросы размеренно махали вёслами. На носу шлюпки стоял учёный с подзорной трубой. Он терпеливо всматривался в даль...

— Пора спать,— сказала мама,— уже поздно. Неизвестно, как сложится завтрашний день.

КРАН И КАТЕРА

— Вова, вставай!

— М-м-м...

— Приезжает Степан!

— Что?

Вовка вскочил. Мама стояла у кровати уже одетая. В пальто.

— Я говорю: приезжает Степан. Только что объявили по радио — приходит пароход. Я на работу, там отпрошусь. А ты беги в порт. Найдёшь Фёдора, скажи — пусть тоже встречает.

Вовка часто заморгал глазами.

«Как это — приезжает Степан?»

— Посмотри в окно. Видишь, над складами в порту большая стрела. Это плавучий кран. На нём работает Фёдор. Скажи ему — через два часа приходит пароход. Ну, беги!

Вовка наконец понял. Он быстро оделся, схватил со стола кусок хлеба, выскочил на улицу и помчался вниз, к порту.

Над горбатыми крышами складов поднималась сломанная углом решётчатая стрела крана. Вовка миновал ворота и, не спуская со стрелы глаз, начал пробираться между угольных куч к воде.

Наконец он вышел на причал. Это было то самое место, где он когда-то принял водолазный костюм за человека. Отсюда был виден весь плавучий кран. Он был похож на маленький железный остров. Около крана на воде стояло несколько катеров.

Вовка направился туда.

Он дошёл до конца причала, спустился к воде и, увязая по щиколотку в чёрной зыбучей гальке, добрался до катеров.

Здесь на берегу лежали деревянные клетки, суетились матросы и расхаживал, сбив на затылок фуражку, Борис Павлович.

— Ты это откуда? — удивился он. — Здесь опасно. Сейчас будем поднимать катер.

Вовка рассказал, зачем пришёл.

— А-а... Вряд ли Фёдора отпустят. Ну, разве что на часок...

Он подошёл к самой воде и что-то крикнул старику в морском кителе, который распоряжался на кране. Тот подумал и нехотя кивнул.

— Всё-таки отпустил! — сказал, возвращаясь, Борис Павлович.

Тем временем кран отошёл от берега, повернул башню со стрелой и стал медленно опускать крюк над одним из катеров. На крюке висели, покачиваясь, две стальные петли. Матросы поймали их, подвели под днище катера.

Старик на кране скомандовал:

— Вира!

На кране загудели моторы, стальной трос начал натягиваться. Крюк пополз вверх. Трос натягивался до тех пор, пока катер не вздрогнул и тяжело, с глухим всплеском, не оторвался от воды.

Теперь он, подрагивая, висел в воздухе, и с его днища лил весёлый капельный дождь.

— Борис Павлович, зачем вы их поднимаете? — спросил Вовка.

— На просушку. Катер должен быть всегда лёгким и быстрым.

Плавающий кран стал приближаться к берегу. Вместе с ним плыло по воздуху, надвигалось на Вовку, как самолёт, красное днище катера.

Вовка попятился.

— Майна! — скомандовал старик.

Борис Павлович присел у одной из клеток и, запрокинув голову, стал смотреть, как опускается катер. Наконец он коснулся брёвен. Клеть затрещала, трос, на котором висел катер, обвис.

— Есть! — сказал Борис Павлович, и матросы, которые стояли рядом, закричали на катер:

— Есть!

С крана, из стеклянной будки машиниста, кто-то махал Вовке рукой.

— Дядя Фёдор! — крикнул Вовка. — Скорее! Пароход идёт!

Из будки вылез человек в матросской куртке, сел в маленькую лодочку-ялик и погрёб к берегу.

Это был Фёдор.

ЗДРАВСТВУЙ, СТЕПАН!

На причале было немного народу. Люди рассыпались кучками, и от этого громадный причал казался совсем пустынным.

— И верно, идёт! — сказал Фёдор.

У поворотного мыса, теряясь на фоне коричневой сопки, дрожала чёрная точка. Над ней голубел еле видимый дымок.

Время шло. Точка росла и превратилась в большой чёрно-белый пароход. Он обогнул входной мол и вошёл в гавань.

По причалу, у чугунных тумб, вбитых в землю, забегали матросы.

Пароход приближался. Вот уже его борт навис над берегом.

— Подать носовой!.. Подать кормовой!..— раздалось на пароходе.

Две верёвки, извиваясь как змеи, взлетели над палубой, долетели до причала и упали рядом с чугунными тумбами. Матросы подхватили их и начали тянуть. За каждой с парохода на берег пополз толстый стальной канат с петлей на конце.

Матросы накинули петли на тумбы. Пароход привалился к причалу — охнуло, заскрежетало железо — и замер.

В длинной веренице пассажиров на сходне показалась знакомая серая куртка.

— Стёпа! — закричал Вовка.

Степан медленно сошёл на причал.

— Так вот ты какой! — сказала, подходя к нему, мама.— Молодец, сам доехал.

Степан стоял, опустив голову.

— Не голодал? — спросил Фёдор.

— Нет.

— Ну, пойдём.

— Прямо к нам,— сказала мама.

— Мы у знакомого остановились,— сказал Вовка.— Он военный моряк. У него катера и штаб.

Степан поднял свой фанерный чемодан, и они пошли к выходу из порта.

— Знаешь,— говорил на ходу Вовка,— тут жить ничего, можно! Видишь дым? Это вулкан!

— Ага.

— У нас свой ёж есть. Под домом. Тут ежи не водятся, а мы привезли.

— Ага.

Прошли ворота порта.

— Мальчишки, не торопитесь! — сказала мама.— Вон на горе ваша школа. Я тебя, Степан, уже записала в неё.

— Неужели ты не хочешь учиться? — шёпотом спросил Вовка.— А я так хочу, так хочу!

— Ну и ладно.

— Чудак, теперь тебя никто ругать не будет.

По обе стороны мощённой красным обкатанным камнем улицы тянулись канавы. На дне их лежали чёрные плети труб.

— Здесь будет большой портовый город,— сказала мама.— Будут кинотеатры, магазины. Пойдёт троллейбус... Тут всё только начинается. Вот в этом доме нам обещают комнату. Это будет наш дом... Володя, куда ты помчался?

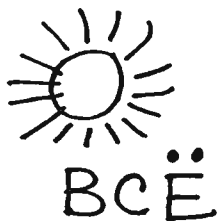
Вовка летел впереди всех.

Тучи, которыми с утра было затянуто небо, разошлись. В облачном разрыве показалось оранжевое солнце.

Прямо перед Вовкой поднимался из земли новый трёхэтажный дом. Окна его были ещё забрызганы извёсткой. Между белыми мазками пылали зелёные и синие блики.

— Вова, осторожно, свалишься в канаву. Володя, подожди!

Но Вовка мчался по улице. Он бежал, размахивая руками. Дорога ложилась ему под ноги, и каждый камень освещало яркое, рыжее, его, Вовкино, солнце.

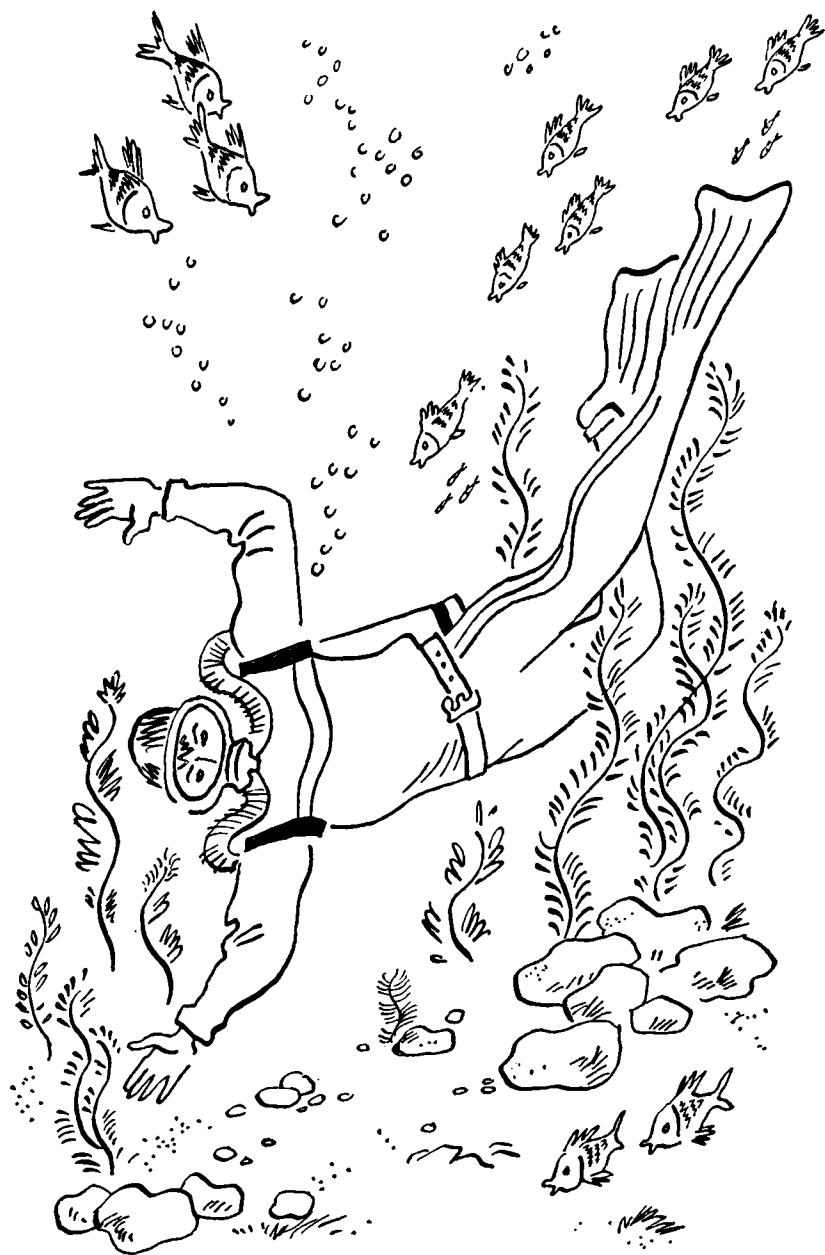

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАРОХОД

Рассказы

ЖИВЫЕ ДОМИКИ

Я плавал у скалы, над неровным каменистым дном и искал морских ежей. Слабое течение покачивало внизу редкие веточки водорослей.

— У скалы их навалом! — уверяли меня матросы. — Мы видели. Сидят — здоровые, иголки, как гвозди. Вот такие!

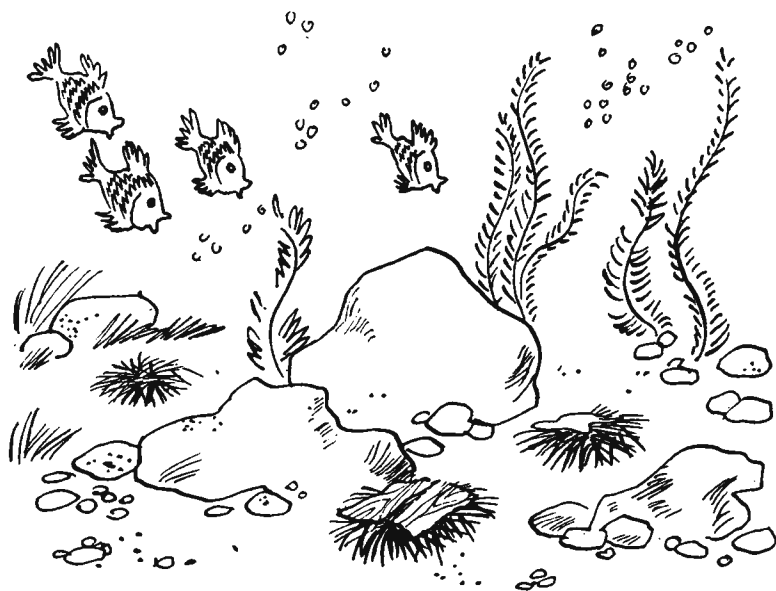
Но ежей не было. Я проплыл в одну сторону — нет. В другую — не видно.

Вот тогда-то и привлёк моё внимание домик. Маленький домик на дне — две щепки шалашиком.

Домик... полз. Он полз очень медленно и очень спокойно — видно, хозяин его не торопился. Я подплыл к домику и тронул пальцем одну щепку. Щепка задрожала. Я отвёл её в сторону — из-под неё торчал пучок фиолетовых игл.

Еж! Ну конечно ёж!

Я отбросил в сторону щепки. Ёж замер, тёмные

иглы встопорщились. Поняв, что я больше его не трону, ёж успокоился, опустил иглы и быстро-быстро двинулся в путь.

Он начал что-то искать на дне.

Неподалёку лежала крышка от консервной банки. Ёж примостился рядом и выпустил из-под игл несколько чёрных ниточек — ножек. На конце каждой — присосочек. Ножки потянулись к крышке. Вот первая дотянулась и замерла — присосалась... За ней вторая... третья...

Ёж что-то задумал!

Я смотрел во все глаза. Ножки поднатужились и подняли крышку. Они изгибались, шевелились, передавали тяжёлый груз одна другой. Крышка ползла вверх по иглам. Она доползла до самой ежиной макушки и остановилась. Получился щит.

Ёж покачал его: крепко сидит? Крепко! И полез вверх по большому камню. Теперь он лез спокойно — со щитом ему никакой враг не страшен.

Но где же остальные ежи?

Посмотрел я вокруг внимательно. Ну конечно, вон их сколько! Хитрецы: кто пучком травы прикрыт, кто створкой раковины. Глянешь не знаючи — нет под скалой никаких ежей.

Одни живые домики.

ПИРАНЬЯ

Один мой приятель — капитан теплохода — уходил в рейс в Бразилию.

— Что тебе привезти? — спросил он на прощание. — Хочешь, привезу чучело колибри? Птица, а вся, с хвостом, в спичечный коробок влезет.

— Знаешь что, — ответил я, — привези мне пиранию. Только смотри, чтобы она тебя по пути не съела!

Пошутили и расстались. Приятель ушёл в плавание, а я про свою просьбу забыл на другой же день.

Ну кто, в самом деле, будет везти через полсвета маленькую речную рыбку! Даже если это пиранья.

Кстати, вот что она такое.

Пиранья — родич нашего карпа, живёт в реках Южной Америки. За хищный нрав её часто называют речным волком. Ходят пираньи стаями и, как волки в стае, наглы и беспощадны. Вот какие истории рассказывают.

Один путешественник катался по реке в лодке и веслом ранил себе палец. Чтобы умерить боль, он опустил руку в воду. Вокруг раненого пальца тотчас же закурилось розоватое кровавое облачко.

В то же мгновение в руку впились десятки острых зубов. Путешественник закричал от боли и выдернул руку.

Она была вся в крови, кусочки мяса из неё были выхвачены, как бритвой, а раненый палец изуродован окончательно.

Другой раз в реку, спасаясь от слепней, вошло стадо коров. Пираньи напали на них. Через час в жёлтой воде остались только дочиста обглоданные коровьи кости...

Прошло более месяца после ухода моего приятеля.

Сию как-то я днём дома. Звонок. Открываю дверь, вижу — стоит на лестнице мой капитан, весь коричневый от загара, и держит в руках банку, прикрытую марлей.

— Держи! — говорит он. — Еле довёз: три раза из банки на пол выпрыгивала... Ну прощай, я ещё дома не был!

И ушёл.

Взял я банку. В ней плавает небольшая, с нашего окунька, голубоватая рыба. Бока в красных пятнышках. Морда тупая, короткая. Ничего особенного, только, когда раскрывает рот, видны зубы.

«Ого, если такими тяпнуть за палец!»

Мне от такой мысли даже неприятно стало.

Осторожно внёс пиранью в квартиру, перелил вместе с водой в пустой аквариум.

— Ну, теперь живи! Только чем тебя кормить? «Конечно, сырым мясом!»

Сбегал в магазин. Принёс. Бросил кусочек в аквариум.

«Сейчас как цапнет! — думаю. — Брызги полетят!»

Жду. Ничего. Отошла моя пиранья в сторону. Наверное, хитрит. Бросил я второй кусочек, а сам ушёл по делам.

Возвращаюсь — мясо не тронут. Пиранья стоит над самым дном, шевелит плавниками, на мясо никакого внимания.

Тогда я набрался отчаянной смелости и, чтобы разбудить в рыбе хищника, сунул в аквариум палец.

Пиранья не шелохнулась...

Не знаю, что она ела у моего приятеля на теплоходе, — может быть, у него была для неё какая-то особенная бразильская пища, — но у меня рыба заскучала.

В одном углу аквариума стёкла были с браком — жёлтые, мутные. Отойдёт, бывало, пиранья в этот угол, уставится в стекло и смотрит. Должно быть, стекло напоминало ей мутную воду родной Амазонки.

Всего три дня прожила у меня диковинная гостья.

Когда на четвёртый день я вошёл утром в комнату, рыба неподвижно лежала на песке. Жабры её не шевелились. Она лежала, обращённая головой в тот самый жёлтый угол аквариума, где простояла накануне целый вечер.

МОРЕ ПОД ОБЛАКАМИ

Один мой приятель был прошлым летом в экспедиции с учёными на берегу моря.

Разбили они лагерь.

Погода пасмурная. Только что отгрохотал шторм.

Скалы мокрые. Из расселин ручейки. Низкие облака цепляются за верхушки скал. Облака невысоко — метров сорок.

«Дай,— думает мой приятель,— рукой потрогаю облако!»

Подумал так и полез на скалу. Лезет, по сторонам смотрит. Запоминает обратный путь.

Вверх не страшно, а вот вниз! Куда ногу поставить — не видно.

Лез, лез и долез до широкого уступа.

Посмотрел вверх. До облаков ещё метров десять. Посмотрел вокруг — в камнях на уступе лужицы.

Видит — в одной лужице что-то шевелится. Присел над ней на корточки. В красноватой воде — крабишка. Увидел человека и под камень — шасть!

Посидел под камнем, любопытство одолело, высунул нос. Клешонками шевелит — ждёт, что человек делать будет?

А в луже он не один. По дну две витые ракушки ползут, чёрные моллюски их на себе ташат. Маленькие серые рачки шныряют: то в стайку собьются, то во все стороны — порск! И что самое удивительное — рыбка! Бычок, с мизинец толщиной. Глазастый, губы бантиком.

Очень удивился мой приятель. Как эта живность в дождевую лужу на верхушку скалы попала? Ну ладно, краб, моллюски, рачки по стенке могли залезть. А рыбка?

Странная компания! Не по воздуху ведь они сюда прилетели?

Захотелось приятелю пить. Макнул палец — и в рот. А вода-то в луже солёная, морская!

Тут он и сообразил. Никакая это не дождевая лужа. В шторм, когда волны о скалу разбивались, брызги вверх летели. Получались на уступе лужи. И морские животные с брызгами сюда попали — вон на какую высоту их забросило!

Ну, а что с ними дальше будет? Выглянет солнце, лужи высохнут — и конец?

Опустил приятель в лужу руку, загнал бычка под камень, вытащил за хвост и швырнул в море.

Больше он никого не спасал. Краб и моллюски захотят — своим ходом уйдут, а рачков не поймашь — маленькие они да вёрткие.

А может, солнца скоро и не будет? А будет опять шторм?

Снова полетят вверх солёные брызги. Переполнятся лужи водой и потекут ручейками вниз. Вместе с водой потекут их обитатели. Домой — в море.

Посмотрел мой приятель ещё раз на крабишку, попрощался с ним и хотел было лезть дальше. А дальше — никак. Выше отвесная стена, ни одной ступеньки.

Так и не долез он до облаков. Метров десять. Чуть-чуть.

ДЕВОЧКА И РЫБА

Шёл пароход из Америки домой, в Ленинград.

Шёл и, встречаясь с кораблями, гудел в блестящую медную сирену: у-у-у-у-у!

В каюте, что под самым капитанским мостиком, ехала с отцом и матерью девочка. Звали её Нюся.

Выйдет, бывало, на палубу, а палуба качается: вверх-вниз, вверх-вниз... Схватит девочка папу и маму за руки и ходит с ними.

А чуть останется одна — прижмётся к стенке и ни с места.

Отец позовёт:

— Нюся, смотри, какие дельфины прыгают! Иди сюда!

А она:

— Я здесь постою.

Мать скажет:

— Нюся, какие чайки летают! Иди их хлебом кормить!

А она:

— Мне и тут хорошо.

Бойтся одна шаг шагнуть. Ну что с такой трусихой делать?

Посередине океана — целое море водорослей. Бурые, зелёные, лохматые. Вытащили матросы здоровенную охапку, тряхнули — оттуда на палубу — брык! — рыба.

До чего безобразная: бурая, зелёная, в лохмотьях. Голова большая, курносая. Плавники — как маленькие кривые ручки.

Налили матросы в ведро воды и пустили туда рыбу.

Голова у неё тяжеленная, перетянула — тык рыба носом в дно! Ручками-плавниками толкнулась, подпрыгнула. Не удержалась — кувырк через голову! — и опять на дно.

Матросы закричали:

— Рыба-клоун, рыба-клоун!

Пассажиры ахают:

— Вот так рыба!

А капитан слез с мостика и говорит:

— Эта рыба, и верно, клоуном называется. Живёт она в водорослях. Запутается и плавает с ними: сама-то плавать почти не умеет. Вот и держится, чтобы не перевернуться. Посмотрели? Давайте выпускать.

Нюся как закричит:

— Я не посмотрела! Принесите сюда.

Капитан оглянулся:

— А! Это та девочка, которая боится отпустить папы-мамины руки? Понимаю: если она их выпустит, то перевернётся вниз головой, как эта рыба.

Нюся обиделась и говорит:

— А вот и не перевернусь.

И выпустила руки.

Все засмеялись, а матрос взял ведро и пошёл тихонько к борту.

Нюся за ним. Показал матрос рыбу и — ш-ш-ш ух! — её с водой за борт.

Захлопала Нюся в ладоши и побежала по пароходу. Одна. Видно, все её страхи вслед за рыбой-клоуном в море попрыгали.

МОКРЫЙ ЦИРК

Наш пароход стоял в южном порту.

Был июнь. Было жарко и скучно.

— Знаете что? Пойдёмте в цирк! — предложил мне помощник капитана. — Ручаюсь, в таком вы ещё не были. Не забудьте захватить фотоаппарат.

Я взял фотоаппарат, и мы с ним двинулись в путь.

Когда пришли, я очень удивился: что это за цирк? Крыши нет, местá под открытым небом. Посередине вместо манежа круглый бассейн. В нём вода.

Посмотрел я на воду и подумал: а как же будут падать клоуны? Ведь в цирках они всегда падают. Неужто в воду? Ну для чего это нужно?

Я даже слегка расстроился.

Заиграла музыка, и представление началось.

Из небольшого канала в бассейн въехал плотик. На нём стояла девочка в белом платье и сидела собака. Ремни от плотика шли прямо в воду. В упрядке неторопливо плыл дельфин.

Вот так раз!

Я обрадовался, что попал в такой морской цирк. Девочка на плоту сделала круг вдоль стенки бассейна, и дельфин увёз её назад в канал.

Потом стали выступать акробаты. Два дельфина-белобочки. Они по команде выпрыгивали из воды и летели по воздуху, как связанные верёвочкой. «Оп! Оп!» Над водой опустили кольцо, и дельфины начали прыгать через него.

Затем над бассейном наклонили доску. На конце её стал человек. В руках у него была миска с рыбой. Дельфины выскакивали из воды и брали рыбу у человека прямо из рук.

Я не выдержал и захлопал.

— Артисты,— сказал помощник капитана.— Ещё клоуна бы сюда!

Между тем бассейн приготовили для игры. Я сразу угадал какой. По краям поставили щиты с кольцами. Под каждым кольцом верёвочная корзина. Баскетбол.

Две команды — животные в красных и животные в синих шапочках — приготовились. Судья свистнул в свисток и бросил на середину бассейна белый мяч.

Первый же дельфин подцепил носом мяч да как швырнёт его! Мяч подхватил второй... третий... Мяч закрутился и подплыл под щит. Тогда дельфин в красной шапочке цап его, подскочил вверх и прямо в кольцо — гол!

Брызги летели на публику дождём.

— Шайбу! — крикнул я.

И тут я увидел, что к краю бассейна подбирается человек в тёмном костюме и в шляпе. В такую-то жару!

Человек подошёл к краю бассейна и стал делать вид, что он очень увлечён игрой. Он наклонялся над краем, наклонялся и наконец — бултых! — полетел в воду.

Клоун! Я сразу понял, что это клоун. Подставное лицо.

Мне стало не по себе. Я встал, чтобы уйти. Но прежде решил сфотографировать на память дельфинов.

Подошёл к самой воде.

Дельфины носились, как торпеды. Белый мяч с плеском скакал по коротким волнам. Бросок — и он опять в корзине.

Видно, мой аппарат был плохо привинчен к футляру. Когда я наклонился вперёд и начал прицеливаться, я почувствовал, что футляр пуст.

Я не видел, долетел мой аппарат до воды или нет. Я видел только, как подо мной метнулось чёрно-жёлтое тело и замерло. Бурля хвостом, у стенки бассейна стоял, наполовину высунувшись из воды, дельфин-афалина. В пасти он держал мой аппарат.

Ему было трудно стоять, и он всё время косил в мою сторону блестящим добрым глазом.

Я протянул руку и взял аппарат. В публике захлопали. Должно быть, меня приняли тоже за подставное лицо. За клоуна.

Но я не ушёл.

Я вернулся на место и сидел до конца этого удивительного представления.

ГОРОД ОСЬМИНОВ

Одному кинооператору нужно было снять под водой фильм. Фильм об осьминогах.

Он приехал в приморский город, и там местные рыбаки послали его на пляж, который начинался сразу же за последними домами.

«Где песок, там много света,— подумал оператор.— Неужели там будут жить эти сумеречные животные? И потом, во всех книгах пишется, что осьминоги любят скалы и прячутся днём в расщелинах. Странно, очень странно...»

Но всё же он взял подводную кинокамеру и отправился за город. Пришёл на пляж, надел свой акваланг, взял камеру и полез в воду.

Плывёт. Внизу песок. Светлый, почти белый.

«Где же осьминоги?»

Осьминогов не было. Вместо них по песку бродили маленькие рачки-отшельники. Каждый нёс на себе домик-раковину. Когда на рачка падала тень от плывущего человека, он останавливался, поджимал лапки и валялся вместе с раковиной набок.

Попались и две пятнистые камбалы. Одна метнулась в сторону, ударилась о песок и стала ждать, пока песок, оседая, засыплет её.

Вторая решила закопаться сама, легла на дно и, мелко-мелко перебирая плавниками, забросала себя.

Больше никакой живности тут не было. Крупные

размытые пятна — тени облаков — бродили по дну. Виднелись полузасыпанные песком камни. Они лежали один в стороне от другого, и возле каждого почему-то валялись обломки раковин.

Около одного камня оператор на всякий случай нырнул. Камень как камень. На макушке пучок водорослей. Около камня — раковины.

Отбросил оператор одну раковину в сторону и поплыл дальше.

Так он искал целый час, но не смог увидеть ни одного осьминога.

«А говорили — их тут полно!» Оператор вздохнул, забросил за спину кинокамеру и повернул назад к берегу.

Плывёт. Под ним медленно движется дно. Вот и тот самый камень с пучком водорослей. Вот и раковина... Э-э, а кто это подтащил её назад к камню?

«Тут дело нечисто!»

Решил так оператор и нырнул ещё раз. Лёг на дно, приблизил маску к самому камню, заглянул под него. А камень-то приподнят! Под ним — щель. В щели — два глаза. Смотрят на человека, не мигают.

Сунул человек руку под камень, а в щели что-то мягкое, скользкое, живое. Отдёрнул. Тогда из-под камня щупальце высунулось, обхватило горсть раковин и подвинуло их ближе к щели. Закрыло вход!

Тут человек и понял, что под камнем — осьминожий дом, а раковины — остатки осьминожьих обедов и ужинов.

Перебрался оператор ко второму камню. И под ним — осьминог. К третьему — и там. Выгнал он одного, включил кинокамеру и поплыл следом за животным.

Удирает осьминог. Раздувает и сокращает тело, размахивает из стороны в сторону плетью-щупальцами. Человек — следом. Плывёт, камеру около глаз держит. Света над песчаным дном много, так и лу-

чится песок, так и играет свет на голубоватом зыбком животном.

Хорошие получаются кадры!

Верно говорили — полно здесь осьминогов. Целый город.

ПОДБИТАЯ ЧАЙКА

Мы с приятелем шли по берегу моря. Вдруг видим: впереди на гальке сидит крупная серая птица. Она сидела, тесно прижимаясь к камням и втянув голову в плечи, как человек, которому холодно. Увидя нас, птица привстала.

— Глянь-ка, подранок! — сказал мой приятель. — Давай поймаем?

Птица — это была чайка-мóевка — сделала несколько неуклюжих прыжков и с размаху тяжело плюхнулась в воду. Я заметил, что, когда она прыгала, крыло её волочилось отдельно, сзади, как будто привязанное на верёвочке.

Чайка поплыла от берега. Она плыла, а серый лоскут крыла тянулся позади неё.

— Здорово ей саданули! — сказал приятель. — А ведь охота здесь запрещена!

Я промолчал. Чайка выплыла на солнечную дорожку и закачалась на ней изогнутой чёрной лодочкой.

Мы ушли. Мы вернулись в избушку к рыбакам-ненцам, у которых остановились на день-два.

— Чайка? С перебитым крылом? — переспросил меня Гриша Ардеев, один из рыбаков. — С весны ходит. Приезжий один ранил. Как человек или песец идут — она в воду. Косатка плывёт — она на берег. Лето выживет.

— А зимой?

Гриша не ответил.

На другой день мы отправились ловить чайку. Мы решили забрать её с собой в Ленинград. Я пошёл

по берегу, а приятель, взяв у рыбаков лодку-карбас, поплыл следом.

Чайка была на месте. Только на этот раз она не сидела в камнях, а бродила у воды и выклёвывала из прелых вородослей рачков. Заметив меня, она сошла в воду, и, когда слышался скрип уключин, попробовала нырнуть. Сухое крыло, как поплавок, удержало её. Тогда птица повернула и снова очутилась на берегу.

Скользя по круглым, обкатанным водою камням я поспешил к ней. Чайка завертела головой и тяжело побежала к подножию обрыва, который поднимался над галечным пляжем.

Крутая стена сырой глины шла вверх ровно, без уступов, и только кое-где из неё торчали кривые корни мёртвых деревьев.

Чайка стала карабкаться вверх. Я полез следом. Лез, лез. Как вдруг сырая глина подалась, оставляя за собой две блестящие канавки, я съехал вниз.

О берег стукнул носом карбас. Я повернулся к приятелю.

— Знаешь что? — сказал я ему. — Оставим её здесь. Как её везти, как кормить? Рыбы не нападёшь.

— Давай хотя бы поймем её и отрежем сухое крыло. Всё ей легче будет.

— Давай.

Чайка сидела высоко под сухим чёрным корневищем и смотрела на нас красным раненым глазом.

Мы полезли вдвоём.

Я уже протянул руку, чтобы взять её, как вдруг чайка с криком вывалилась из укрытия и, ударяя живым крылом по глине, покатилась вниз.

Она дождалась, когда мы слезем, и снова вскарабкалась на обрыв. Ей было очень трудно: испачканное глиной крыло отяжелело, но птица упорно волочила его.

— Полезем ещё? — спросил я.

— Не поймать её нам! — сказал приятель.

Чаячий глаз, как огонёк, горел вверху. Распластав одно крыло, тесно прижимаясь грудью к земле, птица внимательно смотрела на нас.

— Разве ты не видишь? — сказал я. — Она лучше умрёт, но не пойдёт к нам в руки.

Мы стояли, задрав головы, и смотрели на чайку. Ещё недавно это была прекрасная большая птица. Таких больших чаек я не видел нигде. Ей, наверное, ничего не стоило добывать большую рыбу и улетать каждую зиму в далёкие тёплые края.

Потом мы сели в карбас и медленно поплыли вдоль берега.

Был август — конец короткого полярного лета. Дело было на побережье Баренцева моря. Зима здесь наступает в октябре.

ДВА РАДИСТА

Служили на Охотском море два радиста. Один — на рыбацком сейнере «Волна», второй — на грузовом пароходе «Пугачёв».

Рано утром садился радист «Пугачёва» за чёрный металлический ящик с блестящими ручками — радиостанцию, включал её и начинал передачу. Он нажимал пальцами то коротко, то длинно на медный рычажок — радиоключ, и в воздух летели то короткие, то длинные гудочки: пии-ии-пии-пи-пи...

И бывало, что радист «Волны» в это время надевал наушники, слышал сигналы и, привычно складывая их в буквы и слова, читал:

— «П-е-р-е-д-а-ю д-л-я в-а-с п-о-г-о-д-у...»

Потому что именно так радисты всего мира разговаривают друг с другом.

— Куда идёте?

— На Камчатку.

— А мы на Сахалин.

Вот и весь разговор.

Но однажды случилась беда. Сейнер наскочил

в тумане на камни, пробил себе дно и стал тонуть.

Рыбаки бросились к насосам. Напрасно — холодная вода всё равно заполняла судно.

— Не успеваем откачивать воду,— сказал капитан.— Надо звать помощь.

А радист был уже в своей каюте. Стоя по пояс в воде, он отвинчивал от стола радиостанцию.

Вода в каюте поднималась всё выше и выше, а радист всё работал. Он сломал отвёртку, до крови ободрал пальцы, но всё-таки снял станцию и вытащил её на палубу.

Пи-пи-пи...— полетели в воздух тревожные гудочки.

Но на этот раз они были слабые-слабые: станция отсырела и работала плохо. Никто не отвечал радисту.

Волны бормотали уже у самой палубы.

— Видимо, помощь не вызвать,— сказал капитан.

И вдруг радист услышал в наушниках знакомые сигналы. Это отвечал «Пугачёв». Никто на всём море не смог разобрать слабых сигналов «Волны», а радист «Пугачёва» разобрал. И тогда он стал повторять их, работая на своей сильной станции:

«Всем! Всем! Всем!»

Теперь по всему морю, на всех кораблях слышали громкие и ясные, звучащие как команда, сигналы:

«На помощь! На помощь!»

Четыре парохода, три катера, два гидросамолёта свернули с пути и направились к «Волне».

«Пугачёв» тоже спешил. Он обогнал другие корабли и первым пришёл к месту аварии.

«Волны» уже не было видно. Над водой торчали только её мачты. За них держались, плавая на спасательных кругах, люди.

Рыбаков вытащили. Когда они, сменив одежду, собрались в каюте парохода, радист «Пугачёва» спросил:

— Ну, где же ваш радист? Наконец-то мы с ним встретились!

— Его нет, — ответили рыбаки. — Он работал в воде, простудился и заболел. Час назад прилетал гидросамолёт и забрал его. Вот это он просил передать вам.

И один из рыбаков протянул радисту сложенный вдвое листок бумаги. Сверху на листке было написано: «Моему лучшему другу».

И никакой фамилии. Потому что у радистов всего мира вместо фамилий короткие позывные сигналы: пии-пи-пи...

КАК ДОСТАЛИ ЯКОРЬ

На причале Владивостокского порта я ждал посадки на теплоход. Порт гудел.

«Иду-у-у!» — предупреждал здоровенный пароходище, влезая в гавань.

«Пить! Пить!» — свистел катер-водолей, предлагая судам пресную воду.

«Гру-у...» — поднимал рукастый кран бадью с углем.

«...жжу!» — высыпал её в трюм парохода.

Задрав голову, я смотрел, что делается на этом пароходе. Я уже знал: готовится очень важный рейс. Надо срочно доставить на остров, где было землетрясение, врачей, уголь, хлеб.

Всё было готово к отплытию. Оставалось только сменить якорь. Новый уже лежал на причале.

Подошёл кран, зацепил его крюком и понёс над водой к пароходу. Вдруг якорь сорвался и — бултых! — ухнул в воду.

На причале все зашумели, замахали руками. Неужели пароход задержится?

Портовые рабочие пригнали лодки и стали шарить по дну баграми, но ничего не нашли.

Тогда спустили водолаза. Водолаз был в медном

шлеме и тяжёлых свинцовых башмаках. Он медленно слез с причала в воду и побрёл по дну, то и дело останавливаясь и выпуская клубы белых пузырей.

— Лёгкого надо, лёгкого! — закричали в толпе. — Вон лёгкий!

«Какого лёгкого?» — подумал я и увидел, что прямо на меня плывёт под водой огромная лягушка. Мелкие рыбёшки, как брызги, разлетались от неё во все стороны.

Я невольно попятился.

Лягушка всплыла, высунула голову из воды и посмотрела на меня. И тут я понял, что передо мною обыкновенный человек. Только на ногах у него зелёные лягушачьи лапы, а на лице резиновая маска. Из рта к баллончику на спине тянулись трубки.

— Что случилось? — спросил человек-лягушка, сняв маску.

Ему наперебой стали объяснять, где упал якорь. Человек снова надел маску и нырнул.

Так вот что кричали люди! Они требовали лёгкого водолаза, без шлема и башмаков, — подводного пловца, а не пешехода.

Этот водолаз и верно двигался куда быстрее первого. Тенью прошёл вдоль причала, нырнул в две-три ямины и, наконец всплыв, замахал руками.

Якорь был найден.

Крановщик опустил крюк на дно, оба водолаза зацепили им якорь, и тот, роняя на причал капли воды и грязи, снова поплыл по воздуху к пароходу.

Там его приклепали к тяжёлой цепи. Пароход заревел сиреной, закрутил винтами воду и ушёл в море.

КРАБЫ В ПЕРЧАТКАХ

Однажды весной вместе с чайками в Баренцево море прилетели необычные гости.

Низко над самыми сопками прошёл серебристый

самолёт, пробежал по аэродрому, взревел последний раз моторами и затих.

Из самолёта стали выгружать гостей. Гости не простые — в ящиках. На каждом ящике надпись: «Камчатка», «Срочный груз» — и нарисована рюмочка. Это значит: «Осторожно — не ронять!»

Сняли ящики, погрузили в автомашину, повезли на берег моря.

На берегу ящики стали распечатывать. Снимут верхние доски, посмотрят, всё ли в порядке, — и бултых содержимое на брезент.

Не разбили?

Нет. Его не разобьёшь.

В ящиках — крабы. Камчатские, длинноногие, колючие.

Только маленькие.

Это ещё и не крабы, а крабишки, крабовы детёныши.

Лежат друг на дружке, как яблоки, шевелят глазами, норовят друг друга клешней за ногу ухватить.

Клешни у крабишек крепкие: ухватит, повернёт — и нет ноги.

Поди, половина без ног прилетела?

А вот и нет! Все с ногами. На каждой клешне у крабят по кусочку резиновой трубки. Это им на Камчатке надели. Так драчуны в перчатках и летели.

Здесь, на Севере, будет их новый дом.

Торопятся люди, перебирают крабов — с клешней сдирают трубочки, относят путешественников на причал.

Перчатки сняли? Теперь бегом в воду!

РЫБА И МЕДВЕДЬ

Работали на берегу полярного моря инженеры — искали место для завода.

Работали месяц, работали два. Подошла зима.

Забило море льдом.

Пошёл инженер со льда рыбу ловить. Взял удочки, ружьё на всякий случай прихватил.

Выбрался на лёд, от берега отошёл, видит — у полыньи медведь. Большой, жёлтый, головастый.

Стал инженер подкрадываться. Никогда он белого медведя вблизи не видел.

А медведь то подойдёт к полынье, то отойдёт. То подойдёт, то отойдёт.

«Что такое?»

Зашёл человек за ледяную скалу — торос, лёг на живот и пополз.

Выглянул из-за тороса.

«Вот оно что!»

В полынье рыба. Медведь подойдёт — она на другую сторону. Медведь отойдёт — она вернётся. Так стайей и ходит.

«Молодец рыба! — думает инженер. — Голова меньше мишкиной, а промаха не даёт. Не поймать её медведю!»

Посмотрел инженер вниз — под торосом во льду щель. Мелкая — голубое дно видно.

Походил медведь взад-вперёд, сел на лёд. Чешет в затылке лапой, думает.

Думал, думал — и надумал.

Обошёл полынью кругом, зацепился передними лапами за лёд, слез задом в воду и поплыл.

Интересно инженеру: что медведь дальше будет делать? Пополз инженер вверх по торосу. На самую макушку забрался, смотрит.

А медведь плывёт, медленно лапами загребает, гонит перед собой рыбу.

Гнал, гнал — и загнал её в щель.

Влез в неё сам и давай по воде лапищами бухать: Бумм! Бумм!

Оглушит рыбину, зацепит её пятернёй — и в пасть. Всю до одной съел.

«Ах ты хитрец! — думает инженер. — Мне не оставил. Дай я тебя попугаю... Стоп, а где ружьё?»

Пошарил ружьё, а ружья-то и нет — под торосом забыл! А ну как медведь сюда придёт?

Скорей за ружьём!

Пока за ружьём лазал, медведь ушёл.

Идёт инженер домой без рыбы, но довольный: редкую штуку — медведя-рыбака — подсмотрел.

МОРСКОЙ ПАХАРЬ

Один мой знакомый плавал на судне, изучал морское дно. А для этого была у них телевизионная камера. Опустили они однажды свою камеру под воду. Медленно плывёт судно. Люди в каюте смотрят на экран. Медленно плывёт на экране изображение дна. Ил... песок... редкие кустики водорослей. Ни рыб, ни животных... Скука!

Вдруг смотрят — на дне появились борозды. Одна, вторая, третья... Ряд за рядом. Да такие аккуратные, будто кто-то нарочно перекопал ил, разрыхлил его, потрудился на совесть.

Только откуда быть на дне пахарю?

В это время судно остановилось.

Все ушли, а мой приятель остался у телевизора. «Авось,— думает,— увижу этого земледельца».

И дождался.

Мелькнула на экране тень, медленно проплыла мимо камеры здоровенная туша. Круглая голова, затылок в складках, ласты к бокам прижаты, плоский хвост вверх-вниз колышется. Повернулась голова — усы, два клыка-бивня вниз торчат. Морж!

Опустился зверюга на дно и давай клыками ил ковырять. Гребков десять сделал — грядку вскопал. Назад плывёт — мордой в перепаханный ил тычет.

Э-э! Да это же он из борозды раковины выбирает! Жители их — моллюски — народ хитрый, от врагов всегда в ил закапываются.

Здорово придумали, а морж — не хуже. Плывёт,

губами толстыми шевелит, раковину за раковиной раскусывает.

Чем не морской пахарь?

ОСЬМИНОГ НА СКАЛЕ

Я часто видел на дне маленьких, как паучата, осьминожков, а вот настоящего, с копну сена, про каких рассказывают бывалые рыбаки, долго не встречал.

И наконец повезло.

Был вечер. Солнце пробилось через узенькую щель между облаками, облило море неярким светом, начало опускаться за горизонт.

Гасло небо. Гасло, голубело морское дно.

Я плавал с ластами и маской около восточной оконечности острова. Берег отвесной стеной опускался в воду и заканчивался внизу галечной осыпкой.

Сумеречная тень лежала на воде. Каменная стена была неразличима.

Я плыл прямо на неё.

Вокруг — темнота, густая и холодная. Только подо мной на глубине белым пятном — галька.

И вдруг из полумрака выплыло что-то серое. Выплыли и уставились прямо на меня два чёрных настороженных глаза.

Глаза были плоские, полуприкрытые белыми шторками век.

Я не сразу понял, что уже нахожусь у стены и что это смотрит на меня осьминог. Он сидел в расселине.

Я даже вздрогнул — таким большим показался он мне сначала.

Мы смотрели друг на друга.

Глаза привыкли к сумраку, и я стал лучше видеть его.

Осьминог был весь в мелких белых складках,

словно обсыпанный чешуйками пепла. Тело его то раздувалось, то опадало. Он дышал.

Слабое течение несло меня мимо скалы. Я шевельнул руками, чтобы удержаться на месте. Осьминога это испугало. Щупальца его, распластанные по скале, пришли в движение. Они начали скользить и собираться все сразу, как по команде. Осьминог горбился, надувался. Белые кольца присосок двигались вместе со щупальцами, мерцали, гасли — животное подбирало их под себя.

Наконец осьминог перестал расти вверх, осел, расплылся, повернулся спиной вниз и легко выскользнул из расселины. Он плыл задом наперёд, выталкивая из себя воду, как пузырь, раздувая и сокращая тело.

Я оторопело подался назад. Раскинув щупальца в стороны, осьминог, как на парашюте, сел на дно, потом покатился вбок и, сойдя с белого галечного пятна, пропал из виду.

И тогда меня охватил страх. Непонятный, необъяснимый страх. Я заболтал ногами изо всех сил и бросился плыть к берегу. Скользя и спотыкаясь о камни, выбрался из воды, сел на горбатый холодный валун и стал соображать: что случилось?

А не случилось ничего — осьминоги ведь на людей не нападают.

Мало-помалу я успокоился и даже развеселился.

Теперь я знаю: осьминог по-своему красивое и ловкое животное. Он хороший пловец и подводный альпинист.

И ещё. Когда животное проплывало мимо меня, я увидел его глаза, окружённые морщинками. Они были печальные и спокойные.

Мудрые, стариковские глаза.

ПИРАТСКИЙ ОСТРОВ

Как-то стоял наш пароход на якоре в море около Владивостока. А там много островов. Взял я шлюпку и ушёл на остров.

Приплыл, вылез. Посреди острова — скала. Высокая — голову задирать надо. Кольцом вокруг скалы галечный бережок. На бережке грудками какие-то скорлупки лежат.

Подошёл я, поднял одну, а это скелет морского ежа. Известковая скорлупка, белая, промытая дождём, иссушенная солнцем. Без игол, без кожи, без ничего. Похожая на маленький человеческий череп.

Весь берег усеян этими скорлупками. Как поле боя или как город после нашествия пиратов.

Уселся я на берегу и стал думать: а что, если этот остров и впрямь пиратский?

Сижу под скалой. Над островом — чайки.

Кружатся, кого-то высматривают. Должно быть, рыбу.

В море небольшая зыбь. Подойдёт вода к острову, затопит прибрежные камни и схлынет. Обнажится донная зелень, каменные бока валунов все в ракушках.

Вдруг одна чайка отделилась от стаи — и камнем вниз. Как раз в тот момент, когда вода схлынула, когда обнажился бок валуна. А на валуне морские ежи. Чёрные, колючие. Метнулась чайка над самой водой, ухватила ежа клювом за иголку — и вверх.

Летит, снова вниз смотрит. Над берегом пролетала, разжала клюв, ёж — шлёп на гальку! — и покатился.

Опустилась чайка рядом. Лапой перевернула и давай в брюхо клевать. Ёж в иголках, а со стороны брюха — мягкая кожица. Клюёт её чайка, головой вертит. То ли ей этот ёж не нравится, то ли у неё привычка такая.

А над ней подружки. Реют над островом, как чёрные флаги. И впрямь пиратский остров!

СТУК-СТУК-СТУК

Как-то в антарктические воды зашёл военный корабль. Он должен был снять с китобойца заболевшего матроса и отвезти его в ближайший порт.

Корабли встретились и остановились борт о борт. Больного стали готовить к передаче. В это время матрос-гидроакустик военного корабля включил свою станцию и стал слушать, как звучит антарктическое море.

Шумы... шорохи... Скрипнуло что-то и замолчало. Засверлило, запело — это недалеке проплыл косяк рыб. И вдруг — стук-стук!

Что такое?

Прислушался акустик. Опять — стук-стук!

Постучит и пропадёт. Будто кто-то за дверью работает. Пока дверь открыта, стук слышен. Захлопнули дверь — и стук пропал.

Вышел матрос на палубу.

Зелёное море до горизонта. Стоят их корабль и китобоец, привязанные друг к другу. Моторы заглушены, не работают. Неподалёку кит-одиночка бродит: вынырнет, пустит фонтан и опять скроется. Всё тихо. Некому и нечем стучать.

Непонятно!

Махнул матрос рукой и пошёл помогать переносить больного.

Через неделю, когда корабль пришёл в порт, акустик разговорился на берегу с одним человеком и рассказал ему про звуки, которые слышал в море.

Этот человек был учёный. Он изучал жизнь морских животных.

— Очень интересно! — сказал учёный. — А ну пойдёмте ко мне.

Он привел матроса к себе в кабинет, поставил на стол магнитофон и включил запись.

В магнитофоне зашуршало, а потом послышалось знакомое: стук-стук!.. Стук-стук!

— Это стучит сердце кита, — сказал учё-

ний. — Вы знаете: звук хорошо распространяется в воде. Когда кит открывает рот, чтобы проглотить добычу, стук его сердца разносится далеко-далеко. Потом он захлопывает рот, и стук не слышен.

Матрос расстроился и ушёл. Ему было жалко, что он сам не записал услышанное в море. Стук-стук-стук! — это стучит сердце кита.

ПОЛЯРНЫЕ ВОДЫ

Наш пароход идёт в тумане. Серая стена окружает его со всех сторон.

Из тумана vyplывают острова. Они медленно проходят вдоль борта. Если судно остановится, острова всё равно будут плыть, то приближаться белыми призрачными скалами к самому борту, то удаляться, пропадать в сумрачной мгле.

Эти плавучие острова — айсберги. Холод и пресную воду принесли они.

Дует ветер, и туман на время отодвигается. Зеленоватая стена айсберга тянется в нескольких метрах от судна. Мелкие льдины, как утята около матери, покачиваются возле неё.

Над нами повисает альбатрос. Широко распластав крылья, он парит над самым мостиком.

С уходом тумана айсберг оживает. Над ним появляется стая вилохвостых крачек. На льдинках, что качаются у подножия горы, выстраиваются пингины. Они смотрят в воду. Там, отфыркиваясь и отдуваясь, покачивается на лёгкой волне морской слон. Его голова торчит из воды, как большой чёрный шар.

Судно даёт ход и, обогнув айсберг, выходит на чистую воду. Впереди вспыхивают фонтаны. Один... второй... третий... Это киты неторопливо идут на добычу, ищут поля маленьких черноглазых рачков.

А вот и они: бурое пятно на поверхности воды,

целое поле. Цепочка фонтанов приближается — сейчас киты примутся за обед.

Ветер меняет направление, туман снова закрывает судно, закрывает айсберг, закрывает китов, и только мерные их вздохи гулко разносятся в сыром, влажном воздухе...

ПРО ПИНГВИНОВ

Как-то наш пароход плавал в антарктических водах.

Нам понадобилось подойти к льдине. А на ней черным-черно — пингвины.

Увидев судно, которое медленно приближалось, птицы забеспокоились. По очереди стали подбегать к краю льдины и смотреть в воду. Смотрят, а прыгать почему-то боятся. Должно быть, поблизости шныряла косатка или плавал клыкастый тюлень.

И вдруг несколько пингвинов образовали кружок — устроили совещание. Поговорили, поговорили и стали чего-то ждать. Ждали, ждали, дождались. Один из пингвинов снова подошёл к краю льдины. Заговорщики подбежали к нему и... столкнули в воду.

Стоят, смотрят. Жив, плавает... Значит, никакой опасности нет. И как горох — в воду!

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАРОХОД

Тимкин отец был матросом.

Как-то Тимка спросил:

— Пап, ты на каком пароходе сейчас плаваешь?

Отец засмеялся:

— На самом лучшем. Наш пароход самый большой, самый быстрый, с белой трубой и золочёной сиреной. Гудит — хоть уши затыкай: ту-уу-мб!.. Хочешь, приходи смотреть!

На другой день Тимка отправился в порт.

Кораблей там было — не сосчитать! Но самый лучший из них Тимка заметил сразу. Он стоял неподалёку — огромный, с белой трубой, двуногими мачтами и золотой сиреной. На носу прямыми буквами было написано: «ПЯТИЛЕТКА».

На причале кучей лежали серые ушастые мешки.

Три резиновые дорожки — транспортёры бежали по роликам с берега на «Пятилетку». Грузчики хватили мешки и бросали их на транспортёры. Мешки ползли вверх по дорожкам, выше, выше и — кувырк! — летели в пароходное пузо — трюм.

Из широченной пароходной трубы клубами валил серый дым! Один клуб опустился к земле и накрыл Тимку.

— Апчихи!

Тимка подошёл к транспортёру.

— Дяденька, куда эти мешки? — спросил он.

— В Индию, — буркнул грузчик. — Не мешай, отходить сейчас будет.

Индию Тимка знал. Там живут слоны. Но отец в Индию не собирался. Как же так?

Озадаченный, он сел в сторонке на камень.

Погрузку закончили.

Заработала машина: Бух-бу! Бух-бу! Между «Пятилеткой» и причалом появилась полоска воды.

— Папа! — в отчаянии крикнул Тимка.

Подул ветер и развернул на мачте красный флаг.

Но тут случилось неожиданное.

Ветер дунул изо всех сил. Он налетел на пароход и с размаху упёрся в его широкий, как парус, борт. Пароход качнулся и навалился на причал.

Заскрипело железо.

Тимка сжался от страха. «Сейчас треснет!» — подумал он. Машина «Пятилетки» замолчала, но пароход продолжал ползти вдоль причала, растирая в пыль края бетонных плит.

И вдруг из-за поворота гавани появился маленький чёрный пароходик с тонкой закопчённой трубой. На носу его стоял матрос в серой куртке.

Пароходик подбежал к «Пятилетке», развернулся под самым её носом и, упираясь в высокий борт, начал отталкивать «Пятилетку» от берега.

Ветер выл. Но пароходик не сдавался. Дрожа от натуги, он медленно поворачивал огромный корабль.

Матрос в серой куртке изловчился и бросил на его палубу толстый тяжёлый канат.

Пароходик стал впереди «Пятилетки» и, натянув канат, потащил её из порта.

Он шёл мимо других кораблей, и дым из их труб садился на его закопчённые, усталые бока.

В море «Пятилетка» отцепила канат, заревела басом: «Благодарю-у-у!» — и ушла.

Пароходик, тоненько, по-мальчишечьи, свистнув, повернул назад.

Когда он подошёл к причалу, Тимка ахнул: на носу пароходика стоял в серой куртке его отец.

ДВА КОЛЕСА В ВОЗДУХЕ

Про дальневосточных шофёров я слышал давно:
— Не ездят, а летают. Дорога тяжёлая — змеей, а он — ж-жик, ж-жик, с поворота на поворот, с поворота на поворот. Не машину ведёт, а в цирке выступает. Орлы!

...И вот я на Дальнем Востоке.

В машине.

В кузове — груз. Здоровенный бетонный куб.

В кабине — шофёр. И я.

Шофёр — лицо жёлтое, вроде бы пожилое.

Орёл! — сразу видно.

А я не орёл. Мне бы только доехать до порта. Попасть на свой пароход.

Би-би-и! — и мы поехали.

Дорога и верно тяжёлая. Лесом. С кочки на кочку. Потом болотом. По брюхо в воде. Потом горами.

Вот тут-то и началось.

Шофёр — на что опытный, а побледнел.

Машину как мотанёт вправо, он — обеими руками за руль. Машину — влево. Два колеса — в воздухе. Мотор как заревёт!

Молчит шофёр.

«Вот молодец!» — думаю.

А у самого ноги трясутся. И спина мокрая.

Ехали горами — попали в ущелье. Узкое, дорога — из стороны в сторону.

Машина, как мячик, — от скалы к скале. Мотает её страшно. Шофёр вертит руль — вот-вот пойдёт дым.

Хотел я ему сказать: «Спасибо, молодец!» — вдруг трах головой в дверцу. В кузове бетонный куб — уух!

Застряли в яме.

Зацепил шофёр стальной трос за скалу, включил мотор, трос — на барабан, вытащил машину.

Всю краску с кузова ободрал, а вытащил.

«Молодец, спасибо!» — снова хотел я сказать шофёру, а дорога за окном как полетит вниз! Жуть!

С горы без тормозов съехали.

В речку влетели — столб воды! — остановились. Заглох мотор. Завели его. Поехали вдоль реки.

К полудню добрались до порта.

Вывалил шофёр куб.

Высадил меня.

В третий раз хотел я его благодарить, а он сам из кабины вылез, подошёл и говорит тихим голосом:

— Спасибо... Спасибо, что не ругали. Чуть я вас из машины не вывернул. Ведь это, — говорит, — у меня первый рейс. Школу я, — говорит, — на днях кончил.

И улыбнулся.

И тут я увидел, что он совсем молодой. Мальчишка. А лицо — в масле.

— Ну, чего там, — говорю, — бывает. Конечно, не сразу научишься. Поездишь, и всё будет в порядке. Я думаю так!

Пожал ему руку и пошёл искать свой пароход.

ЗЛОЙ УЗЕЛ

Нехитрое дело — связать узел.

Но есть люди, для которых уметь хорошо завязать узлом канат или верёвку — важнее всего на свете. Это матросы.

Служил в городе Баку на барже матрос. Звали его Гуссейн.

В барже возили нефть. Нальют её, бывало, по самую горловину. Подойдёт буксир.

— Эй, лови! — шлёп на баржу здоровенный канат с петлей на конце.

Гуссейн подхватит его и тащит к железной тумбе — кнехту. Набросит на кнехт, затянет узлом.

— Пошёл!

Буксир запыхтит, забуллит винтом и потянет баржу вон из порта.

Узлов Гуссейн знал множество.

Были у него узлы послушные: свернул, дёрнул — и готово.

Были упрямые: семь потов сойдёт, пока завяжешь.

Были хитрые: год сиди — не развяжешь.

И был один — самый лучший, который Гуссейн почему-то вязал очень редко.

Раз поздно вечером шёл Гуссейн по городской улице и видит: в окнах, обращённых к порту, мерцают красные огненные зубчики. Больше, больше, и вот уже на всех стёклах заплясали молчаливые красные человечки.

— Пожар! — закричали люди. — В порту пожар!

Гуссейн бросился туда.

На причале было светло как днём. Горела баржа с нефтью. Только не Гуссейнова, а другая, что стояла рядом.

Огонь бил из неё, как из громадного примуса.

Пожарники поливали её водой из шлангов, но потушить огонь не могли.

— Убрать её! — кричали люди про баржу. — Убрать. Сейчас взорвётся!

Подошёл большой горбатый буксир. С него на баржу бросили канат. Теперь главное — его привязать.

Двое смельчаков влезли на баржу. Задыхаясь от дыма, они набросили тугой пружинистый канат на тумбу и спрыгнули на берег.

Буксир потянул. Петля на конце лопнула, и канат змеей сбежал с тумбы.

Тогда крепить его полезли трое.

Молча следили за ними люди.

Вот канат снова на тумбе. Вот он завёрнут узлом. Буксир дёрнул. Канат соскочил и плюхнулся в воду.

Больше охотников лезть на баржу не находилось.

И тогда все увидели, что какой-то матрос вылил на себя ведро воды и прыгнул на баржу.

От него сразу же повалил пар.

Матрос на лету поймал брошенный с буксира мокрый канат и, присев на корточки, начал вязать его за тумбу.

От жары куртка на нём сразу высохла и надулась пузырям.

Петля... Ещё петля...

— Готово! — крикнул матрос.

Он махнул рукой, бросился назад к борту и упал.

Обожжённого, его вынесли на берег.

Это был Гуссейн.

Буксир натянул канат, баржа стала медленно поворачиваться носом к морю.

Вот её корма задела причал — трах! — канат дёрнулся и упал в воду.

Неужели узел не выдержал?

Нет! Канат вырвался из воды и снова натянулся как струна. Баржа, освещая красным светом гавань, пошла к выходу.

В море буксир обрубил канат.

Не успел он отойти, как баржа взорвалась. Жёлтый огненный гриб вырос над морем.

Когда он погас, баржи не было.

...Гуссейн целый месяц пролежал в больнице. Спина и грудь его были покрыты волдырями, а пальцы — все в ранах. Тяжёлый канат, когда он вязал его, в кровь разодрал руки.

Вот каким оказался самый лучший узел Гуссейна — крепким, безотказным.

Но это был злой узел.

«САМОВАР» И ЧАЙКА

Жил в Севастополе паренёк по фамилии Чайка. Работал учеником в портновской мастерской.

Пш! Пш! — шипят в мастерской утюги. Днём и вечером горят лампы. Скрипят ножницы.

— Чайка, куда ты делся?

Никуда. Смотрит Чайка, как кроит штаны старый мастер. Жжик! — готово, выкроил, будто выхватил из куска.

— Чайка, поставь утюг! Чайка, пришей пуговицу!

И так целый день. Тут не до настоящей работы!..

И вдруг война. Не успел оглянуться Чайка — немцы уже в Крыму. Подошли к городу. Бомбят. В бухте корабли из зениток так лупят — летят стёкла.

Очутился Чайка на фронте. Граната вместо утюга. Под ногами вместо белых ниток жёлтая, скошенная пулями трава.

А фронт уже на окраине. Бой в городе. На улицах танки. Из портновской мастерской бьёт по фашистам пулемёт.

Чайка тащил к пулемёту диск, когда что-то горячее ткнуло его в бок. Он упал. На гимнастёрке алым пятном проступила кровь...

Армия оставляла Севастополь.

Порт пустел. Один за другим уходили в туманное море корабли.

Последним от причала отплыл маленький пузатый катерок. Палуба горбом, медная труба — настоящий самовар. В последний момент два солдата затащили на него Чайку.

Чук-чук-чук! — стучит бензиновый мотор. Катер, как утка, переваливается с волны на волну.

Ни дымка, ни берега — одно море...

Прошёл день... Второй... Мотор сделал последний раз: чч... ук! чч... ук! — и замолк.

Кончился бензин.

Тут, как назло, — немец. Самолёт с чёрными крестами. Увидал катерок — развернулся, прижался к самой воде и пошёл в атаку.

Жик-жик-жик! — лётчик из пулемёта. — Жик!

Пронёсся над самым катером, погрозил кулаком и улетел. Ясное дело: сейчас своих пришлёт!

Куда уйдёшь без мотора?

Думали-думали солдаты, матросы: что делать?

Ничего не придумать.

И вдруг:

— Я, братцы, придумал... — сказал слабым голосом Чайка.

Что придумал? А вот...

И началось.

Двое тащат шест. Вбили его в палубу. Остальные — шинели долой, порют на куски, только треск идёт. Куски — Чайке.

У того — три иглы, два матроса в помощь. Шьют, кусок к куску, солдатскую шинель к матросской лепят. Скорее! Скорее!

И через час — парус, настоящий парус поднялся над катером!

Ветер ударил в него. Шест скрипнул. Катер, клюнув носом, пошёл вперёд...

Три дня и три ночи уносил их ветер от врага. Высокие волны и низкие облака.

Катер шёл на восток.

На четвёртый день показались верхушки гор. Над водой — розовые дымки кораблей.

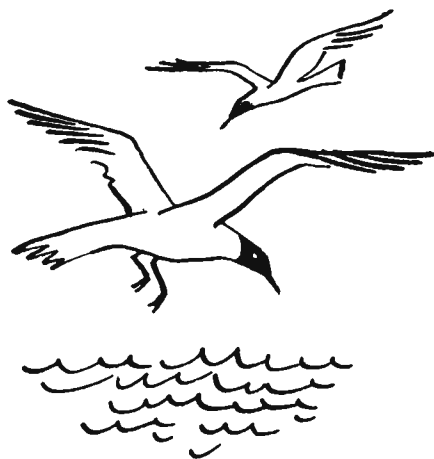
Это были свои.

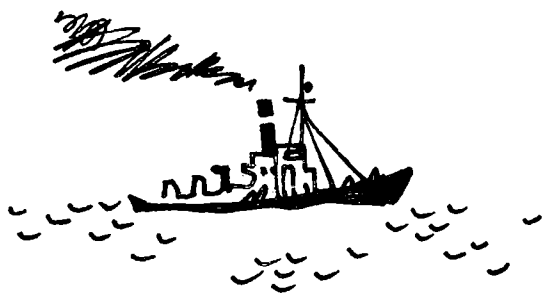
...К катеру уже спешил эсминец с краснозвёздным флагом. Солдаты, матросы разбирали мешки, винтовки — скоро порт.

А Чайка лежал на корме и смотрел на парус.

На кривой парус. Из чёрного и серого, пробитого пулями сукна.

На первую чудесную вещь, сшитую его руками.

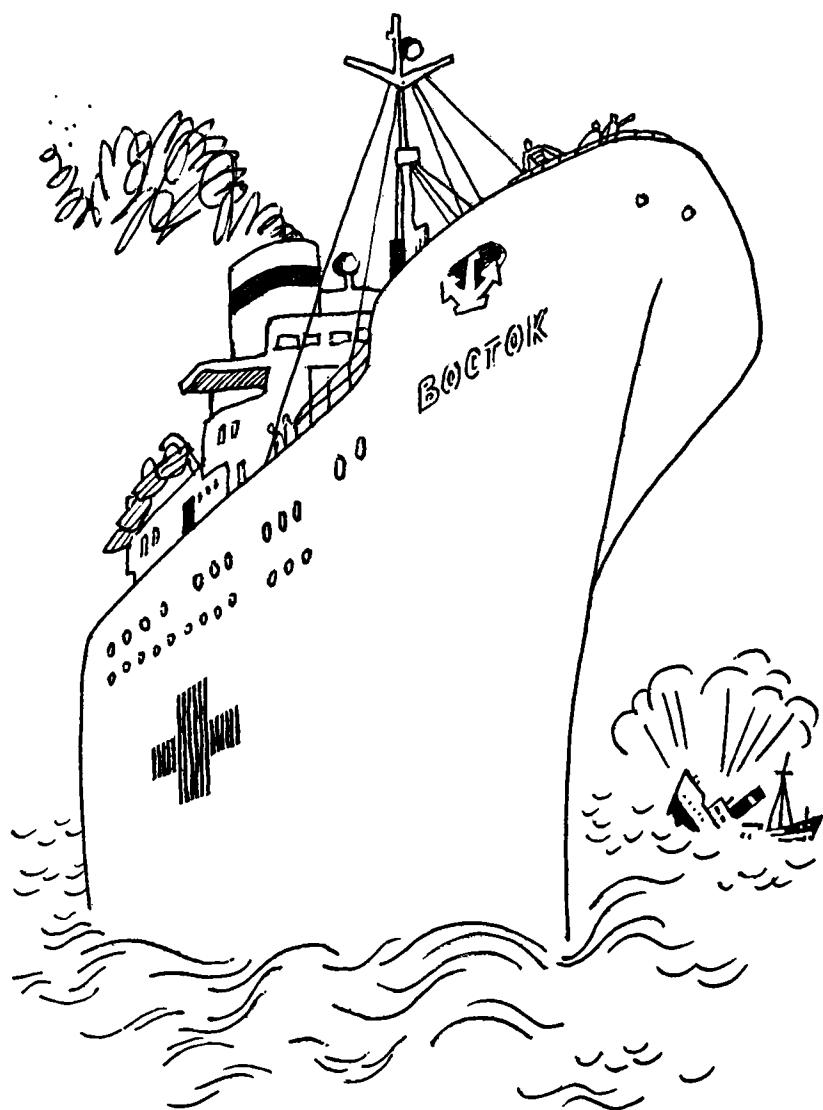

ТРИ КАПИТАНА

Рассказы

КАПИТАН «ДОРОТЕИ»

Капитан Минаев был угрюмый старик.

Другим капитанам везло. Они служили на сверкающих краской и медью паровых гигантах, командовали дизель-электроходами, пересекали ледяные просторы Арктики.

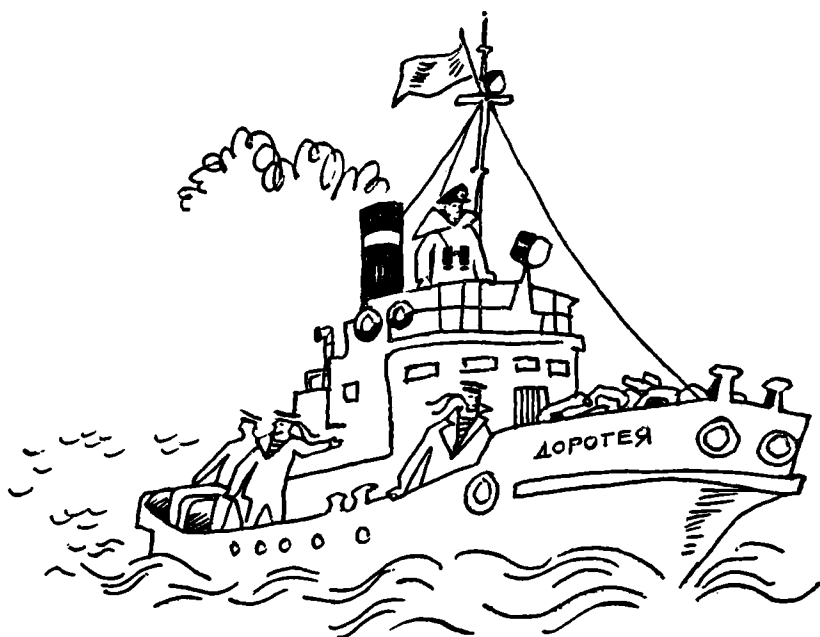
Минаев всю жизнь проплавал на старом маленьком пароходике со смешным названием «Доротея».

Пароходик ходил по заливу между Ленинградом и Кронштадтом и был кривоносый, с тонкой, как макаронина, трубой.

А теперь шла война. Это она вытащила старый пароход из залива, заставила пройти всё море и нынче гнала обратно в Ленинград.

Корабли отступали. Они шли, как усталые солдаты, цепочкой, один за другим.

Самым большим среди кораблей был «Восток». Он вёз раненых. В его каютах и трюмах одна над

другой стояли зелёные больничные койки, а во весь борт — от воды до палубы — тревожно алел санитарный крест.

Самой маленькой была «Доротея». Гружённая фанерой, мукой и пробкой, она шла неподалёку от плавучего госпиталя, то и дело отставая от него.

— Эй, на пробковой фабрике! Мукомолы! — кричал с мостика капитан «Востока». — Плетётесь как черепаха. Взять на буксир?

— Обойдётся! — бурчал обиженный Минаев и в который раз принимался ругать механика и кочегаров.

Он понимал: для парохода и для него этот рейс был последним. В Ленинграде «Доротею» ждал причал для идущих на слом кораблей, а его — больница. Сердце капитана уже никуда не годилось.

«Для этой войны мы оба слишком стары! — часто думал он. — И «Доротея», и я... Тяжело: одни мины чего стоят!»

Да, хуже всего были мины. Фашистские самолёты забросали ими всё море. Мины лежали на дне — молчаливые чёрно-зелёные снаряды.

Внутри их прятались магнитные стрелки. Стоило железной громаде парохода пройти над миной, как стрелка поворачивалась, включала ток и оглушительный взрыв раскалывал воду. Чем тяжелее был корабль или чем больше железа было в его трюмах, тем скорее взлетал он на воздух.

Маленькой, лёгкой «Доротее» мины были не особенно страшны.

«Ох, если этот наскочит!» — думал Минаев, поглядывая на огромный «Восток».

Вдоль борта плавучего госпиталя стеной стояли фигурки в белых халатах. Когда «Доротея» подходила поближе, над палубой поднимался целый лес рук. Раненые считали маленький корабль своим товарищем: ему тоже приходилось туго.

Когда корабли пришли в Таллин, «Восток» и «Доротея» стали рядом.

Капитаны встретились на причале.

— Не сердись, Минаич,— сказал капитан «Востока».— Про пробковую фабрику и мукомолов это я так — шутя. А вот машина у тебя тянет плохо. Дойдёшь ли?

— Дойду... Тебе тоже достается. Если будут самолёты, ты как?

— От бомб? Отверну.

— А мины?

На этот вопрос капитан «Востока» ничего не ответил. Действительно, если пароход начнёт тонуть, как спасти тысячу раненых, половина из которых не может ни ходить, ни плавать?

В глубокой задумчивости Минаев простился с ним.

А через час на «Доротею» закипела работа. Из трюмов тюками выбрасывали пробку, выгружали муку и фанеру. Вместо них грузили железные болванки, рельсы, колёса, сыпали ящиками гвозди. На палубу рядами укладывали якорные цепи.

Когда погрузка закончилась, Минаев собрал команду.

— Ночью «Доротея» пойдёт впереди «Востока»,— медленно начал он. Сегодня, как никогда, у него болело сердце.— Если на пути попадётся мина, нам конец: слишком много на корабле железа. Но мина достанется нам, а не ему,— капитан ткнул пальцем в сторону плавучего госпиталя.— Кто хочет идти в рейс — два шага вперёд!

В строю стояло четырнадцать человек. Одиннадцать шагнули вперёд, трое остались на месте. Собрав вещи, они ушли.

Когда караван вышел в море, «Доротея» стала впереди «Востока» и, густо дымя трубой-макарониной, начала прокладывать ему путь.

Она шла, тяжело осев под грузом железа в воду. Чуткие магнитные стрелки, которые раньше не замечали её приближения, теперь уже издалека начинали покачиваться на тонких осях.

Но «Доротея» везло. Она то проходила в стороне, то между минами, и следом за нею уверенно двигался огромный «Восток».

Минаев не уходил с мостика. Никто из команды не спал.

Дважды гул отдалённых взрывов долетал до них. Погибли два парохода, но «Восток» уцелел.

Кончилась ночь.

Оранжевое солнце поднялось над горизонтом. По носу кораблей встал из воды синий берег. Это был Кронштадт. За ним уже дымили трубы Ленинграда.

— Вот и всё! — устало проговорил Минаев и прислонился к стене рубки, держась рукой за сердце.

Вдруг страшный удар потряс «Доротею». Мина пришлась как раз на пути судна. Чёрный столб воды взметнулся над его палубой. «Доротея» провалилась под воду. Громадный пузырь воздуха из её трюмов с шумом вырвался на поверхность.

Не спасся никто.

«Восток» прошёл прямо через пятно, которое расплывалось на месте взрыва.

Белые фигурки раненых стояли вдоль борта. Люди молчали.

Огромный корабль, не меняя хода, уносил их всё дальше и дальше от того места, где закончился последний рейс «Доротеи» и её старого капитана.

ОСТРОВ НА БУКСИРЕ

Город стоял на берегу залива. В заливе с утра до вечера работали землечерпалки, а между ними носились белые катера и ползали неторопливые чёрные баржи.

Герасим учился в первом классе, сидел на задней парте, смотрел в окно на залив, на корабли и рисовал в тетрадках странных хвостатых животных и ракеты с изогнутыми, как у чаек, крыльями.

— Дай-ка тетрадь, что ты там рисуешь? — ска-

зала, подходя к нему, учительница Алевтина Прокофьевна. — Что это такое?

— Собака.

— А почему она стоит на хвосте?

— Чтобы дальше видеть.

— Какой ужас! А это что?

— Ракета для жителей Луны. Чтобы они могли летать к нам на землю.

— Но ведь на Луне нет никаких жителей! Вечно ты что-нибудь придумываешь. Надо поговорить с твоими родителями. Мама где?

— В зоопарке. В клетке.

— То есть как в клетке? А папа?

— Папа в Америке.

Класс дружно захохотал, а учительница развела руками. Ну и ну!

Папа Герасима не был в Америке. Он был в нескольких шагах от неё: он стоял на мостике океанского буксира и смотрел, как дрожит туго натянутый стальной канат. Рядом шёл второй буксир. Они тащили на канатах док. Третий буксир шёл сзади.

Док — это железная коробка, большая, как остров, высокая, пустая, с плоским дном и двумя полыми стенками. В нём ремонтируют корабли. Чтобы завести внутрь дока корабль, док притапливают — внутрь коробчатых стен напускают воду. Корабль стоит в доке, а десятки рабочих лазят под его днищем, скоблят, чистят, ремонтируют.

Когда буксиры подошли к берегу, они бросили якоря. Остановился и док, теперь он и вовсе стал похож на остров: по его высоким стенкам, как по скалам, забегали люди, а из кухонной трубы пошёл вкусный дымок.

— Механик! — крикнул папа. — Собирайтесь, пойдём на берег к директору канала. Будем просить,

чтобы нас пропустили пораньше, надо торопиться.

— Да, да, верно, скорее бы пройти канал,— сказал механик.

А вот мама Герасима действительно была в зоопарке, в клетке. Она давала медведю лекарство. Медведь лежал на полу и жалобно стонал. Мама засунула в кусок хлеба круглую жёлтую таблетку, положила сверху кусочек сахара и протянула медведю. Тот съел и опять заскулил.

— Ничего, ничего, всё будет в порядке! — сказала мама. Она работала в зоопарке врачом. «Сегодня разговор по радио! — вспомнила она. — Не опоздал бы Герасим».

Герасим пришёл в зоопарк сразу же после школы и первым делом побежал к зверям.

В большой клетке стоял слон. Он сопел, переминался с ноги на ногу и громко шуршал кожей. Рядом в открытом бассейне два тюленя гонялись друг за другом. Плавая, они поворачивались кверху то тёмной спиной, то светлым пузом, и от этого в воде то вспыхивали, то гасли длинные светлые полосы.

Неподалёку стояла клетка, в которой был построен деревянный домик. Из него торчал чей-то толстый, как палка, коричневый хвост.

— «Кенгуру. Сумчатое животное. Водится в Австралии», — прочитал надпись на клетке мужчина. Он стоял рядом с Герасимом и тоже смотрел на хвост. В руке у него был бидон с квасом.

— В Австралии есть ещё сумчатые волки и сумчатые крысы, — подумав, сказал Герасим. — Если бы там водились слоны...

— Многого захотел, — сказал мужчина с квасом. — Зачем тебе сумчатые слоны?

— Герасим, ты где? — раздался мамин голос. Надо было торопиться на радио.

...А в это время папа уже сидел в кабинете директора канала. В кабинете было душно, солнце за окном палило из всех сил, через раскалённые деревянные решётки в комнату текли струйки горячего воздуха. Директор отдувался, всё время поворачивался на стуле и доставал из холодильника запотевшие бутылки с водой.

От жары директор еле шевелил губами, и от этого вместо слов у него всё время получалось: «Бу-бу-бу!»

За креслом директора стоял секретарь и переводил директорское «бу-бу-бу» на человеческий язык.

— Господин директор говорит,— переводил секретарь,— что два дня назад обвалилась одна из стенок канала. Начат ремонт. Но ваш док очень широк, и теперь он по каналу не пройдёт. Придётся вам плыть вот так!

И секретарь показал на стену. На стене висела карта, на ней были нарисованы два океана, две Америки — Северная и Южная — и два пути из одного океана в другой: один путь короткий, через канал, и второй длинный-предлинный, вокруг Южной Америки.

— Да вы что? — сказал папа.— Это же лишний месяц. Нас ждут — надо ремонтировать корабли.

Директор открыл ключом очередную бутылку: клак!

— Бу-бу-бу...

— К сожалению, ничем не можем помочь! — перевёл секретарь.

Говорить по радио с моряками пришло много людей. Их провели в комнату, где были кабины с микрофонами и где все стены были обиты картонными листами с дырочками. Здесь было тихо. Загудел гудочек, замигали лампочки, и передача началась.

— Ваша очередь первая! — сказала женщина в форме и провела маму и Герасима в кабину.— Время — пять минут.

В кабине стоял микрофон, а на стене висели часы с секундной стрелкой и громкоговоритель.

— Вызываем буксирный теплоход «Илья Муромец», — сказал громкоговоритель. — Слушайте нас, капитан Соколов! С вами говорят ваша жена и сын. Передаем микрофон семье.

Мама подтолкнула Герасима.

— Здравствуй, папа! — сказал Герасим.

— Здравствуй, Герасим! — ответил громкоговоритель папиным голосом. — Ну как твои дела?

— Ничего. — И Герасим рассказал папе про Алевтину Прокофьевну, про тетрадь и про то, как мама лечила медведя.

— А у тебя как?

— Плохо. Понимаешь, большие неприятности. Можем задержаться на месяц. Не пролазим в канал. Док не влезает. Что делать — ума не приложу.

— А ты придумай!

— Надо придумать.

— Постарайся!

— Постараюсь.

Секундная стрелка бежала по циферблату, от пяти минут осталось совсем немного.

— Здравствуй, Алёша! — тихо сказала наконец мама.

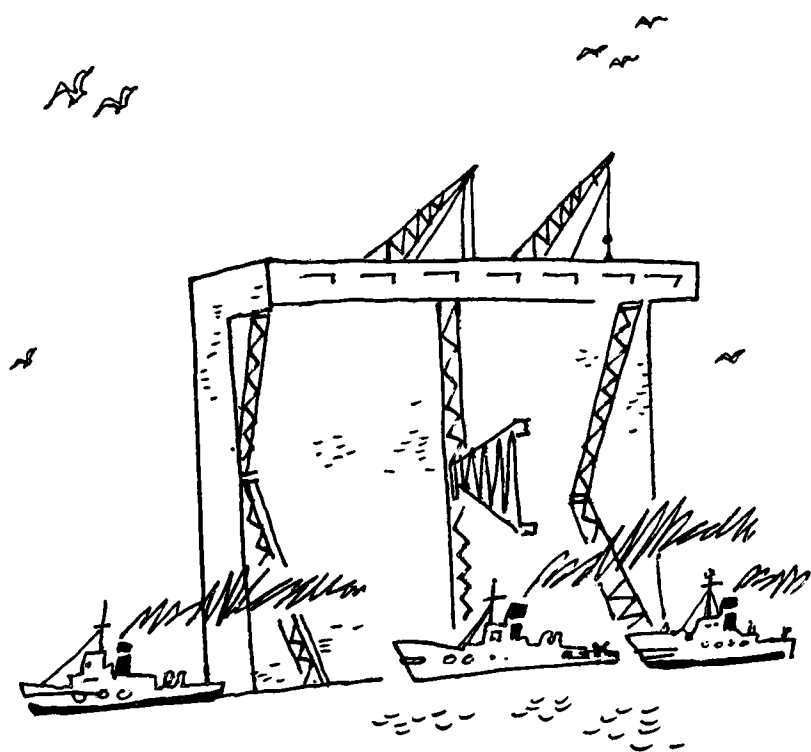
На берегу канала стояла толпа. Чёрные и коричневые люди в пёстрых одеждах собрались в тени домов и ждали, когда поведут док.

На балконе своей конторы, под громадным зонтом, сидел в кресле директор. Рядом с ним стоял секретарь.

Буксиры подали на док канаты. Док выбрал свои якоря.

— Начинаем затопление! — скомандовал папа, и матросы на доке полезли внутрь, к насосам и кранам.

Там они открыли краны, через которые в пустые коробчатые стены поступает вода. Но на этот раз они открыли краны только с одной стороны, и вода, с

шумом хлынув в одну из стенок, начала наклонять док. Одна стенка поднималась, вторая всё глубже уходила в воду, док качнулся и лёг набок. Теперь он был похож на огромную спичечную коробку, поставленную на ребро. Ширина его сразу уменьшилась в два раза. Толпа, поняв, в чем дело, радостно загудела.

Буксиры стали опять — два впереди, один сзади, натянули канаты, док качнулся и тронулся с места. Высокая серая громада двигалась мимо белых домов, мимо набережной с пальмами. Чёрные капли стекали с огромного, как футбольное поле, задранного вверх днища.

— Бу-бу-бу! Просто удивительно, — сказал директор и ушёл с балкона, а секретарь побежал звонить по телефону, чтобы этих выдумщиков пропускали повсюду без очереди.

Папа стоял на капитанском мостике и смотрел в небо. Над буксиром плыли облака. Они были похожи на лианы, на сумчатых животных, а одно облако было похоже даже на телефон. Папа вспомнил Герасима и вздохнул.

Огромный док — целый остров на боку — плыл по каналу.

МОРЯК ИЗ КЕРАЛЫ

Капитан Каушик стоял около трапа, по которому только что сошли с катера пассажиры, и терпеливо слушал, что говорит ему чиновник пароходной компании.

— Мы не для того доверили вам судно, чтобы вы бесплатно перевозили на нём разных оборванцев, — говорил чиновник. Он был в наглухо застёгнутом мундирчике, стоячий воротничок врезался в шею. Чиновнику было жарко и душно, но порядок есть порядок, и он продолжал выговаривать капитану.

Зелёная океанская вода в гавани медленно поднималась и опускалась. За молом с глухим пушечным

грохотом разбивались волны. Привязанный к причалу катер шевелился.

«Он совсем как живой, ему тоже скучно слушать нравоучения», — подумал Каушик.

Капитан родился на самом юге Индии, в штате Керала. Там жарко и влажно, каждые четыре месяца зреют кукуруза и соя, а дерево гевея, если надрезать её кору, круглый год даёт тягучий резиновый сок.

Каушик жил в деревне с отцом и матерью и помогал им на маленьком поле, на клочке коричневой земли, как губка, пропитанной влагой. А потом, когда отец и мать неожиданно один за другим умерли, староста деревни отвёз его в город Кочин, сказав, что везёт к дяде.

Кочин разбросан по берегам узких протоков. Они образуют здесь лабиринт, по которому день и ночь идут пароходы, а рано утром, подняв треугольные паруса, скользят к выходу рыбацьи лодки.

У воды стоят крытые железом склады. Пароходы подходят к ним, и смуглые полуголые люди вереницей переносят на берег мешки с рисовыми и кукурузными зёрнами или липкие, пронзительно пахнущие светло-коричневые пачки табачных листьев.

Выше тянутся узкие улочки с глиняными белёными домами. В окнах нет стёкол, а двери всегда открыты настежь. Тут ютится бедный люд: носильщики, мужчины-прачки, рабочие маленьких фабрик. Ещё выше — асфальт, каменные дома, скрытые в зелени ухоженных садиков. Здесь цветут по весне маки, а над ними полыхает оранжевым и красным огненное «дерево Будды».

Дядя был больной, злой человек. Его мучило ожирение, он кряхтя ковылял по складу, ругал рабочих, которые в беспорядке сваливали мешки, и конторщика, который медленно считал их и записывал в книгу. Дядя часто доставал из кармана стеклянный пузырёк и, отсыпав на ладонь маленькие белые шарики, глотал их.

Он не любил объяснять мальчику, как пройти по городу и как найти нужного человека, какую надо купить в лавке бумагу для счетов и накладных. Каушик целый день бегал по раскалённым улицам, а возвращаясь, всякий раз боялся, что дядя набросится на него с попреками или даже поколотит.

Скоро он понял, что если переезжать через лагуну, а не обходить её по берегу, то путь сократится в несколько раз, и тогда в жизнь его вошёл новый страх — страх перед капитанами и матросами паромов. Войдя с толпой переезжающих, он прятался в трюм между мешками и сидел там, слушая, как мешаются удары его испуганного сердца с ударами судового двигателя. Ждал, когда двигатель замолкнет, раздастся гортанная команда и причальные канаты упадут на землю.

Каушик сидел на камне около дверей склада, когда его окликнул конторщик:

— Дядя зовёт, скорей, парень!

— Прохлаждаешься на улице, лучше бы подмёл около ворот. И зачем только я согласился взять тебя? — забормотал дядя. Он был в плохом настроении и даже ущипнул мальчика за ухо. — Ступай, бездельник, на центральную почту, отправишь это письмо в Бомбей. Да смотри, чтобы тебе правильно выписали квитанцию, письмо должно стоять сорок пять пайса. Вот деньги!

И он отсчитал ему монетка в монетку.

На пути в город Каушику повезло: он попал на большой паром, на котором перевозили автомобили, нашёл два грузовика, которые стояли так тесно, что между ними не мог протиснуться человек, залез под машину, лёг там около высокого, пахнущего резиной и бензином колеса и просидел всю дорогу.

За пакет с него взяли ровно сорок пять пайса, и назад он шёл без гроша. Когда подошёл к берегу, отчаливал катер. Мальчик недолго думая прошмыгнул на него мимо матроса, который собирал у сходни плату за провоз.

На корме лежали два туго набитых мешка, и Каушик, свернувшись, как хвост спящей мангусты, лёг за ними. Стучал где-то в середине катера мотор, шелестела, вылетая из-под винта, вода. Мальчик задремал.

Проснулся он оттого, что кто-то дёргал его за ногу.

— Эй, это ты мне не платил? Думаешь, я не заметил тебя? — Над самым его ухом кричал матрос, который собирал плату. — Вылезай, идём к капитану!

Он вытащил Каушика из-за мешков и повёл к мостику, на котором стоял около руля и машинного телеграфа пожилой морщинистый человек в рубашке на голое тело и в смятой морской фуражке.

— Кто ты такой? — спросил капитан, рассматривая мальчишку. Тот испуганно жался к брезенту, которым был обнесён мостик.

— Меня послали на почту.

— И поэтому ты не должен платить?

— Не сдавайте меня полиции, прошу вас, — взмолился Каушик.

— Я и не собираюсь этого делать. Кто твои родители?

Берега Кочина медленно проплывали мимо катера, от встречных лодок несло свежепойманной рыбой. Лицо у капитана было доброе, и Каушик рассказал о себе всё.

— Я хочу стать моряком, таким, как вы, — неожиданно для себя выпалил он.

— Значит, ты не хочешь жить у своего дяди? Не хочешь всю жизнь быть мальчиком на побегушках, а хочешь плавать? — протянул капитан. — Так, так... Но ведь он твой дядя, и по закону ты не можешь оставить его, пока не достиг совершеннолетия. Он, вероятно, твой опекун?

— Я думаю, что он вовсе мне и не дядя, — признался Каушик. — Он никогда не расспрашивал меня об отце и матери, а они никогда не говорили, что

у них есть в Кочине родственник. Это староста отвёз меня сюда. Он хотел избавиться от меня.

— Может быть, может быть...

Капитан задумался, а когда катер, скрипя железом о дерево, привалился к причалу, сказал:

— Ну ладно, останешься пока у нас. Посмотрим, что будет.

Так началась для Каушика новая жизнь. На катере было ещё тяжелее, чем в складе: мальчик убирал вместе с двумя палубными матросами весь катер, носил мешки с продуктами и ящики с запасными частями для мотора, научился варить обед и дежурить у трапа в самые тяжёлые ночные часы, когда слипаются глаза и плечи наливаются свинцом. Он научился обмениваться сигналами с проходящими катерами и с сигнальным постом, который наблюдает за движением по лагуне. И хотя к вечеру он валился на койку как убитый, никогда не жалел, что остался.

Однажды, когда Каушик стоял около сходни и собирал с пассажиров монетки за проезд, он увидел, что к катеру идёт дядя.

Сердце мальчика оборвалось, он метнулся по сходне и, убежав в ходовую рубку, которая была и каютой капитана, прижался к стенке.

— В чём дело? — спросил капитан. — Почему ты вошёл, не постучав?

— Здесь... Мой дядя... — пробормотал испуганный Каушик. — Я боюсь.

Капитан вышел, притворив дверь. Немного погодя застучал мотор, катер снялся. Первый раз Каушик не помогал на переходе матросам.

— Он ни о чем меня не спросил. У него очень больной вид. Я думаю, он поехал в город к врачу. Иди занимайся своими делами, — сказал, вернувшись в каюту, капитан.

Это случилось в июле в разгар муссона, когда каждый день с утра до вечера дождь развешивает

над берегом свои серые полотнища. Катер наняли тащить из одного города в другой баржу, гружённую мешками с джутом. Мешки были лёгкие, и хозяин баржи не поскупился, навалил целую гору.

Баржу привязали к катеру стальным тросом, и катер, постукивая мотором и таща её за собой, отошёл от причала. Дождь, который с утра падал мелкими каплями, набрал силу. Капли стали тяжёлыми и плотными, берег исчез за серой пеленой воды, по палубе катились пенные потоки. Лица у людей покрылись, как оспинами, жёлтыми каплями, рубахи намокли и облепили тела.

Потеряв из вида берег, капитан уменьшил ход, а затем вообще дал «стоп». Катер закачался на мелких чешуйчатых волнах. Дождь уже хлестал не переставая, стальной трос провис и ушёл в воду. Баржи за белой стеной дождя не было видно.

И вдруг случилось непонятное: трос вырвался из воды, натянулся как струна, катер поволокло назад. Матросы бросились на корму, капитан сбежал с мостика. Трос, вздрагивая, продолжал волочить их.

Наконец катер остановился, осел на корму, нос его задрался к небу, из трюма и кают с рёвом и свистом стал вылетать воздух. Катер задрожал и стремительно, кормой вниз ушёл под воду.

...Каушик очнулся в больнице, на койке. Над ним склонилось лицо человека в белом халате. Врач положил мальчику руку на лоб, послушал, как бьётся сердце, и сказал:

— Этот будет жить.

В газетах, которые прочитали мальчику, было потом написано, что мешки с джутом на барже были плохо укрыты, намокли и стали тяжёлыми, как камни. Баржа, нагруженная сверх всякой меры, стала тонуть, а когда она пошла на дно, то утащила за собой и катер. Погибли капитан и почти вся команда.

Из спасшихся никто, кроме Каушика, не вернулся на море. А Каушик — помогла газета: она собрала

нужные деньги среди читателей — уехал из Кочина, чтобы учиться, и со временем стал капитаном.

Катер, на котором он теперь служит, ходит из Мадраса на юг, в местечко Махалибапурам. Там из древних чёрных камней — древнее камней, говорят, нет на земле — изваяны в скалах храмы. Огромные чёрные безмолвные слоны поддерживают спинами своды, и тусклые оранжевые огоньки свеч днём и ночью горят перед изваяниями странных много-руких богов. В деревнях вокруг народ живёт бедно, и поэтому многие садятся на катер, чтобы попытаться счастья в большом многолюдном Мадрасе.

— Компания не потерпит, чтобы ей наносили убыток, перевоза бесплатно пассажиров, — закончил чиновник и, не прощаясь, пошёл от причала, прямой, как палка, страдающий от жары, с кожаной папкой под мышкой.

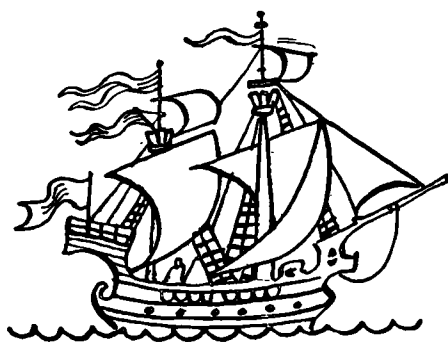
— Что он вам выговаривал, капитан? — спросил портовый механик. Они с Каушиком нравились друг другу.

— Так, пустяки.

— А что вы сказали ему? Отчего он поморщился, словно проглотил кислое яблоко бильвы?

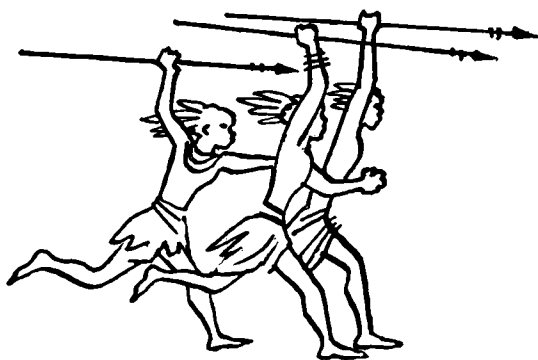
— Я сказал, что всегда, пока плаваю, буду брать в рейс по одному босоногому оборванному мальчишке. По одному, но буду. Пусть компания терпит.

КАК Я СПАС МАГЕЛЛАНА

Повести

КАК Я СПАС МАГЕЛЛАНА

ГДЕ МОЯ КИНОКАМЕРА!

Дело было вечером. Я сидел на диване и читал Серёже и Косте «Историю великих мореплавателей». Это был трагический момент — гибель Магеллана.

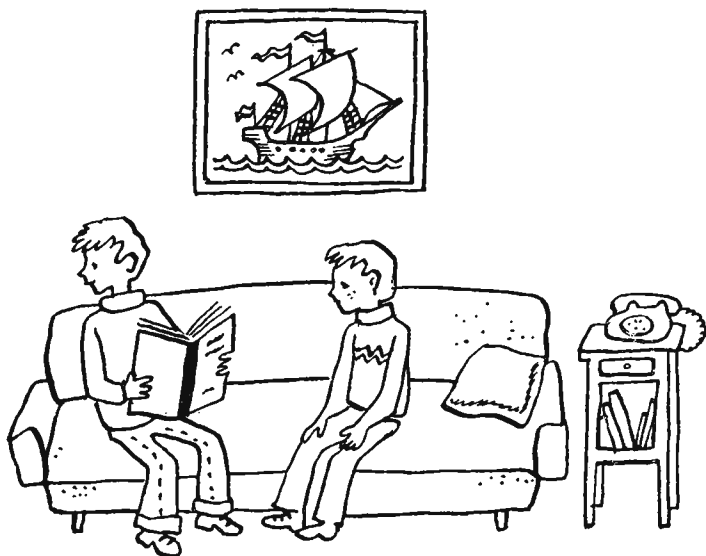
— «...Тогда отважный путешественник обернулся...— прочёл я и перевернул страницу.— «Назад, к шлюпке!» — крикнул он товарищам. Но один из туземцев поднял копьё и...»

В эту минуту зазвонил телефон.

— Да,— сказал я.— Слушаю... Участвовать в спасении судна, написать рассказ и снять фильм? Билет заказан? Через час буду на аэродроме.

Сзади меня шлёпнулась на пол книга. Я встал.

— Дети,— сказал я,— как вам не стыдно! Костик, слезь с брата. Папа улетает на Дальний Восток, а вы... Где моя бритва? Где кинокамера?

В комнату вошла жена.

— Ну конечно! — воскликнула она. — Стоило мне выйти на минуту — уже драка. Кинокамера тебе дороже детей... Почему на столе чемодан? Что это всё значит?

— Папа будет снимать кино, — сказал Костик. — Он сейчас улетает. Там что-то случилось... Ты сдался, несчастный, или нет?

ЧТО ВСЁ-ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ!

А случилось вот что.

Шёл Охотским морем португальский пароход. Шёл, шёл и наскочил на каменную мель, на острые камни, которые пробили ему борт.

«Спасите! Окажите помощь!» — передали моряки по радио.

И помощь вышла.

Про то, как наши корабли будут спасать иностранца, я должен был написать рассказ и снять коротенький фильм.

— До свидания! — сказал я. — Костя и Серёжа, идите сюда. Не возитесь. Слушайте маму. Не отворачивайтесь — вас целует отец. Про Магеллана дочитаем потом. Побриться в самолёте, что ли?..

В САМОЛЁТЕ

В самолёте никто не брился.

Реактивные моторы ревели изо всех сил.

Часы летели как минуты.

Я изучал карту.

«Вот тут Охотское море. Тут остров Сахалин. Тут Камень Опасности. На этом камне сидит португалец. Из Владивостока и Корсакова идут спасательные суда... Так... Так...»

Я поднял голову и увидел, что на меня пристально

смотрит чернобородый человек в сером костюме.

Особенно его интересовала моя карта.

Я пожал плечами и снова начал водить пальцем: Сахалин — Камень Опасности — Владивосток.

Позади меня сидела старушка с кошёлкой.

— Хорошо на самолёте, — сказала она, — двадцать часов — и дома. А раньше целый месяц добирались. Внуки вырастут, пока доедешь!

КАКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ!

Открылась дверь, и в салон вошёл лётчик.

— Внимание, — сказал он. — Владивосток не принимает из-за грозы. В Хабаровске дождь. Будем садиться в Южно-Сахалинске. Кто думает сойти, прошу сообщить мне.

Сахалин — это хорошо. Это мне как раз.

— Как — Сахалин? — зашумели в салоне. — Почему Сахалин? Нам нужно во Владивосток.

— Во Владивосток перелетим вечером. Опоздаем часа на три, — сказал лётчик.

— Какое безобразие! — сказала старушка. — Целых три часа. А говорят — самолёт. Раньше всегда по расписанию ездили.

Я искоса посмотрел на чернобородого.

Он не спускал глаз с моей карты.

«Этого человека я, кажется, где-то видел!»

НАДО СПЕШИТЬ

В Южно-Сахалинске я первым сошёл с самолёта и помчался на вокзал.

Там я купил билет до Корсакова, влез в вагон и еле дождался отхода поезда.

Тук-тук-тук! — застучали колёса.

Надо спешить! Первые корабли уже, наверное, на месте аварии.

— Почему мы так медленно едем? — спросил я проводника. — Неужели нельзя быстрее?

— Нельзя, — ответил проводник, — едем по расписанию.

— Понимаете, там корабль на камнях, а мы... Я очень тороплюсь.

Проводник ничего не сказал и пошёл кипятить чай.

Вспомнив, что мне надо побриться, я выглянул в коридор.

Около кипяtilьника стоял чернобородый и смотрел в мою сторону. Я вздрогнул и захлопнул дверь.

Через час в дверь постучали. Вошёл проводник со стаканом чая.

— Извините, — сказал он, — не хотите ли чайку, а?.. Я сам когда-то служил матросом... Скорее ехать нельзя, сами понимаете. Вы уж извините.

Из-за этого чернобородого я так расстроился, что не стал в поезде бриться.

Интересно, что ему от меня надо?

НА КАТЕРЕ

В Корсакове моему приезду очень удивились.

— Вы из Москвы? Так быстро? Первые спасатели подошли к кораблю только что. Пробоина большая — придётся поработать. Если хотите, сейчас туда идёт катер с людьми. Бегите на причал.

На катере было полно народу, вся палуба завалена ящиками.

Спуститься в каюту я отказался.

Отсюда лучше видно.

С выстрелом завелись моторы.

Катер рывком отошёл от причала и помчался к выходу из порта.

Шлёп, шлёп! — прыгал он с одной волны на другую. Он бился о волны, захлёбывался, торопился.

СПАСАТЕЛИ

В полдень на горизонте показались три корабля. Один большой и два маленьких.

Большой стоял без движения. Маленькие сновали вокруг него.

— Спасатели. Буксиры,— сказал командир катера.— Пластырь заводить будут.

Катер описал дугу около большого корабля. На его палубе стояли португальские матросы и махали нам тёмными шапочками.

Когда катер проходил под кормой корабля, я прочёл его название.

Медными буквами на корме было написано по-португальски:

МАГЕЛЛАН

Корабль сидел на мели, около его левого борта торчал большущий камень.

Этот камень и пробил ему борт.

По морю шли короткие злые волны. Они захлёстывали пробойну.

Впереди показался буксир.

— Подхожу к спасателю! — сказал командир катера.

Я перебрался с катера на буксир, буксир подошёл к «Магеллану», работа началась.

Через час здесь было как на заводе. Тарахтел дизель. Трещала электросварка. Грохали молотки.

Матросы, как муравьи, облепили пробойну. Они резали огнем железо. Ровняли края пробоины. Сбивали заусеницы. Заваривали трещины в борту.

Я вынул кинокамеру и начал снимать.

В лицо мне летели огненные брызги.

Палуба под ногами качалась.

Матросы работали весь день и всю ночь.

К утру края пробоины были заглажены.

Тогда на неё наложили громадную заплату — пластырь. Толстенное брезентовое одеяло, прошитое стальной проволокой. Пластырь крепко привязали.

Пробоина снаружи была закрыта.

Затем на «Магеллан» передали несколько бочек с цементом.

Задрав голову, я снимал, как поднимают бочки. Зелёная едущая пыль садилась мне на лицо.

Вместе с португальцами наши матросы изнутри залили цементом пробоину.

— Теперь чопы! — сказал начальник спасателей.

Я удивился. Что такое чоп?

— Чоп? — переспросил начальник. — Очень просто! — Он хлопнул ладонью по кулаку. — Чоп! — и дырки нет.

Принесли целый ящик деревянных остроконечных пробок. Ими стали забивать мелкие дыры.

Чоп! Чоп!

ПОД ВОДОЙ

— Не хотите ли спуститься под воду? — спросил начальник. — Сейчас водолазы пойдут осматривать дно.

Я кивнул.

На меня натянули белый водолазный костюм. Надели и привинтили шлем. Дали в руки специальную подводную кинокамеру. Обвязали верёвкой и спустили за борт.

Шшу! Шшу! — с шумом врывался в шлем воздух. Его подавали через шланг.

За круглыми окошками шлема стоял зеленоватый полумрак. Впереди смутно чернея борт «Магеллана».

Течением меня поднесло к борту. Я увидел перед

собой железную стену, поросшую пушистыми зелёными водорослями. Среди них белели острые, как собачьи зубы, раковины.

Справа и слева от меня копошились водолазы. Они осматривали — метр за метром — борт, камни, дно.

Скоро пароход будут тащить с мели.

Я поднял голову, начал снимать водолазов и так увлёкся, что забыл выпускать из костюма лишний воздух.

Костюм раздулся, и я, как громадная белая лягушка, всплыл на поверхность.

За верёвку меня подтащили к буксиру.

Громяхая свинцовыми башмаками по лесенке и спотыкаясь, я вскарабкался на борт.

САМАЯ ВАЖНАЯ МИНУТА

Водолазы доложили:

— Судно можно снимать с камней!

Но прежде чем тащить пароход с мели, его разгрузили.

«Магеллан» вёз бананы. Вода попала в трюм, и бананы испортились.

Их выбросили в море. Сладкий запах растекался вокруг корабля. Усатые тюлени удивлённо обнюхивали зелёные бананы, плавающие между волн.

Воду, попавшую внутрь «Магеллана», выкачали к исходу второго дня.

Настала самая важная минута.

Я залез с кинокамерой на мачту.

Два буксира стали впереди «Магеллана» и подали ему на палубу толстые стальные канаты.

Канаты закрепили за чугунные тумбы — кнехты. Буксиры дали ход, и корабль медленно пополз вперёд.

Он полз по камням, сдирая с железного днища ракушки и водоросли, оставляя за кормой чёрный расплывчатый след.

Ещё немного... ещё... и корабль закачался на чистой воде.

Теперь спасатели поведут его в порт. На ремонт. Мой фильм окончен.

«МАГЕЛЛАН»

Перед отъездом я решил побывать на «Магеллане».

Спасательный буксир подошёл к пароходу, и по узкой верёвочной лесенке я поднялся на его палубу.

Меня встретил португальский капитан. Рядом с ним стоял... чернобородый.

От неожиданности я раскрыл рот.

— Кто вы такой? — еле выдавил я из себя.

Чернобородый тоже растерялся.

— П-переводчик. А собственно, почему вы... Батюшки, да ведь мы с вами летели из Москвы! Вот встреча! Вы так обросли — не узнать.

— Да? — Я потрогал рукой подбородок. — Так вы переводчик? — Я рассмеялся. — Ну конечно, ведь команда-то — португальцы. А я вас сразу не узнал.

— Ещё бы! — сказал чернобородый. — Помню, у вас в самолёте ещё карта была. Сахалин, Охотское море... Я хотел заговорить, но вы с аэродрома убежали. Вы где живёте в Москве?

— На Арбате.

— И я на Арбате!

Так вот где я его видел!

— У меня там девочка. Тихая такая, послушная. А у вас?

Я вздохнул...

Потом я осмотрел корабль и даже снял ещё несколько кадров для фильма.

Капитан, матросы, переводчик наперебой объясняли мне, как пароход сел на мель и что, где у него теперь поломано.

— Ну, до свидания! — сказал я. — Кстати, се-

годня уходит самолёт. Катером можем успеть. Махнули?

— Да нет,— с огорчением сказал чернобородый.— Мне тут переводить ещё с месяц. Придётся остаться. Может, побреетесь? У меня каюта.

— Спасибо,— сказал я,— три дня не брился, потерплю ещё день. Вернусь заросший, как древние мореплаватели. Вот соснуть бы — это да. А знаете, отличный фильм получится!

«...НА ЧЁМ МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ!»

В Москву мы прилетели вечером. Когда я добрался до дому, было совсем темно.

— Боже, на кого ты похож! — сказала жена.— Не целуй детей, ты выколешь им глаза. Уложи мальчиков спать, я жарю котлеты.

— Четыре дня! — с гордостью сказал я.— Четыре дня — двадцать тысяч километров, восемьсот метров киноплёнки, всего шесть часов сна. Как вы себя вели?

— Прекрасно,— ответил Костя.— Мы шлушались вших.

— Почему ты шамкаешь? — закричал я.

— У меня выпал жуб. Шерёшка шел мне на рот.

— Как это можно сесть человеку на рот? — возмутился я.— Стоило мне уехать на четверо суток... Десятый час. Почему вы не спите?

— Почитай нам! — попросил старший.

Я взял с полки книгу.

— Улеглись?.. Итак, на чём мы остановились?

— Магеллан шкажал: «Нажад к шлюпке!»

— Ах да... Ну вот: «Один из туземцев из тех, что напали на испанских моряков,— Магеллан был португалец на испанской службе,— поднял копьё и...»

Я посмотрел в испуганные глаза ребят и сказал:

— Впрочем, Магеллан был спасён.

Я захлопнул книгу и рассказал им всё, что видел

за эти четыре дня. Про самолёт, который летел из Москвы на Дальний Восток всего двадцать часов.

Про моряков, готовых в любую минуту прийти на помощь друг другу.

Про зелёные бананы, которые плавали вокруг корабля.

Про маленькие спасательные буксиры и огромный израненный пароход.

Про то, как был спасён «Магеллан».

БЕЗНОГИЕ ГОЛОВОНОГИЕ

НОГИ НА ГОЛОВЕ

Однажды меня вызвали в издательство, где делают книги о животных, и сказали:

— Собирайтесь на Дальний Восток. Нам нужны фотографии головоногих.

— Каких головоногих? — удивился я.

— Обыкновенных: осьминогов, каракатиц, кальмаров. Книга про них готова, а фотографий нет.

Я вспомнил: головоногие — это морские животные, у которых ноги-щупальца растут на голове.

— Ой, как далеко! — сказал я. — Нельзя ли поближе? У меня скоро отпуск. Я щук собрался ловить. Вдруг лето пропадёт?

— Не пропадёт, — ответили мне. — Поймаете ещё своих щук. Собирайтесь и поезжайте.

И я поехал.

ОСТРОВ В МОРЕ

Через неделю я был уже на Дальнем Востоке, в Японском море, на острове.

Остров был зелёный-зелёный. Над ним всё время

висели облака. С моря на остров наплзали туманы. Они катились по земле и оставляли на траве, на камнях, на листьях серые капельки воды.

На острове жили рыбаки. Каждое утро рыбаки уходили в море, а вечером их жёны и дети собирались на причалах встречать суда.

На каждом причале стоял длинный дощатый лоток. В лотки насосы качали воду. Рыбачьи судёнышки-сейнера подходили к причалам, рыбаки сваливали рыбу в эти лотки, и она текла вместе с водой прямо в цех, на рыбный завод.

ЧАН И ВЕДРА

Я как приехал, так сразу же пошёл на завод узнавать, как тут можно снять головоногих.

— Ну, это просто,— сказали мне на заводе.— Все рыбаки подчиняются начальнику лова. Он пошлёт вас на сейнер. Будете ходить в море, опускаться на дно в водолазном костюме. Там и осьминоги, и каракатицы, и кальмары — только снимай.

— А где начальник?

— Только что был. Мотается взад-вперёд. А вот и он сам!

За стеной цеха что-то затарахтело, и прямо к двери подъехал на мотороллере человек в клетчатом свитере.

«Сразу видно — начальник! — подумал я.— Все по заводу пешком ходят, а этот — на мотороллере!»

И я рассказал ему, зачем прибыл на остров.

— Всё ясно,— сказал начальник.— Идите на сейнер, я прикажу дать водолазный костюм. Вы под воду спускались?

— Несколько раз. Но, видите ли... Дело в том, что я тороплюсь. У меня отпуск. Мне бы как поскорее...

— Ах, вот оно что! — сказал начальник.— Тогда снимайте в чане.

Он отвернулся от меня, пнул ногой свой мотороллер. Трах-трах! — мотор завёлся, и начальник умчался.

Тогда рабочие повели меня на берег моря к цементным чанам. В этих чанах солили рыбу. Несколько чанов стояли пустые и заброшенные.

— Этот подойдёт?

Я наклонился над чаном. В нём давно ничего не солили. На дне его лежали битые кирпичи, смятый голубой таз и чёрная эмалированная дощечка с надписью: «Вход воспрещён!»

«Видно, где-то разрешили вход!» — подумал я, а вслух сказал:

— Подойдёт!

Рабочие притащили из цеха пожарный шланг и напустили в чан солёной морской воды.

В это время сейнера выгружали улов. Рабочие сбегали на причал и вернулись оттуда с тремя ведрами.

— В этом ведре осьминог, — сказали они. — В этом — каракатицы. Здесь — кальмары.

Ногастый осьминог не помещался в своём ведре. Он был похож на кусок студня и всё время вытекал из ведра.

Кальмары метались и брызгались. Только каракатицы сидели спокойно.

МАТРОС ПАША

Головоногих бросили в чан, и они там разбежались.

Осьминог тотчас же спрятался за таз. Он сидел красный, злой, тяжело дыша. Из-под щупалец у него торчала какая-то трубка. Она то и дело раздувалась и сжималась. На поверхности воды вздувался и опадал маленький бурун.

Коричневые кальмары носились от одной стенки к другой. Они то плавали, как рыбы, шевеля хво-

стами, то мчались задом наперёд, выталкивая из себя, как ракеты, струи воды.

Зелёные каракатицы копошились на дне.

— Смотрите, сейчас перекрашиваться будут,— сказал кто-то.

И верно: две каракатицы забрались на осколки кирпичей и сразу стали кирпичного цвета. Щупальца поджали — не отличишь от камней. Третья каракатица залезла на дощечку «Вход воспрещён!», стала чёрной и покрылась пятнами, похожими на буковки.

Смеркалось.

— Ну, теперь всё в порядке! — сказал я.— Большое спасибо вам, выручили. Завтра же я их чик-чик — и сниму. Только надо кого-то попросить, чтобы ночью присмотрел за чаном.

— А тут на причале всегда матрос. Он и присмотрит.

— Давайте матроса.

— Тётя Паша!

«При чём тут тётя Паша?»

К чану подошла женщина с красной повязкой на рукаве.

— Тётя Паша,— сказали ей,— тут у приезжего товарища в чан животные посажены. Ты присмотри за ними.

— Есть присмотреть! — ответила матрос тётя Паша.— Куда они денутся? Чай, не летают. И безногие.

— Не летают! — сказал я.— И безногие. Но вы всё-таки присмотрите.

И пошёл спать.

ГДЕ КАЛЬМАРЫ!

Рано утром я прибежал к чану.

— Привет! — сказал я тёте Паше.— Как прошла ночь?

— Да так и прошла. Никто к чану не подходил,— ответила тётя Паша.— Привет!

«Вот и хорошо! — подумал я. — Сейчас всё сниму!»

Наклонился над чаном, стал считать своё хозяйство. Осьминог на месте, каратицы на месте, кальмары... Кальмаров нет.

— Пойдите, а где же они?

— Там.

— Нету!

Осмотрели мы с тётёй Пашей весь чан. Нет кальмаров.

— Н-да! — сказал я. — Таинственное исчезновение. Куда они могли деться? Не по воздуху же улетели!..

В это время мимо проезжал начальник лова. Я хотел было спросить, куда могли деться кальмары, но мотороллер обдал меня синей струёй дыма, и начальник — трах-тах-тах! — промчался мимо.

— Всё ему некогда, — сказала тётя Паша. — И носится, и носится... Я уже целый месяц не могу с ним поговорить. Стара стала, мне бы с причала перевестись в какое-нибудь тёплое место: на склад или ещё куда... А вы что, уже снимаете?

— Ага, снимаю. Каракатиц.

— Да их и не видать. Глядите-ка, мусору сколько на дне.

— Ничего, — ответил я. — А впрочем, можно и почистить.

ГДЕ КАРАКАТИЦЫ!

Я сбегал в цех, достал резиновые сапоги, натянул их и залез в чан. Стою по колено в воде, достаю кирпичи. Сначала я их по одному выбрасывал, потом стал в таз собирать. Наберу полный — передам тётё Паше, та его к морю — и выплёт. Убрали мы с ней кирпичи, выбросили «Вход воспрещён!», выбросили таз. Стало дно чистое.

— А где же каракатицы? — вдруг спрашивает тётя Паша.

Посмотрел я — в чане один осьминог.

Видно, с кирпичами мы и каракатиц выбросили. И когда это они успели в таз залезть? Хорошо, что я их уже снял.

Теперь — осьминога.

Взвёл я у аппарата затвор, подошёл к самому краю чана. Осьминог внизу закопошился — и в сторону.

Я к нему — он от меня. Как серое облако, поднимается и катится прочь. Разве так снимешь?

Надел я снова сапоги и влез в чан. Прижал осьминога к стенке. Навёл на него аппарат. И тут осьминог как вздрогнет! Из трубки его в воду как ударит тёмная струя! Расползлась вокруг осьминога чёрная дымовая завеса. Стал чан похож на громадную чернильницу.

Я махнул рукой и вылез. Долго сидел возле чана, ждал, когда осядет чернильное облако.

Осело. Вижу — всё дно покрыто чёрными хлопьями. Осьминог возле стенки сидит усталый, бесцветный. Какие тут съёмки! Отошёл я от чана, сел на перевёрнутый ящик.

«Вот тебе, — думаю, — и чик-чик!»

Тут раздался голос тёти Паши:

— Гражданин, смотрите-ка, удирает!..

Я обернулся. Над чаном торчали два чёрных осьминожьих глаза.

КАК УБЕГАЛ ОСЬМИНОГ

Глаза исчезли, и над стенкой показались кончики щупалец. Щупальца перебрались через край и, как змеи, соскользнули вниз. Осьминог трогал ими песок.

Песок был колючий, сухой. Осьминогу это не понравилось. Он снова приподнялся над чаном, выставил между щупалец трубку и пустил из неё на землю струю воды.

— Мне что, обратно его толкать или как? — спросила тётя Паша.

— Не надо!

Осьминог приподнялся, перевалил через стенку студенистое, вислое, как мешок, тело, опустился на мокрую землю и пополз по ней.

До воды ему было шагов десять. Сначала он полз быстро, потом всё медленнее. Наверное, песок царапал его мягкое тело. Осьминог побагровел и стал шумно, со свистом дышать.

— Придётся ему помочь! — сказал я.

Но осьминог дополз сам. Он выпустил вперёд на разведку одно щупальце. Оно коснулось воды. Тотчас же всё тело животного подтянулось, собралось в тугой шар, снова легко заскользило по песку. В воде осьминог сразу же повернулся, набрал в себя воду и выбросил её сильной струёй на берег. От толчка щупальца его сложились, как прутья зонтика, тело вытянулось, и он поплыл вдоль причала. Он плыл, то раздувая, то сжимая тело, потом изогнулся и, взмахнув щупальцами, исчез в глубине.

— Ишь как пошёл! — сказала тётя Паша. — Не захотел сидеть в яме.

Я вздохнул:

— Не захотел. Что теперь делать будем, тётя Паша?

НЕ ТОРОПЯСЬ

В это время к нам подошёл начальник лова. Пешком.

— А где ваш мотороллер? — удивился я. — Испортился?

— Да нет. — Начальник даже смутился. — Я решил так ходить. Понимаете, на машине большая скорость, проскакиваешь людей, не успеваешь даже поговорить с ними. Вот вы, например... Как ваши головоногие?

— Разбежались. Безногие, а удрали. Ничего не вышло.

— Ага! — сказал начальник лова. — Я так и думал. Только не успел вам сказать. Что собираетесь делать?

— Право, не знаю. Может, ещё раз попробовать?

— Бросьте! Видите сейнер? Сегодня он уходит на ночной лов кальмаров. Идёмте с ними. Будете плавать, снимать не торопясь. Только оденьтесь потеплее — в море холодно.

КУСОЧЕК ЛЕТА

Я стоял на мостике сейнера и смотрел, как рыбаки готовят снасти на кальмаров. Сейнер неторопливо шёл вперёд.

Вдоль бортов висели катушки с ручками. Рыбаки вертели их и наматывали на катушки блестящие капроновые лески. Вместо приманки на лесках висели жёлтые и красные пластмассовые подвески с крючками.

Вдруг у самого борта кто-то выскочил из воды, пронёсся над палубой и шлёпнулся далеко впереди в воду.

— Рыба играет! — сказал я.

— Это не рыба, а кальмар, — поправил меня начальник лова; он стоял рядом. — Они так и на палубу залетают. Бывает, шлёпнулся — и пропал, осох!

Я вспомнил, как исчезли из чана кальмары, и засмеялся. Так вот куда они делись: улетели по воздуху!

— Вы что смеётесь? — удивился начальник.

— Да нет, это я так. Понимаете, хотел поскорее сделать снимки и вернуться. Отпуск у меня вот-вот, а я любитель-рыболов. Щук думал половить. Лето под Москвой тёплое. А здесь оно как?

— Кусочками: холодное, тёплое, опять холодное.

В это время облака над морем разошлись и вы-

глянуло солнце. Вода из серой стала синей. На мостике потеплело.

— Вот и кусочек лета,— сказал начальник.— Успеете вернуться к своим шукам... Вы ночной лов когда-нибудь видели?

— Нет.

— Ахнете.

НОЧНОЙ ЛОВ

Сейнер шёл долго. Я спустился в каюту и уснул. Ночью меня разбудили.

Вышел я из каюты, поднялся по узенькому железному трапу на палубу и действительно ахнул.

На спокойной ночной воде покачивался целый город.

Десятки судов стояли на месте, и у всех между мачтами горели голубым огнём цепочки электрических ламп.

У бортов теснились рыбаки. Они вертели ручки катушек, капроновые лески убегали вниз на глубину и возвращались, таща на крючках пляшущих, щёлкающих хвостами кальмаров.

— Осторожнее, берегите глаза! — крикнул мне начальник лова.

Он тоже стоял около катушки. На жестяном лотке перед ним билось сразу три или четыре животных. Они плевались — выпускали из себя струи воды и тёмной чернильной жидкости.

«Это от неё надо беречь глаза», — понял я.

Я поднял фотоаппарат, включил лампу-вспышку и начал фотографировать.

При ярком голубом свете и люди, и кальмары, и само судно казались ненастоящими, вымышленными. Лица у рыбаков были зелёные, куртки — лиловые, кальмары на палубе — чёрные.

— Что стоишь? — крикнул мне кто-то.— Вон свободная!

Я подошёл к свободной катушке, повернул её ручку, и из воды, трепеща и брызгаясь, показался кальмар.

«Зачем это я? Мне ведь нужны живые, непойманные!»

Я свесился с аппаратом через борт.

Там из чёрной глубины всплывали на свет стаи кальмаров. Они плыли, как рыбы, держа строй, вытянув вперёд щупальца, тараща чёрные пуговичные глаза.

Они, наверное, не видели сейчас ничего, кроме голубого света наверху и пёстрых, блестящих подвесок.

Вытянув щупальца, кальмары плыли прямо на меня.

ЗА ОСЬМИНОГОМ

— Ну вот, а теперь пойдите в море с водолазами. Попросите их достать вам осьминога, а потом снимите его под водой, — сказал мне через несколько дней начальник лова.

И я пошёл на водолажном катере с добытчиками раковин мидий.

Шкипер — старшина катера — объяснил водолазу:

— Мидии мидиями, а если увидишь осьминога, тоже бери. Товарищу из города нужно. Понял?

— Понял.

Мы стали на якорь около небольшого островка.

На водолаза надели костюм. Он взял в руки верёвочный мешок — питомзу — и шагнул за борт на ступеньки железной лесенки.

На плечи водолазу поставили медную голову — шлем. Привинтили. Шлёпнули по макушке. Пошёл!

Водолаз опустил руки, повалился в воду. В том месте, где он исчез, всплыло целое облако пузырей.

Я представил, как водолаз идёт по дну и тащит

за собой тяжёлый резиновый шланг и телефонный провод. За водолазом тянулась, как хвост, белая дорожка пузырей. Она тянулась от катера к берегу.

Мне дали телефонную трубку.

В трубке было слышно, как шумит, врывается в шлем воздух, как тяжело дышит водолаз.

— Ушёл! — послышалось наконец в трубке.

— Кто ушёл?

Водолаз не ответил. Белая дорожка повернула назад.

Когда водолаз вернулся к катеру, ему бросили на дно верёвочку с крючком. За верёвку вытащили питомцу, полную чёрных раковин мидий.

Они были похожи на огромные семечки.

— Почистят, сварят — будут консервы! — сказал шкипер.

Водолаз теперь ходил около самого катера. Пуф! Пуф! — шумело в телефонной трубке.

Вдруг в ней защёлкало, забормотало. Вода за кормой катера закипела, и в облаке пузырей показалась зелёная рубаха водолаза.

На ней шевелилось что-то красное, ногастое.

— осьминог! — закричал я.

Из каюты выскочили моторист и матрос. Вместе со шкипером они подтащили водолаза к борту.

— Раз! Два! — Мы перевалили водолаза вместе с его добычей через борт.

Здесь осьминог отпустил человека, со свистом засосал в себя воздух, зашипел, начал горбиться, расти вверх. Щупальца с белыми присосками укорачивались, поджимались. В полуприкрытых белыми шторками глазах чернел испуг. Вокруг глаз сбегались морщинки.

Я поднял аппарат и сделал снимок, второй.

Теперь самое главное — снять осьминога под водой.

Водолаз разделся, и его медноголовый костюм надели на меня.

Для подводных съёмок у меня был специальный

аппарат в чехле. Я взял его, и меня опустили за борт.

Над мной засветилось серебристое небо. Это была поверхность воды.

Внизу, под ногами, зачернела, заиграла пятнами земля — морское дно.

Я повис между небом и землёй.

Над головой парил, как дирижабль, катер. Качалась спущенная с него в воду лесенка.

— Готовы? — спросил по телефону шкипер.

— Готов.

На ступеньках лесенки показались чьи-то резиновые сапоги. Потом в облаке пузырей появилось тело осьминога. Оно плавало надо мной, как большой розовый зонт.

Я начал снимать его.

Поняв, что он на свободе, осьминог сложил щупальца и поплыл вниз, раздувая и сокращая тело.

Когда он проплывал мимо меня, я опять увидел его глаза. Они были печальные и усталые. Вокруг глаз белели морщинки.

Осьминог сделал круг подо мной и сел, как на парашюте, на дно.

Невдалеке от него белела груда камней. Клубясь и раздуваясь, осьминог двинулся к ней. Он успокаивался и был уже не розовым, а серовато-зелёным. Дойдя до камней, выбрал щель поуже и начал забираться в неё. Щель была маленькая, а осьминог большой. Он плющился, тянулся, как резина, вползал.

Через минуту его уже не было видно. Потом из расселины снова показалось щупальце. Оно на ощупь выбрало плоский голыш, подняло его и скрылось, заложив камнем вход.

Дверь заперта. Теперь можно отдыхать. Можно приходить в себя. Наверное, это очень страшно — встретиться с человеком и быть вынутым из воды.

Я сказал: «Всё!» — и меня начали поднимать.

Всё. С головоногими всё.

В МОСКВЕ

Когда я пришёл в издательство, там долго рассматривали мои снимки.

— Так. Осьминог... Кальмары... Отлично! А где каракатицы?

— Вот тут.

— Простите, здесь одни кирпичи.

— Тогда вот тут.

— А здесь какая-то дощечка: «Вход воспрещён!»
Зачем вы её сняли?

— Понимаете, тут и каракатицы есть. Только их плохо видно — они замаскировались. Вы присмотритесь.

— Где?.. Вот это?.. А-а? Смотрите какие хитрые! Отличная фотография. Мы так её и назовём: «Где каракатицы?» Ну, как лето на Дальнем Востоке?

— Кусочками.

— Вы теперь в отпуск? Ловить шук?

— В отпуск. Да что там шуки!..

Я вспомнил, как качается на воде целый голубой город, как всплывают к нему из глубины стаи кальмаров.

— Они плывут и шевелят щупальцами... — рассказывал я.

ЦУНАМИ

НА КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

У меня есть приятель — художник. Зовут его Коля. Приходит он как-то раз ко мне и говорит:

— Ты знаешь, я еду на Курильские острова в гости к одному знакомому. Фотокорреспонденту. Десять лет живёт в тех краях — то на одном острове, то на другом, — делает снимки для газет. Может, и ты поедешь, а? Вдвоём веселей.

Я стал было отказываться, а потом подумал и согласился.

Провожать нас на аэродром пришли все Колины родственники. У меня родственников раз-два и обчёлся, а тут набежало человек двадцать!

Родственники сдали наши вещи в багаж и стали ждать, когда объявят посадку.

На бетонном поле стояли, подняв крылья, узкие, длинные самолёты.

— Да-а,— говорили родственники,— ничего себе поездку выбрали — на Тихий океан! Учтите, там много вулканов и бывают землетрясения. Будьте осторожны! Как только начнёт трясти, ложитесь на землю.

— Хорошо,— пообещали мы,— ляжем.

— И пишите как можно чаще. Мы будем волноваться.

Они вручили нам целую пачку открыток.

Объявили посадку. Мы забрались в машину. Самолёт заревел моторами и унёс нас на восток, навстречу солнцу.

ВУЛКАН ТЯТЯ

Мы прилетели в город на берегу океана, сели там на пароход и поплыли.

Прошёл день, другой, и вот, наконец, появились Курильские острова.

Наш пароход плыл мимо высокой горы. Она занимала половину неба.

Вершина у горы была срезана, и над ней виднелась ещё одна, маленькая, вершинка.

— Вот так горища! — сказал я.

— Это, наверное, вулкан,— сказал Коля.

Мы стояли на палубе. Была ночь. Дул сильный ветер. Белые звёзды, большие, как фонари, качались над нашими головами. Рядом с нами стоял ещё какой-то пассажир — в сапогах и в ватнике. Он всё

время переминался с ноги на ногу, и от этого сапоги его ужасно скрипели.

— Вулкан Тятя,— сказал скрипучий пассажир.— Вы что, нездешние?

— Нет.

— Вы что — художник? — спросил он.

— Художник.

— То-то, я смотрю, всё время рисуете.

Впереди вспыхнул огонёк. Он словно выскочил из моря и весело замигал: свет — темнота, свет — темнота...

— Вот и маяк показался,— сказал пассажир.— Скоро придём.

Мы хотели спросить у него, не знает ли он, случайно, Колиного фотокорреспондента, но он уже ушёл: скрип-скрип...

СТАНЦИЯ ЦУНАМИ

Утром пароход вошёл в узкую бухту. Мы сошли с него и отправились в посёлок искать Колиного знакомого.

У нас был его адрес: «Остров Шикотан. Станция цунами».

В посёлке, видно, жили рыбаки: у причалов стояли моторные суда, около домов сушились сети, от завода на берегу шёл густой запах рыбы.

Мы остановились возле небольшого двухэтажного дома. На его двери висела дощечка: «Станция цунами».

— Вот и пришли! — сказал Коля.

На пороге показалась черноволосая девушка.

— У вас живёт фотокорреспондент?

Девушка улыбнулась.

— У нас. Только его сейчас нет.

— А где он?

— Ушёл. Вы его товарищи?

Теперь заулыбались мы.

— Да. Вот приехали погостить.

— Ну что ж, располагайтесь,— сказала девушка.— У нас на станции часто живут приезжие... Что же вы стоите?

Мы вошли в дом.

— Вот его койка. А вы занимайте те, свободные.

Я потрогал койку корреспондента. Одеяло на ней было примято, будто кто-то только что сидел.

— Куда же он ушёл?

— Неподалёку, на маяк.

Мы сложили свои вещи под кровати и отправились смотреть посёлок. По дороге мы заглянули на почту и отправили Колиным родственникам первую открытку. В ней мы написали:

*ПРИЕХАЛИ! РАСПОЛОЖИЛИСЬ НА СТАНЦИИ
ЦУНАМИ.*

ЧТО ТАКОЕ ЦУНАМИ!

Вечером мы сидели за столом среди сотрудников станции, и они рассказывали нам, что такое цунами.

— Цунами, понимаете,— это волны, которые получаются при подводных землетрясениях,— объясняли они.— Эти волны бывают очень большие, метров двадцать в высоту. Один японский пароход был заброшен такой волной в самый центр города! А в другом городе волна, затопив улицу, сорвала с фундамента деревянный дом и унесла его в океан... Так вот наша станция должна замечать самое начало землетрясений и предупреждать о них жителей... Между прочим, ваш знакомый очень хотел заснять цунами. Только они бывают редко: последний раз — сильное — было лет пятнадцать назад.

Я вспомнил про корреспондента и посмотрел на часы.

— Что-то запаздывает твой приятель,— сказал я Коле.

Тот пожал плечами.

— Да вы не волнуйтесь,— успокоила нас черноволосая девушка.— Он тут недалеко, на Краю Света. Задержался наверное.

Мы очень удивились: какой ещё край света? Земля-то ведь круглая, никакого края у неё нет!

— Край Света — это мыс. Крайний мыс нашего острова,— объяснила девушка.— За ним океан, вода до самой Америки! Можно плыть месяц, и не увидишь никакой земли.

— Вот это да! — сказал Коля. Он посмотрел на меня, и я понял, что ему страшно захотелось на Край Света.

— А что, если и нам сходить туда? — сказал я.— Приходим, а этот человек там!

— Сходите.

Нам стали объяснять дорогу.

— Выйдете из посёлка, будет тропинка. Пройдёте по ней, она приведёт вас прямо к маяку. Только никуда не сворачивайте — кругом бамбук. Вы знаете, что такое бамбук?

— Конечно, знаем: из него делают удочки!

— Вот-вот. Там, в бамбуке, много медведей. Отдохните, а утром пойдёте.

ТРОПИНКА

Чуть свет мы отправились в путь.

Тропинка вилась по склону сопки. Сначала она шла над посёлком, потом свернула в глубь острова. Мы брели с сопки на сопку, мимо поросших голубым мохом елей, мимо громадных лопухов и высокой, в рост человека, дикой гречихи. Потом лопухи и гречиха исчезли, тропинка запетляла в низкой траве.

— Смотри, Коля, какая подозрительная трава,— сказал я.— Она мне что-то напоминает... я где-то её видел...

— Удочки — вот что она тебе напоминает, — ответил Коля. — Это бамбук.

Бамбук-лилипут! Мы засмеялись и пошли дальше. Мы перевалили через сопку и наконец почувствовали в воздухе сырость и услышали ровный сильный гул.

— Океан! — сказал Коля.

Он первый взбежал на пригорок. Перед нами была бесконечная синяя вода, белая паутина волн, берег, а на берегу — каменная башенка. Маяк!

Оставалось только спуститься к нему. Но тропинка упрямо не хотела идти вниз. Она карабкалась с вершины на вершину... Мне это надоело, и я сказал:

— Слушай, Коля, давай махнём напрямик!

— Ты что! А бамбук?

Разве это бамбук!

Бамбуковые кисточки едва доставали нам до колена. Мы переглянулись и сошли с тропинки.

В БАМБУКЕ

Я плыл по зелёной траве, как пароход. Бамбуковые листья обтекали мои колени, как вода.

Сзади брёл Коля.

Скоро бамбук стал выше. Его листья уже стегали нас по животам.

— Может, повернём? — предложил Коля.

— Ну да!

Я сделал шаг и ухнул в яму. Листья с треском соединились над головой. Из ямы я вылез весь перепачканный и исцарапанный. Колина голова качалась далеко впереди. Бамбук был ему уже до плеч.

— Давай повернём! — крикнул я.

Мы повернули, но — удивительное дело! — бамбук, вместо того чтобы уменьшиться, стал ещё выше. Пошли налево — под ногами оказалась топь. Повернули направо — наткнулись на стену колючих кустов.

Я шёл, падал, поднимался и падал вновь. Колю я уже не видел. Только слышал, как он трещит позади. «Молодец, хорошо идёт!»

Я брёл напрямик, теряя силы, не разбирая пути. Во рту у меня пересохло, ноги слабели. И вдруг передо мной открылась поляна. Узкая, длинная, она вела прямо вниз, к берегу. Должно быть, по ней когда-то лесорубы спускали брёвна.

Я вывалился из бамбуковой чащи, шлёпнулся на землю и прохрипел:

— Коля-а-а!..

В бамбуке затрещало.

— Сюда-а-а!..

— Иду-у!..— раздался Колин голос, и я увидел, что Коля стоит на той же поляне, только ниже, чем я. Кто-то невидимый, кого я всё время принимал за Колю, ломая с хрустом бамбук, удалялся.

— К-коля,— заикаясь, спросил я, когда мы сошлись,— т-т-т-ты давно здесь?

— Минут пять. А что?

— Н-н-ничего.

Я понял, кто бродил со мной в бамбуке.

КРАЙ СВЕТА

Двигаясь по поляне вниз, мы спустились к маяку. Он стоял на мысу, на высоченной скале,— белая башня с кольцевым балкончиком наверху.

Навстречу нам из башни вышел человек в синем кителе.

— Смотритель маяка,— представился он.

Мы рассказали, зачем пришли.

— Ах, как жаль! — сказал смотритель.— Ведь ушёл ваш приятель! Вчера целый день был, а сегодня утром ушёл. На катере пошёл к Дальним скалам каланов снимать, морских выдр. Вот тут всё бродил.

На тропинке я заметил след — отпечаток большого башмака с шипами, как у футболистов.

— Опять не успели! — сказал я. — Какой-то неуловимый человек! Ну что ж, идём, Коля?

— Куда вы? — сказал смотритель. — Отдохните у меня.

Отдыхать мы не стали, а по узкой винтовой лесенке забрались наверх, на балкон. Обточенная водой скала была теперь внизу, у наших ног. Волны, как чешуйки, вспыхивали у подножия скалы.

У меня под каблуком хрустнул кусочек стекла.

— Опять окна брызгами побило! — пожаловался смотритель. — Как шторм, так бьёт. Хлещет — только держись!

До воды от нас было метров пятьдесят.

— И часто штормит? — спросил я.

— Зимой не перестаёт.

Мы спустились вниз. Коля уселся у подножия башни, достал альбом и начал рисовать. Он нарисовал зимний суровый берег, заснеженную скалу. Чёрные волны шли в наступление на неё. Белая пена так и летела вверх, туда, где светил фонарь. Далеко в море плыли корабли. Маяк Край Света показывал им дорогу.

ВТОРАЯ ОТКРЫТКА

Вечером Коля сел писать вторую открытку:

*БЫЛИ НА КРАЮ СВЕТА. КТО-ТО ШУРШАЛ
В БАМБУКАХ.*

— Вернёмся домой — расскажем подробнее, — сказал он, засмеявшись, — а то прочтут, что мы едва не заблудились, и станут волноваться. Ты ещё не знаешь моих родственников!

— Да, не везёт вам с вашим приятелем! — сказала девушка. — Этот корреспондент — вообще беспокойный человек. Что же вы будете делать? Пойдёте за ним на Дальние скалы?

— Придётся.

Мы разговаривали в подвале, где в этот день дежурила наша знакомая. Тут было много приборов. Тихо стучали часы.

— Вот наш самый главный прибор, — сказала девушка и подвела нас к столу.

Над столом вращался большой чёрный барабан. Неподвижная стрелка касалась его поверхности и оставляла едва заметную линию-царапину.

— Когда на океанском дне всё тихо, — объяснила девушка, — эта стрелка чертит прямую линию. Но представьте себе подземный толчок, качнулось дно океана, вздрогнул остров. Мы, люди, ещё ничего не чувствуем, а стрелка уже задрожала, линия пошла вверх-вниз. Значит, тревога. Значит, надо предупредить людей.

Мы с уважением посмотрели на барабан.

— Кстати, будете на Дальних скалах, — добавила девушка, — увидите там каланов. Так вот, имейте в виду, каланы очень пугливы. Наблюдать их надо издалека. Хотите я вам дам бинокль?

И она достала из шкафа два чёрных морских бинокля с ремешками.

ОДНА КАПУСТА

Наш катер подходил к Дальним скалам. Он качался на волне, валился с борта на борт, зарывался кормой. Прямо на носу виднелся небольшой островок и две причудливо изогнутые скалы.

Подошли к островку. Катер ткнулся носом в песок, плотный и чёрный, как асфальт. Мы выпрыгнули на берег и огляделись.

Островок весь порос жёсткой травой. Нигде не видно ни души.

— Ну что ты будешь делать, и тут его нет! — сказал я про Колиного приятеля. — Опять ушёл. Вот уж действительно неуловимый!

По океану шли пологие тяжёлые волны. Только у самых скал было спокойно. Вода блестела, как масляная.

— Это потому, что там заросли морской капусты, — сказал Коля. — Видишь на воде коричневые листья?

Я поглядел в бинокль.

— Вижу, — сказал я. — Давай подойдём поближе.

Мы сделали несколько шагов, и вдруг я заметил, что трава в одном месте примята, будто в ней кто-то лежал.

— Видно, здесь был твой приятель, — сказал я. — Вот тут прятался. Наверно, подстерегал каланов.

Мы тоже легли в траву и стали ждать.

Зверей не было видно. На верхушке скалы сидела компания кайр. Птицы вертели головами, вытягивали длинные шеи и, казалось, тоже кого-то высматривали.

— Одна капуста! — сказал я. — Вон по воде лист плывёт. И вон...

И вдруг я заметил, что этот второй лист плывёт как-то странно.

Он плыл против ветра!

Я поднёс бинокль к глазам и вздрогнул. Прямо на меня смотрели из воды два маленьких глаза.

— Калан! — зашипел я и толкнул Колю локтем. — Смотри — калан!

Зверёк плыл на спине, сложив передние лапы на груди, прижав задние к животу. У него была круглая собачья мордочка и белые торчащие усы.

Калан выплыл на середину между скалами, запрокинул голову и, не переворачиваясь на живот,

нырнул. Скоро он всплыл, снова лёг на спину и зевнул.

— Погоди, а что это за колючки у него на груди появились? — спросил Коля.

Зверёк подплыл ближе к берегу, и мы разглядели: калан прижимал лапой к груди морского ежа.

Ведь надо же, достал со дна!

Зверь принялся за еду. Он аккуратно обмял лапами ежа — как дети лепят снежки — и начал есть. Кончив, бросил остатки в воду.

И тут со скалы вниз метнулась чёрно-белая стрела. Длинноклювая кайра на лету схватила объедки и с радостным криком унеслась прочь.

Начал моросить дождь.

Я посмотрел Коле через плечо. Он рисовал. На бумагу вперемешку ложились карандашные штрихи, чёрные песчинки, мелкие капли воды.

КАЛАНЁНОК

Мы укрылись плащами и продолжали смотреть. Скоро мы заметили второго калана. Он тоже плыл на спине, и живот его торчал вверх, как поплавок.

Калан остановился. Между скрещённых лап показалась маленькая остренькая мордочка.

— О,— сказал удивлённо Коля,— посмотри, да это же мать с каланёнком!

Каланёнку, видно, надоело лежать на животе у матери, он встал и, выгнув спину дугой, потянулся.

В это время в капустный затишек прорвалась шальная волна. Она качнула каланиху, и малыш, не сумев удержаться, полетел в воду.

Прижав подбородок к груди, каланиха смотрела, как барахтается сын. Потом она нырнула и долго оставалась под водой. Вытягивая шею, каланёнок беспокойно кружил на месте. Наконец мать вынырнула. В зубах её билась большая белая рыбина.

Подталкивая сына носом, каланиха поплыла к

зарослям капусты. Здесь в одном месте листья образовали что-то вроде плота.

Каланиха взобралась на этот зелёный плот, уложила рыбу и лапой помогла залезть сыну. Они принялись за добычу.

Позади нас затарахтел мотор — катер собирался уходить. Каланы, не доев, с перепугу скатились в воду. Со стороны океана на остров напозала дымная фиолетовая стена — надвигался туман.

Цепляясь носками ботинок за траву, мы побежали к берегу. Вдруг Коля остановился.

— Ты чего?

Кряхтя, он выворачивал из песка рыжий шишковатый камень.

— Зачем он тебе?

— Нужен!

Он вывернул камень и понёс его на руках, как ребёнка.

— Да брось ты его!

— Не брошу.

Мы вдвоём поволокли камень к воде.

ТРЕТЬЯ ОТКРЫТКА

Вернувшись в посёлок, мы отправили третью открытку.

ВЕРНУЛИСЬ ИЗ-ЗА ТУМАНА.

КАЛАНЫ ПЛАВАЮТ КВЕРХУ ПУЗОМ.

Открытка получилась немного непонятная, но мы так устали, что не захотели ее переписывать.

ПОРА ДОМОЙ

Мы прожили на острове десять дней, а корреспондент так и не вернулся. Куда он пропал, не знал теперь никто.

Стали собираться домой. На этот раз мы решили не плыть пароходом, а сразу лететь. Для этого надо было перебраться катером на соседний большой остров.

Утром в день отъезда Коля сказал:

— А вдруг меня с этим камнем не пустят в самолёт? Пойду поищу мешок.

Он сходил к рыбакам и вернулся с пустым мешком из-под соли.

— Торопись! — сказал я. — До отхода катера осталось всего полчаса.

Мы простились с девушкой, схватили чемоданы. Коля положил мешок на плечо, и мы побежали.

Мы прибежали на причал, но катера там не оказалось. Он не пришёл и через час, и через два... Нам надоело сидеть без дела. Коля стал рисовать женщину-рыбачку, а я, вытащив из чемодана фотоаппарат, стал снимать. Над причалом были натянуты электрические провода. Они очень красиво выделялись на фоне неба. Я навёл на них аппарат... и увидел, что провода ПРЫГАЮТ. Потом я почувствовал, что причал, такой крепкий и неподвижный, тоже ШЕВЕЛИТСЯ. Он трясся мелкой дрожью. А провода — те уже прыгали КАК СУМАСШЕДШИЕ.

— Что это? — спросил Коля. Страница в его альбоме была вся забрызгана чернилами. — Не землетрясение?

— Землетрясение! — закричали все вокруг. — Землетрясение!

— Ложись!

— Зачем?

Мы метались по причалу. Вместе с нами бежали пассажиры, которые ждали катер, рыбаки и даже один пограничник в зелёной фуражке.

Вдруг репродуктор, который висел на столбе, откашлялся и голосом черноволосой девушки произнёс:

«Внимание! Внимание! Говорит станция цунами. Ожидается приход волны. Всем жителям посёлка немедленно подняться на возвышенности. Кораблям покинуть бухту!»

Цунами!..

Из домов, из заводских цехов уже выбегали люди. Суда заводили моторы.

Цунами!..

Я схватил Колю за руку:

— Бежим!

Мы вскарабкались на сопку и огляделись. Всюду на склонах толпились люди.

Из бухты гуськом выходили суда. В океане они становились на якоря и ждали.

Ждали люди на сопках. Все ждали волну.

— Идёт! Идёт! — закричали около нас.

В океане появилась чёрная полоса. Она двигалась к острову. Вот на ней вырос белый гребень. Вот уже волна подошла к острову, вот поднялась горой и с размаху ударилась о камни. Белые брызги столбом взлетели вверх.

Берег загудел. Корабли на якорях качались, как игрушечные.

Потоки воды ворвались в нашу бухту. Вода у причалов заволновалась, потом отхлынула, обнажила чёрное дно и сразу стала прибывать. Она поднялась вровень с причалами, затопила береговой песок, подошла к стене завода. «Сейчас хлынет на улицы!» — подумал я.

Но на это силы у воды не хватило. Постояв, она начала отступать. Люди на сопках зашумели. Радио объявило отбой. Все стали покидать сопки.

Спустились и мы. Мы решили, что уж теперь-то катер не придёт, и пошли назад, на станцию.

«КУДА ТЫ ПРОПАЛ!»

На станции было полно народу. Все окружили девушку и говорили наперебой.

— Ай да дежурная! Вовремя объявила тревогу! Сами-то вы не испугались?

Девушка покраснела:

— Чуть-чуть.

В эту самую минуту дверь отворилась, и в комнату ворвался огромный рыжебородый человек, весь увешанный фотоаппаратами.

— Коля! — закричал он с порога и бросился к нам.

— Женя!

От радости они стали тискать друг друга и хлопать по спине.

— Куда ты пропал? — кричал Коля. — Мы тебя почти полмесяца ждали.

— Плавал с рыбаками, — ответил рыжебородый. — А ты сюда не на пароходе шёл?

— На пароходе.

— То-то мне один рыбак рассказывал. Встретил, говорит, на пароходе человека — всё время рисует. Так, значит, это был ты?

Коля посмотрел на меня.

— Кто его знает, — сказал он, — может и я. А у этого рыбака сапоги не скрипели?

— Скрипели!

Мы расхохотались.

Потом рыжебородый начал жаловаться.

— Вот беда! — сказал он. — И как я это цунами пропустил? Ведь столько времени жил на станции, ждал — всё тихо. Стоило только уехать, и — бах! — произошло. А какие могли быть снимки!

— Знаете, — сказал я, — ведь у меня кое-что снято. Есть, как корабли выходят из бухты. Есть волна... Люди на сопках... Хотите, я вам плёнку на время дам?

Рыжебородый даже подпрыгнул от радости:

— Вот спасибо!

— А ведь мы сегодня уезжаем,— сказал Коля.— Уже билеты на самолёт есть.

— Никуда я вас не пушу! — сказал рыжебородый и вдруг опомнился: — Ах да, билеты... Ну ладно, скоро я к вам приеду. В отпуск.

ПОСЛЕДНЯЯ ОТКРЫТКА

От нечего делать мы зашли на почту и сели писать открытку. Мы успели написать:

БЫЛО ЦУ...

Как вдруг под окошком почты закричали:

— Катер идёт! Катер!

Мы бросили недописанную открытку в почтовый ящик, попрощались с Женей — он уже куда-то спешил — и побежали на причал.

«ЧТО У ВАС В МЕШКЕ!»

По пути на остров, где был аэродром, катер ужасно швыряло. Должно быть, океан всё ещё не мог успокоиться после землетрясения.

В аэропорту у нас проверили билеты и стали взвешивать багаж. Приёмщица положила Колин мешок на весы и удивлённо спросила:

— Что у вас там? Камни, что ли?

Коля смутился, а я подумал: «Что, если самолёт из-за этого камня не взлетит?» Но он взлетел.

СНОВА ТЯТЯ

Мы летели над океаном. Зелёный горбатый остров тянулся под нами.

В самолёте было прохладно. Вместе с нами летело

несколько пассажиров. Мы сидели на длинных скамейках. Кто читал газету, кто смотрел в окно. Одна женщина развязала сумку, вытащила копчёную рыбину и стала щипать её, заедая красное рыбье мясо хлебом.

Вдруг дверь из кабины лётчиков отворилась, человек в форме просунул в салон голову и объявил:
— Тятя!

Мы с Колей повернулись к окну. Ничего интересного. Низенькие зелёные горбики сопот медленно проплывали под самолётом.

— Не там! Не туда смотришь! Надо вперёд! — кричал Коля.

Я упёрся носом в другое стекло.

Прямо на самолёт надвигалась вершина горы. Это было очень страшно: лиловые и оранжевые обожжённые камни устилали её склон.

Сама вершина была вдавлена, и со дна провала поднималась ещё одна, маленькая, вершина с дырой — кратером. Дыра вела куда-то вниз, в самую середину Земли, в бездну...

Вот это Тятя!

Вулкан величаво проплывал под нами. От восторга мы с Колей стали пихать друг друга локтями. Мы толкали друг друга до тех пор, пока не свалились со скамейки.

Вот это вулкан!

ДОМА

Мы прилетели домой в полдень. На аэродроме нас встречали все Колины родственники. Встреча была необычайно трогательной. Они помогли нам получить багаж и очень удивились мешку.

— Ого, тяжёлый!

Коля развязал мешок.

— Какой замечательный камень! — сказали родственники. — Правда, похож на человека?

— Не на человека, а на зверя,— сказал Коля.— Разве не видите? Вот голова, вот лапы.

И тут я понял: этот камень похож на калана, когда тот плывёт на спине! И как я раньше этого не заметил? Теперь Коля положит его у себя в мастерской, будет смотреть на него и вспоминать Дальние скалы.

— Спасибо за открытия,— сказали родственники.— Писали вы очень интересно, хотя и непонятно. Например, кто там шуршал?

— Медведь.

— А что такое «Край Света»?

— Мыс... Самая непонятная открытка ещё придёт,— сказал я.— «Было цу...» Знаете, что было? Цунами! Это такая волна...

Мы стояли на остановке автобуса и рассказывали. Про станцию и прибор, который чувствует землетрясение. Про каланов и морскую капусту. Про лётчиков, смотрителя маяка и рыбаков. Размахивая руками, мы рассказывали про Курильские острова.

Приехал автобус.

ДЕЛЬФИНИЙ ОСТРОВ

ПРИЕХАЛИ

Моторная лодка ударилась с ходу о причал и остановилась. Матросы выскочили из неё и привязали лодку к чугунному столбику — кнехту.

Мы приехали на остров. Здесь живут дельфины. Не на земле, конечно, а в воде. На земле живут учёные, которые изучают морских зверей.

— О, туда стоит ехать! — говорили мне на прощание друзья.— Дельфин — это знаешь что такое? Это удивительное животное. Хищный подводный зверь, а приручается, как собака.

И я поехал, чтобы написать эту книжку.

На причале нас встретили учёные. Они были все молодые и с бородами. Самый бородатый сказал:

— Ещё один гость к дельфинам? Ну, что ж, живите, знакомьтесь. Могу вам дать провожатого. Валерий — дельфиний доктор, — показал он на белобрысого парня в докторском халате. — Для начала он поможет вам отнести в комнату вещи.

На берегу стояло несколько домиков.

— Очень приятно! — сказал я. — Какие там вещи: чемодан, спальный мешок, пишущая машинка, рюкзак.

Учёные переглянулись.

— Тащи, Валерий! — сказал самый бородатый. Я понял, что это начальник.

Когда мы с Валерием отнесли вещи, я спросил:

— Теперь к дельфинам?

Валерий покачал головой.

— Не спешите, сначала я покажу вам остров. Пойдёмте!

Остров оказался небольшим. Он был круглый и плоский, как блюдо. Мы шли вдоль берега по краю обрыва. Внизу громоздились камни. За ними зеленело море.

На потемневших от воды камнях сидели пучеглазые крабы. Они прищёлкивали и сучили клешонками около рта — ели.

Посередине острова торчала каменная башня маяка. Мы двигались вокруг неё, как стрелки.

— Что это там блестит? — спросил я про башню.

— Фонарь. На картах про наш маяк сказано: переменный. Ночью посмотрите, как он светит. Красиво!

Мы шли по узкой тропе. Она то спускалась к самой воде, то поднималась вверх и уходила в степь. Степь курилась жёлтой дымкой. В сухую, пожелтевшую от зноя траву с шорохом уползали змеи.

— Желтопузик! — сказал Валерий про коричневую, с круглой головой змею. — Леопардовый полз! — про жёлтую с чёрными пятнами. — Да вы не бойтесь, ядовитых здесь нет.

— Я вижу, вы и по змеям специалист.

— Немного, — усмехнулся Валерий. — Я ведь ветеринар. Когда-то лечил кошек. Потом надоело, бросил. Был пожарником, медицинским братом в сумасшедшем доме. А теперь снова вернулся к зверям... Ну, вот мы и обошли весь остров. Вон вольтер!

Вольтер — клетка из сетей. Она стояла у берега в маленькой бухте. Бухта была такая узкая, что волны с моря не заходили в неё. Откипев, они гасли у входа.

ВОЛЬТЕР

Вольтер был собран из железных сетей. От солёной воды металл покраснел. Багровые блики плясали под мостками. Мостки шли вдоль вольтера. Они качались на поплавках — гулких металлических бочках. Когда бочки сталкивались, по вольтеру шёл низкий стонущий звук — бомм-м!

С берегом вольтер соединяли неширокие сходни. Мы прошли по ним.

— Вот и дельфины! — сказал Валерий. — Видите?

Я ничего не видел. Я только слышал, что рядом кто-то тяжело дышит: пых! пых!

Наконец у самых моих ног из воды показалась блестящая чёрная спина. В том месте, где спина переходила в голову, вдруг что-то провалилось — получилась дырка. Из дырки вылетел вверх фонтанчик брызг, и животное шумно вздохнуло: пых!

Потом дырка захлопнулась, и зверь погрузился в воду.

— Да разве его так разглядишь? — сказал я. — Ну, что мне спина!

— А вы посмотрите направо.

Я повернулся. Справа на меня смотрело из-под воды бело-голубое, похожее на рыбу животное. У него была удлинённая птичья морда и тёмные внимательные глаза.

Дельфин не шевелился.

Насмотревшись на меня, он так же спокойно погрузился. Пошёл к себе домой. На дно.

МАЛЫШ, ПИРАТ И ДРУГИЕ

Валерий сказал, что никакого дома на дне у дельфинов нет. Их дом — верхний, пронизанный солнечным светом слой воды. Граница моря и воздуха. Здесь они носятся, то погружаясь в прохладный полумрак, то поднимаясь к поверхности.

— Малыш... Макс... Шустрый... Русалка... Пират,— называл мне Валерий дельфинов по именам.

— Как вы их различаете?

— То есть как? — удивился он. — Они же разные. Малыш — дельфинёнок, он меньше всех. Русалка — его мать, они плавают вместе. У Макса на спине белое пятно. Шустрый — с зазубриной на плавнике. У Пирата на голове три царапины — его весной укусил Макс.

Я хотел было спросить, за что так называли Пирата, но решил: успею.

Принесли мороженую рыбу. Высунув из воды головы, дельфины ждали. У самых их хвостов бродили стайки зеленоватых кефалей, но дельфины не обращали на них никакого внимания. Они ждали, когда сторож бросит им в воду оттаявших в ведре, дряблых рыбин.

«Наверное, они не очень хищные», — подумал я.

БЕЛАЯ ШЛЯПА

Поев, дельфины собрались около меня.

Они высывались из воды и стояли как столбики, сильно работая хвостами.

— Это они на вас смотрят,— сказал Валерий.

— Почему?

— А вы не такой, как надо. Ведь мы тут все одинаковые: в коротких штанах, загорелые, с непокрытыми головами. А вы...

Я посмотрел на своё отражение в воде. Брюки до пола. Кожа белая. На голове шляпа. М-да! На голове у меня была прекрасная широкополая шляпа из белого войлока, с кисточками по краям.

— Пожалуй, с точки зрения дельфинов, я действительно выгляжу чучелом,— сказал я.— Ладно, штаны я сменю, загар ко мне липнет быстро, но шляпа... Простите, я человек северный, мне надо беречь голову от солнца. Я не могу одеваться так, как хочется этим зверюгам. Пусть привыкают.

Дельфины продолжали смотреть на меня.

Так началась моя жизнь на острове.

ТЯПОЧКА

Я приходил каждый день в вольер, садился на мостки и смотрел. Я старался понять дельфинов.

Оказалось, что они очень любят играть. У каждого была своя любимая игрушка. Макс больше всего любил плавать с красным мячом. Шустрый — таскать в зубах обруч. У Пирата главная забава была тряпочка.

Кто уронил её в вольер, неизвестно. Простая чёрная тряпочка. Она лежала на дне. Пират подплавал, поддевал носом и мчался с ней по вольеру. Он мчался, а чёрный лоскут лежал у него поперёк морды. На глазу. Совсем как повязка у разбойника. Ясное дело — Пират.

Надоест Пирату лоскут на морде таскать, сбросит его и сейчас же — оп! — поддел плавником. Развевается тряпочка на плавнике.

Плывёт Пират, сбросит тряпочку — оп! — подцепил хвостом. На ходу, не оглядываясь. Таскает на хвосте.

Надоело ему носиться, круто хвостом загрёб, затормозил, как матросы вёслами останавливают шлюпку, и застыл на месте. Тряпочка слетела с хвоста, медленно пошла на дно.

Там ей и лежать.

ДЕЛЬФИНЫ И ЗМЕИ

В вольер часто заплывали змеи — чёрно-красные ужи, которые водились в бухте. Сначала дельфины им очень удивлялись. Однажды Пират подплыл к одному ужу и толкнул его кончиком носа. Он решил, что это новая тряпочка.

Уж как зашипит! Завертелся, завился — и в сеть. Вплёлся в стальные кольца и повис, как вопросительный знак, над водой. Висит уж, раскачивается. Головой как молоточком: взад-вперёд, взад-вперёд.

Долго Пират вертелся около него. Всё пытался понять — можно с этой тряпочкой играть или нет? А уж опять: ш-ш-ш-шшш!

На том дело и кончилось. Теперь змеи сами по себе, дельфины сами. Плавают, друг другу не мешают.

МАКС В УПРЯЖКЕ

Около домика, где жил главный учёный, висел кусок рельса на проволоке.

Каждое утро, ровно в девять часов, дежурный ударял по рельсу железной палкой: донг!

Начинался рабочий день.

К рельсу сходились учёные. У них был очень озабоченный вид. Я тоже приходил и смотрел, что они делают.

Учёные изучали дельфинов.

— Как вы думаете,— спросил меня однажды Валерий,— кто быстрее: пароход или дельфин?

— Наверное, пароход,— осторожно ответил я.

— Вот и нет. Дельфин запросто обгоняет судно. А кто сильнее?

— Станный вопрос. Конечно, судно.

— Правильно. Так как же может слабый дельфин плавать быстрее сильного корабля?

Этого я не знал.

— Этого не знает никто,— сказал Валерий.— Конечно, дельфины обтекаемые: они воду как ножом режут, но всё-таки...

Мы стояли около длинного ящика с водой. В ящике неторопливо плавал Макс. Он тяжело вздыхал и посматривал на нас тревожным глазом.

К ящику подошли двое бородатых учёных. Они надели на Макса хомут. К хомуту привязали вожжи. Макс послушно потянул. Свободные концы вожжей были прикреплены к пружинным весам. Стрелки весов поползли вверх.

Бородатые учёные стали записывать, как сильно отклоняются стрелки.

— Главное, что он не сильный, а проворный! — сказал я.

Учёные усмехнулись.

— А что такое «проворный»?

Я пожал плечами.

ДЕЛЬФИНЫ И СОБАКИ

Как-то я сидел на мостках, свесив ноги, и смотрел, как играют Шустрый и Макс.

Вдруг в вольере появились собаки — дворняжка, овчарка и большой белый пудель. Они шли гуськом. Обойдя вольер, собаки сели рядом со мной.

«Прогнать их, что ли?» — подумал я. Собак в вольер не пускали — калитка у входа была всегда закрыта на крюк.

Заметив собак, к нам подплыла Русалка. Подплыла и уставилась из-под воды внимательным взглядом. Подплыли ещё дельфины.

Я взял из ящика, где лежали игрушки, палку-поноску и, широко размахнувшись, швырнул её в воду. Русалка и Макс кинулись за ней.

Они мчались, выскакивая из воды. Первым подлетел к палке Макс. Он схватил её в зубы и повернул назад. Около моих ног Макс остановился и, не выпуская палки из зубов, высунулся из воды.

Он возвращал поноску.

Овчарка и пудель заворчали. Шерсть на их загривках поднялась дыбом. Собаки вскочили и, упираясь лапами в дощатый настил, свирепо залаяли.

Из домиков на берегу высыпали люди. Они бежали к вольеру. Первой заметила их дворняжка. Она призывно тявкнула и опрометью бросилась на берег. За ней, оглядываясь и огрызаясь, потрусили овчарка и пудель.

— Кто тут развёл беспорядок? Кто не закрыл за собой калитку? Кто не догадался прогнать собак?

Начальник спрашивал, свирепо шевеля бородой. На меня он не смотрел.

«Может прогнать с острова, — подумал я. — Что ему стоит?»

Но начальник уже улыбался.

— До чего любопытно! — сказал он. — Только собаки веками таскали человеку поноску. Только они были верными друзьями людей. И вдруг какие-то морские звери!.. Конечно, собаки обиделись.

— А вот кошки... — начал Валерий. — Когда я занимался кошками...

Но начальник его перебил:

— Знаю, знаю. Кошки тоже интересны, но не так.

— Ещё лошади всегда были друзьями, — сказал я.

— Вы ни разу не плавали с дельфинами? — спросил меня как-то Валерий. — Немедленно полезайте.

Я надел маску, сунул в рот загубник дыхательной трубки и боком, как краб, полез с мостков в воду. Лез, лез и сорвался. С плеском, в туче пузырей ушёл на дно. За стеклом маски вспыхнуло голубое сияние.

И вдруг мне послышалось комариное: «Пи-ии! Пи-ии!»

Может, это кровь шумит в ушах?

Нет, звуки повторились. Тоненькие-тоненькие. Словно иголочки. Комары не унимались, они подлетали ко мне с разных сторон.

«Пи-ии!» — сзади.

«Пи-ии!» — спереди.

«Пи-ии! Пи-ии!»

Я повернулся направо, откуда доносился самый громкий писк. Из голубого сияния ко мне приближался Пират. Он приближался очень медленно, с плотно закрытым ртом. Но я сразу понял: пищит он. Больше пищать было некому.

Пират издал длинный звук: «Пи-ииии-ии!..» И появились ещё дельфины. Они появились внезапно, словно выныривая из-под зелёного занавеса. Бело-голубые, сияющие отражённым светом, звери стремительно приближались, и когда казалось, вот-вот столкнутся со мной, лёгким движением хвоста изменяли направление и проносились мимо.

Поплавав с дельфинами, я выбрался на мостки.

— Что они там делают? — спросил Валерий.

— Пищат.

— Вот так: пи-иии-пиии?.. Знаете, что это значит?

— Да что-нибудь вроде: «Здесь тот чудака в белой шляпе». Да?

— Не совсем. Это значит: «Идите все сюда!»

И он рассказал мне такую историю.

КОПЧЁНЫЙ

Когда вольер только построили, в него пустили первую партию дельфинов.

Их отловили в море. Это были шесть больших дельфинов-афалин.

Вожаком у них был Копчёный. Так его прозвали за тёмную, отливающую чёрным цветом кожу. Копчёный был больше своих товарищей. Они плавали за ним следом, уступали рыбу, которую бросали им в вольер, терпели его укусы.

У Копчёного был сварливый, непокорный нрав, и из-за этого вся стая плохо приручалась.

Однажды к вольеру подошёл катер. Стоявший на носу матрос бросил якорь, но не рассчитал, и лапа якоря задела сеть.

— Эй, на вольере! — крикнул он. — Проверьте, ничего я не порвал?

Подошли люди, спустились под мостки и увидали, что якорь, падая, пробил в сети большую дыру.

— А Копчёный-то уж здесь! — сказал кто-то.

К месту пробоины подплывал тёмный дельфин. Он приближался осторожно, покачивая головой из стороны в сторону, словно обследуя сеть.

Заметив дыру, он остановился и издал долгий торжествующий писк: «Пии-иии-ии!»

Стая была в другом конце вольера. Услыхав призыв, дельфины мгновенно бросились к Копчёному. Они подплывали один за другим и, не раздумывая, проскакивали через дыру. Первый... Третий... Наконец, Копчёный остался один. Люди на мостках решили отпугнуть его, отогнать от дыры. Они стали кричать и ударять палками по сети.

Копчёный лениво шевельнул хвостом и, не обращая внимания на шум, тоже проскользнул в отверстие.

— Так мы впервые услышали, как дельфины переговариваются друг с другом, — сказал Валерий.

МАЛЕНЬКИЙ НАЕЗДНИК

Малыш появился в вольере за месяц до моего приезда.

Он родился под водой.

Поддев слабое тельце мордой, мать вытолкнула новорождённого на поверхность. Дельфинёнок сделал первый вдох и, дёрнув хвостом, поплыл.

— Но умный был с первого дня! — рассказывал Валерий. — Вы обратили внимание, как он плавает?

Я стал наблюдать за дельфинёнком.

Малыш не отставал от матери. Он то преследовал её по пятам, то вертелся перед самым носом, но когда уставал, то всегда подплывал сверху, становился около спинного плавника и, почти не двигая телом, мчался вместе с Русалкой, словно привязанный к ней верёвочкой.

— Ишь, уселся! — говорил Валерий.

Малыш мчался, будто в седле. Он летел, увлекаемый движением матери, держась на невидимых глазу струях воды.

КАК ЛЕЧАТ ДЕЛЬФИНОВ

Однажды Малыш заболел.

То ли он простудился, то ли съел что-то не то, но он захандрил: стал вялый, по коже у него пошли белые язвенные пятна.

И тогда я увидел, как лечат дельфинов.

— Помогите, — попросил меня Валерий. — Нужен человек нести носилки.

— Хорошо, — согласился я.

Двое сторожей притащили сеть. Они опустили её в вольер и повели, сгоняя дельфинов в один угол. Они вели её, как рыбаки невод.

Встревоженные звери отступали.

Валерий в маске и ластах полез в воду.

Дельфины сгрудились около сетки. Валерий улучил момент и бросился в кучу дельфинов.

Он ухватил Малыша за плавник, перевернул на спину, обхватил руками и, работая изо всех сил лапами, поплыл к мосткам.

— Носилки! — крикнул он.

Мы развернули носилки и плеснули на них водой.

Малыша положили на брезент. Вчетвером мы подняли носилки и зашагали на берег к домику, где была дельфинья больница.

Здесь Малыша переложили на стол, покрытый поролоновым матрасом. Пристегнули ремнями.

Он лежал, печально кося глазами по сторонам. Валерий взял шприц, пузырёк с лекарством, проткнул иглой резиновую пробку, набрал полный шприц и сделал Малышу укол. Потом второй. Измерил пульс и температуру.

Моя рука опиралась на стол около самой морды дельфинёнка. Если бы Малыш захотел, он мог бы укусить меня. Всякий другой зверь на его месте так бы, наверно, и сделал. Да что там зверь! Если бы меня какие-нибудь морские существа затащили под воду и, привязав к столу, начали колоть, честное слово, я бы не выдержал. Я бы кусался и колотил ногами по матрасу. А Малыш лежал спокойно. Только когда делали второй укол — около хвоста, — дёрнулся и в пустой комнате послышалось комариное: «Пи-ии-ии!»

Мы отнесли Малыша назад и осторожно пустили в воду.

Дельфинёнок кинулся к матери, пристроился около её плавника, и они продолжили свой обычный бег.

В тот день Малыш и Русалка ни разу не приблизились к мосткам и не остановились, чтобы взять из рук у людей рыбу.

Через несколько дней белые пятна на коже у Малыша стали исчезать. Дельфинёнок повеселел.

У дельфинов-афалин прекрасная голубая кожа, блестящая и упругая, как резина.

КИНО.

Перед самым моим отъездом привезли кино.

Мы сидели с Валерием в тёмной комнате, битком набитой народом. Экраном была стена. Над нашими головами танцующий луч выхватывал из темноты ослепительные пылинки и рисовал на стене корабли. Корабли шли пенистым морем.

После этого на экране показали дельфиний цирк. В большом круглом бассейне звери играли в баскетбол. Они забрасывали в корзину мяч. Дельфин подплывал, упирался головой в мяч и мчался с ним к щиту. Бросок — и мяч в кольцо.

Потом мы увидели, как люди обмотали паклей обруч и подожгли. Зашипело пламя. Горящий обруч повис над водой. Дрессировщик поднёс к губам свисток. Стремительное блестящее тело дельфина выскочило из воды, пронеслось по воздуху и, пробив огненно-дымный круг, без всплеска вошло в воду.

Я наклонился к уху Валерия:

— А у вас будет когда-нибудь так?

Валерий помотал головой.

— Зачем? У нас научная станция, а не цирк.

По экрану уже двигался плот.

На нём стояла девочка в полосатом купальнике. В упряжке плыл дельфин.

Неожиданно лента кончилась.

Мы вышли с Валерием на воздух.

На верхушке маячной башни то разгорался, то потухал красно-зелёный фонарь. Красные и зелёные волны накатывались на берег.

— Мне бы ещё на инженера выучиться... — сказал Валерий. — Я бы такие приборы изобрёл — переговариваться с дельфинами. Плывёшь под водой, пискнул, а дельфины уже тут как тут. Точно: пойду учиться опять!

РЯДОМ И ПОД ВОДОЙ

Я уезжал с острова в хмурый, непогожий день. Надвигался шторм. Медузы, которых всегда было так много в бухте, исчезли. Они уплыли в открытое море пережить бурю.

Под причалом бормотала вода. Трещал, вытягиваясь по ветру, флаг. Лодка была готова к отплытию.

Мы простились с Валерием.

— Приезжайте на будущий год,— сказал он.

— Приеду.

Лодка отвалила от причала, проскочила узкий выход, вышла в залив. Впереди запрыгала синяя полоска материкового берега.

Я покидал дельфиний остров.

Друзья были правы: и верно, дельфины — удивительные животные.

Я сидел на корме, над самым винтом, тряся вместе с лодкой и думал про дельфинов:

«Очень радостно, что они живут вместе с нами. Рядом и под водой».

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

Это рассказ о море. Только не о том, которое видно с берега. То море всегда одного цвета: голубое или синее в хорошую погоду, чёрное в шторм. Моё море разноцветное: жёлтое, зелёное, розовое, фиолетовое. Это море, каким его видят рыбы и люди, которые умеют плавать под водой, как рыбы.

МОЙ КОСТЮМ

Для того чтобы опуститься под воду, я надеваю своё нехитрое водолазное снаряжение и вооружаюсь.

Снаряжение — ласты да маска. Оружие — гарпунное ружьё или фотоаппарат.

Чтобы дышать, засовываю в рот изогнутую трубку, а свободный её конец укрепляю за ухом.

Вперевалку, как утка, шлёпаю по берегу и, хрипя, продуваю трубку: хр-р-р! хр-р-р!

В воде отражается одноглазое существо с лягушачьими лапами: хр-р-р!

УЧУСЬ ПЛАВАТЬ

Этим летом я жил под Севастополем.

Там и начались мои подводные путешествия.

«Только бы залезть под воду,— думал я.— Сразу же посмотрюсь интересных вещей!»

Однако получилось совсем не так.

Ранним утром я пришёл на берег. Сел на камень. Надел ласты, маску.

«Чур,— говорю себе,— всё-всё под водой примечать! До последней рыбёшки!»

Слез ногами вперёд, лёг на воду и... захлебнулся.

Тьфу! Полная трубка воды!..

Пришлось учиться самому простому на свете — как дышать.

Стал вспоминать: кто в море дышит воздухом? Кит! У него дыхательное отверстие на макушке, выше глаз. Значит, учиться надо у него.

Учился, учился — выучился дышать по-китячьи.

Плыву у самого берега. Лицо — под водой, трубка — снаружи. Наберу полные лёгкие воздуха и нырну. Вынырну, воду из трубки выпущу фонтанчиком и снова плыву. Дно видно отлично!

Ну вот, теперь можно уходить прочь от берега.

Зашлёпал ластами по воде, а сам еле-еле вперёд двигаюсь.

Э-э! И тут непорядок. И этому надо учиться.

Пришлось снова вспоминать. У кого на ногах ласты? У тюленя. Как он ими шевелит? Как рыба хвостом.

Поплывём по-тюленьи!

Вытянул ноги и давай часто-часто перебирать ими. Ласты стали извиваться, и я поплыл.

Плыву, только вода по спине журчит.

Вот теперь быстро. Вот теперь можно плыть на глубину. Можно всё примечать.

ОГОНЁК

И тут действительно передо мной открылся новый мир.

Жёлтые и зелёные скалы всплывали из фиолетовой толщи воды, двигались прямо на меня.

Бурые, зелёные, красновато-серые водоросли лезами вставали со дна. Солнечная пыль беззвучно сыпалась на них.

Как тихо! Всё словно замерло в молчании, только я один толкал воду да пускал пузыри через трубку: буль-буль-буль!

Удивительное дело: дно было мёртвым. Нигде ни рачка, ни рыбёшки.

«Видно, ещё не добрался я до настоящего подводного мира. Надо плыть дальше».

Уже и ноги начали с непривычки уставать, а вокруг всё по-прежнему пустынно.

Мне вспомнились путеводные огоньки, которые в сказках приводили путешественников в необыкновенные страны. Вот бы мне такой огонёк!

И только так подумал — впереди действительно мелькнул красный огонёк. Трепетный, радостный. Откуда он здесь?

Я поплыл к нему, ещё сильнее работая ногами и руками. Огонёк шевельнулся и стал уходить.

Я — за ним. Он — от меня.

Может быть, это и есть мой путеводный огонёк? Только как же он горит под водой?

Мы двигались вверх по береговому склону, и казалось, что я вот-вот догоню его.

Но нет, он свернул в сторону и пропал в куче камней.

Ухватившись за них, я повис вниз головой и стал искать огонёк глазами.

Прошло полминуты, минута... Всё было тихо. Замер и я.

И вдруг что-то красное мелькнуло между камнями, а затем оттуда прямо на меня выплыла рыбка.

Она была такая яркая, что я даже прищурил глаза. Настоящий огонь! Только голова у рыбки чёрная-пречёрная... Ба, да ведь это морская собачка! Старая знакомая!

Я хорошо знал этих проворных рыбок, но такой красивой никогда ещё не видел.

Я протянул руку. Собачка отскочила назад и искрой погасла в камнях.

Ушла. Опять один.

Я посмотрел вокруг.

Вот так чудо!

Дно преобразилось. Стайками сновали серебристые кефальки. Из травы выплывали один за другим прозрачные рачки-креветки. Полосатый краб, близируко пуча глаза, лез через камень.

Что значит минута тишины! Выходит, это я сам распугал всех подводных жителей.

Вытянув руки и едва шевеля лапами, я медленно двинулся вперёд.

Теперь я плыл без шума.

Вокруг волновалась беспокойная, кипучая жизнь.

Плавали, ползали, преследовали друг друга, гибли и побеждали хвостатые, ногастые, пучеглазые и слепые обитатели морского дна.

Это был настоящий подводный мир, тот самый, куда я так стремился попасть.

Но в этот мир я пришёл не сам. Меня привёл туда путеводный огонёк — маленькая кроваво-красная рыбка-собачка.

Я учился фотографировать под водой.

Аппарат был в чехле, но вода часто попадала внутрь и портила плёнку.

Однако я не унывал.

Особенно мне хотелось сделать цветную фотографию одной из самых ярких черноморских рыб — зеленушки-рулены.

Это долго не удавалось.

Зеленушки всё попадались мелкие, невзрачные. Если и показывалась крупная, то она тотчас же уходила на глубину, в полумрак.

Как-то я плыл мимо одинокого мохнатого валуна.

Камень весь оброс зелёными лопушками морского салата-ульвы. Около камня белела песчаная осыпка.

Вдруг я заметил на песке груды осколков. Это были остатки мидий.

Раковина мидии похожа на большое чёрное семечко. Поэтому груды осколков напоминала кучку мусора, которую оставил после себя любитель подсолнухов.

Некоторые обломки раковин были совсем свежие. В них ещё курилась дымком жёлтая кровь моллюска.

Кто намусорил на дне?

Притаившись за камнем, я стал наблюдать.

Некоторое время всё было спокойно.

Потом из-за мохнатого куста осторожно выглянула длинная рыба морда.

Я не шевелился.

Осмелев, рыба вышла.

Это была великолепная рулена. Жёлто-зелёная, с малиновыми и голубыми полосами.

Она повернулась ко мне боком и, тыча мордой в чашу ульвы, стала что-то выискивать.

Найдя, она ухватила это что-то губами и, мотнув головой, отломил от камня.

Затем отплыла назад. И тут стало видно, что во рту у неё чернеет продолговатая раковина.

Рулена сжала челюсти — крак! — раковина разломилась.

Затем началось непонятное. Рыба выплюнула мидию. Медленно кружась, та пошла на дно.

Лёгкое тело моллюска тонуло медленнее, а осколки раковины — быстрее.

Рулена подхватила мидию.

Ещё раз укусила — крак! — и снова выплюнула.

Это она повторяла до тех пор, пока на теле моллюска не осталось ни одного кусочка раковины.

Тогда рулена съела добычу.

Я присмотрелся. Зелёный горб камня был весь покрыт мидиями.

Так вот откуда на дне мусор!

Как всё просто.

Рулена стояла ко мне боком, хорошо освещённая солнцем.

Я поднял камеру и щёлкнул затвором.

КТО ПРЯЧЕТСЯ ЛУЧШЕ ВСЕХ

Морские жители — известные хитрецы.

Мне всегда нравилось, как ловко они прячутся. Но кто же прячется лучше всех?

Вот однажды я и решил это узнать.

Поплыл. Дно подо мной было скалистое. Один за другим проходили камни — чёрные, ноздреватые. К ним кое-где прилепились водоросли.

Плыву, присматриваюсь.

Э, а это чьи глаза там сверкнули?

Ткнул ногой в камни, а оттуда как выскочит мордастый ёрш-скорпена!

Весь в бурых шишечках. Страшный, как чёрт! Как будто его самого из этих щербатых камней слепили.

Заскочил ёрш в кучу камней, прижался к ним и снова стал невидим.

Хорошо прячется!

Кручусь я у этой кучи — снова хочу ерша разглядеть.

На камнях веточки водорослей. Камни — чёрные, с зелёными пятнами, веточки — жёлтые.

Вижу — шевельнулась одна веточка. Прыг! — на новое место перескочила.

Это ещё что за диво?

Подплыл ближе. Никакого дива. Веточка-то не простая, а живая. Растёт не на камне, а на лбу у маленькой рыбки-собачки.

Рыбка — зелёная, пятнистая; веточка — жёлтая.

Легла рыбка на дно. Сама замерла и веточкой перестала шевелить. Поди её сыщи!

«Вот так штука! — думаю. — Эта ещё лучше ерша прячется!»

Вспомнил я её родственницу — кроваво-красную собачку, которая меня научила, как вести себя под водой, — и тихонько поплыл дальше.

Приплыл на отмель.

Песок здесь радостный: жёлтый, лучистый.

Знаю — рыб должно быть много, а никого не вижу.

«Тут, — говорю себе, — наверно, самые главные хитрецы живут!»

Вдруг смотрю — из песка рыба спина торчит. Вдоль спины тёмная полоска.

«Эх, ты, — думаю, — шляпа! Закопаться не сумела. Вот я тебя за это поймаю!»

Подплыл и рыбку рукой поперёк спины — цоп!

«Ай-ай-ай!» Чуть не захлебнулся: рыбка шипастый плавник подняла и меня шипом как кольнёт!

Я скорей наверх — и к берегу.

Вылез — давай ранку сосать.

Вот тебе и шляпа! Вот тебе и не закопалась!

Выдавил из ранки кровь. Прижёг ранку спичкой. А к вечеру рука всё равно опухла. Болела долго и зажила только к концу недели.

Когда я рассказал об этом случае знакомым рыбакам, они испугались.

— Да знаешь ли,— говорят,— что от этой рыбки ты мог умереть? Это же змейка, морской дракон. С ней не шути! Счастье твоё, что обошлось...

Так я и не нашёл, кто в море лучше всех прячется.

А вот кто хуже всех — нашёл. Тот, кому можно и вовсе не прятаться.

ВОТ ТАК ШТУКА

Когда я научился совсем прилично плавать под водой, то решил, что пора приступать к охоте.

Ружьё у меня было самодельное. Оно стреляло маленьким гарпунчиком. На шнуре.

Но охотиться — значит, заплывать далеко от берега.

И прежде чем отважиться на это, я спросил у приятелей:

— А акул в Чёрном море нет?

— Как же,— говорят,— есть! Катранами называются. Их тут видимо-невидимо.

Вот так штука!

Я много читал про акул и легко представил себе такую картину: вот один катран подплывает ко мне сзади, переворачивается на бок и — хрусь! — перекусывает меня пополам.

Брр-р-р! Может быть, и не охотиться?

Долго думал и наконец решился. А, была не была! Авось не съедят!

И пошёл в море.

Больше всего мне хотелось застрелить морского петуха — триглу, большую красно-бурую рыбу с огромными тёмно-синими грудными плавниками.

Однако под водой меня ждало разочарование.

Во-первых, плавать с ружьём оказалось не так-то просто. Оно занимало руки, мешало нырять и делать повороты.

Во-вторых, найти морского петуха было очень и очень трудно.

Прямо ко мне подплывали чёрные рыбки с раздвоенными хвостиками — ласточки.

Из водорослей то и дело показывались пёстрые зеленушки. Головастые ерши не мигая смотрели из-под камней.

Все, казалось, говорили: ну, стреляй! Но я выдерживал характер и не стрелял.

Дважды пришлось вылезать из воды, чтобы согреться. Наконец повезло.

Я только отплыл от берега, как заметил на песчаной осыпке под фиолетовой тенистой скалой характерный силуэт рыбы с широкими, как веер, плавниками и большой головой.

Это был петух.

Распуская и свёртывая плавники, он переходил с места на место, роясь в песке.

Я стал подплывать.

Медленно-медленно поднимаю к глазам ружьё, навожу прицел на пятнистый рыбий бок... Ближе... ближе...

Ш-ш-ш-шу! — сорвался гарпун.

Он надвое рассёк левый плавник триглы и, дрогнув, вонзился в песок.

Рыба метнулась вбок и, размахивая обрывками плавника, скрылась за скалой.

Какая досада!

Перезарядив ружьё, я, вплавь обошёл скалу. Ничего.

Покараулил у осыпки. Безрезультатно.

На этом охоту пришлось кончить.

Уже возвращаясь к берегу, я заметил на глубине небольшую серебристо-серую рыбу с острым собачьим рыльцем и хвостовым плавником в виде полумесяца.

Выстрел оказался удачным. Положив рыбу в мешок, я вернулся в город.

— Ну, как дела? — спросили меня приятели. — О, да ты совсем молодец! Гляди-ка, акулу привёз. Ничего катранчик — полметра будет!

Я смотрел на серую рыбу и не верил своим глазам.
Так вот какая она — черноморская акула!
А я-то боялся.

СКУЧНОЕ МЕСТО

Идти на песочную отмель, что левее входа в бухту, друзья мне не советовали.

— Что там для охотника интересного? — говорили они. — Скучайшее место: подводная пустыня.

Но я взял ружьё и всё же пошёл.

Залез в воду.

Кругом и верно пустыня: один песок — жёлтый, гладкий. Так на солнце и блестит.

Никто не пробежит, не проплывёт. Тихо льются сверху зелёные солнечные лучи. Навстречу им снизу поднимается отражённый песчинками свет.

Солнца много, а плыть прохладно. Брр-р-р!..

То ли дело плыть над тёмными водорослями. Там дно нагретое, тёплое.

Но где же здешние жители? Никого не видно. Действительно скучное место.

Плавал я, плавал, плюнул с досады и собрался кончать охоту. Так бы и ушёл. Но тут, чувствую, соскочил у лапа запяточный ремень.

Набрав воздуха, я скорчился и повис в воде, поправляя ремень.

Тогда-то и появился первый песочный житель.

Это была маленькая рыбка светло-жёлтого цвета — ошибень. Она, как ниточка, извивалась по дну.

Вот рыбка всплыла и повисла над песком, быстро вертя хвостиком.

И тут произошло неожиданное.

Песок, над которым висел ошибень, вспучился и разлетелся во все стороны. Из песка выскочила плоская, похожая на коричневую тарелку рыба — цоп! — схватила малька.

«Камбала!» — узнал я её...

Камбала, проглотив малька, опустилась на дно и, перебирая плавниками, стала забрасывать себя песком.

Скоро у неё остались снаружи одни глаза.

Я лёг на воду, раскинув руки, и стал наблюдать, что будет дальше.

Камбале это не понравилось. Она медленно всплыла, как подводная лодка, и с песком на спине осторожно двинулась прочь.

«Ох и лентяйка! Не хочешь снова закапываться, со своим песком поплыла... Ну погоди — стреляю!» — решил я, взвёл ружьё и нырнул.

Роняя со спины комочки песка, пучеглазая рыбина метнулась вправо, влево, с размаху ударилась о дно, подняла облако жёлтой мути... и пропала.

Когда муть осела, камбалы не было видно. Она или успела закопаться в песок, или удрала под прикрытием этой «дымовой завесы».

Я вернулся домой.

— Ничего не принёс? — спросили меня друзья. — Правда, скучное место?

— Ага, — отвечаю. — Ничего не принёс.

Вспомнил, как удирали груженная песком камбала, и улыбнулся:

«А что, если туда пойти ещё раз? Только не с ружьём, а с фотоаппаратом... Конечно, надо. Завтра же и пойду! Непременно!»

Вот тебе и скучное место!

БЕРЕГИСЬ!

Я гнался за стаяй лобанов — стаяй крупной кефали.

Лёгкие, как тени, рыбы скользили у самого дна и при малейшей попытке приблизиться к ним уходили на глубину в открытое море.

И вдруг мне повезло.

От стаи отделился большой голубой лобан и по-

шёл, ошипывая на ходу водоросли, в сторону берега.

Я поплыл за ним.

Рыба зашла в расселину между двумя длинными камнями и остановилась.

Набрав воздуха, я нырнул. Придерживаясь рукой за жёсткие стебли рыжих водорослей, приблизился к расселине и, приподняв голову, выглянул из-за камней.

Лобан был метрах в трёх.

Осторожно подняв ружьё, я старался поймать на прицел серый бок рыбы.

Есть!

Гарпун, звякнув, метнулся вперёд. За ним устремился шнур.

Едва задев рыбу, гарпун пролетел ещё с полметра и с размаху ударился о камень. Дзынь!

Лобан моментально исчез.

На дно белыми петлями бессильно опускался шнур.

Всплыв, я начал торопливо наматывать его на руку. Так и есть: гарпун — единственный гарпун — был повреждён. Из трёх зубьев наконечника сохранился лишь один.

Конец охоте.

Перезарядив ружьё, я снова опустил голову в воду.

Лобан никуда не ушёл! Он медленно кружил на старом месте, словно желая выяснить, что случилось.

Я прицелился во второй раз. Лобан пошёл прочь. Он плыл между камней, всё ускоряя ход.

Кругом светлело — глубина уменьшалась.

Лобан скоро устал, и расстояние до него сократилось. Камни, между которыми он плыл, поднялись и стали сближаться. Мы очутились в скалистом коридоре.

Дно и стены коридора густо поросли розовыми водорослями — цистозирой. Глубина всё уменьшалась — значит, из коридора нет выхода. Лобан попался!

Я уже опустил предохранитель ружья, как вдруг моё внимание привлекла необычная картина.

Водоросли впереди вели себя непонятно.

Они угрожающе шевелились, а самые высокие из них размахивали из стороны в сторону косматыми лапами, словно предостерегая об опасности.

Лобан замедлил ход и остановился.

Что мне водоросли! Я был уже совсем рядом. Вытянув перед собой ружьё, сделал два сильных гребка ногами, навёл прицел на толстый рыбий живот... и беспомощно забарахтался, перевёрнутый волной на спину.

Прибой швырял меня, как щепку: то поднимал к самым скалам, то уносил далеко по коридору назад.

Кое-как я перевернулся на грудь и, отчаянно работая ногами, ушёл на глубину, а потом назад в бухту...

Так вот чем грозили мне водоросли! Они кричали: «Берегись! Волны!» А я их не понимал.

ПРОЩАЙ, МОРЕ!

В сентябре стало прохладно. Нельзя было долго находиться в воде.

Исчезло и большинство рыб. Они ушли дальше от берега, на глубину, где теплее.

Там у них свой — рыбий — юг.

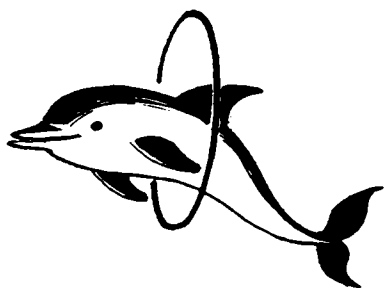
Пора было уезжать и мне.

Сентябрьским утром я сложил все свои вещи, упаковал ласты, маску и в последний раз вышел на берег.

Море лежало передо мной тихое, ласковое. Оно было осеннего, зеленовато-бутылочного, цвета.

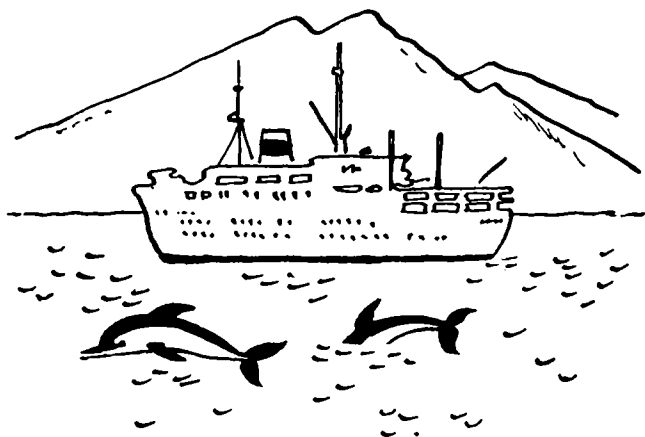
Но теперь я знал — этот цвет обманчив. Настоящие краски моря не здесь, на поверхности. Настоящие краски под водой — жёлтые, зелёные, розовые, голубые...

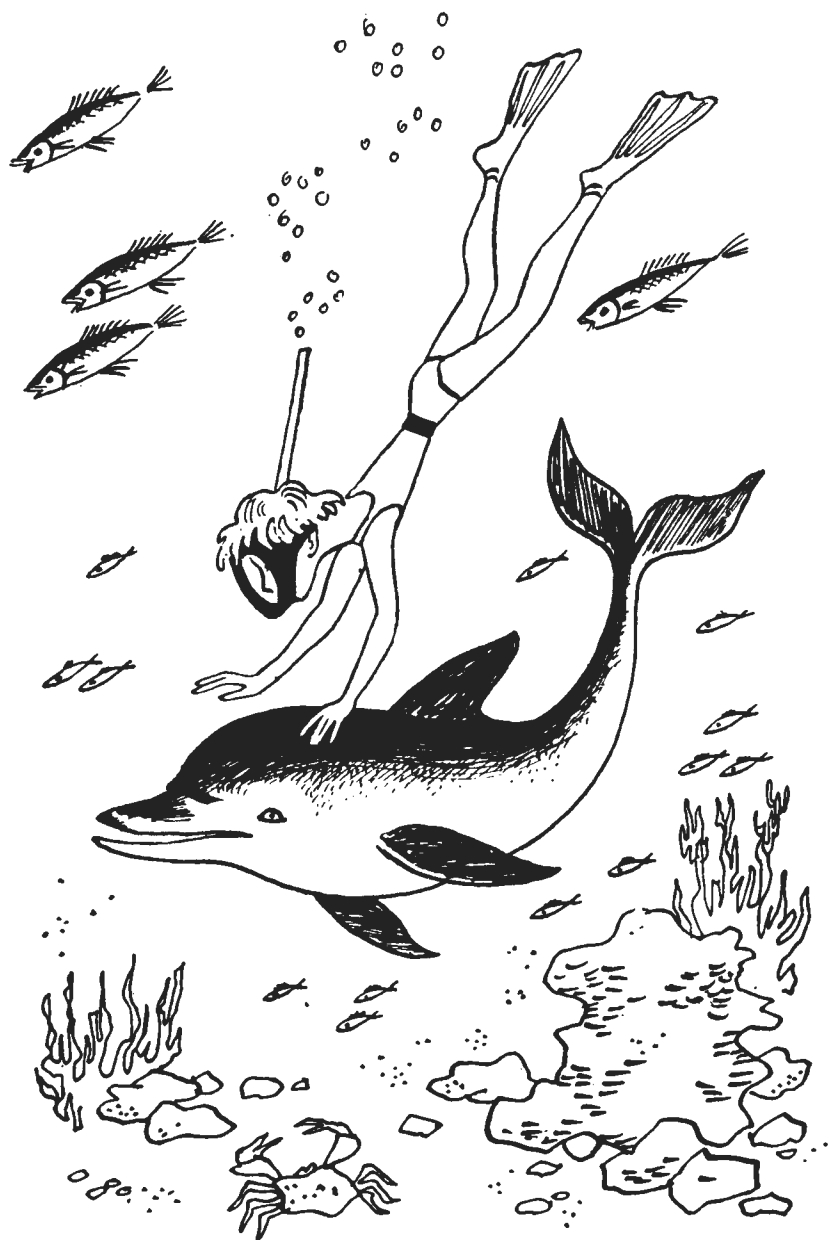
Прощай, разноцветное море!

ДЕВОЧКА И ДЕЛЬФИН

Повести

ДЕВОЧКА И ДЕЛЬФИН

Это рассказ о жизни дельфина.

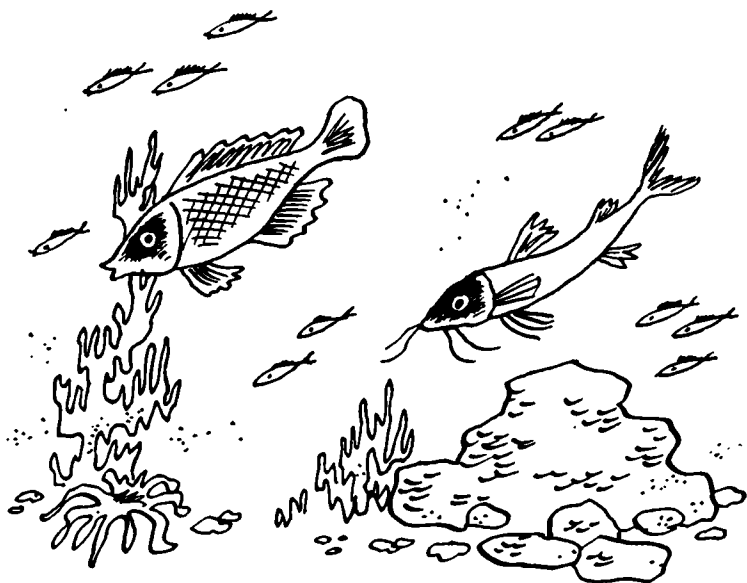
Всё началось прекрасным летним днём — потому что всякое рождение прекрасно, а дельфинёнок появился на свет именно летом в полдень.

Мать подтолкнула его носом — малыш всплыл и очутился в верхнем, самом тёплом слое воды. Как только его голова показалась на поверхности, он судорожно глотнул воздуха, и в тот же миг с глаз его упала пелена, застилавшая мир, плавники обрели упругость, и он издал робкий свист. Хвост его шевельнулся, тельце выгнулось, он ударил хвостом воду и почувствовал, как прохладные струи легко и щекотно текут вдоль боков.

Его мать — дельфиниха Русалка — плыла рядом и смотрела, как борется с водой сын. Вода выталкивала дельфинёнка, новорождённый попытался сделать вдох — накрыла его с головой. Кончилось тем, что волна перевернула его.

— Не торопись, Малыш! — сказала мать.

Так дельфинёнок узнал своё имя.

В первый же день он понял, что плавать — это большое умение. Он узнал, что, если пристроиться чуть выше матери и чуть позади её спинного плавника, вода сама потащит тебя вперёд. Это удивительно: мать несётся, пронзая добрым голубым телом прозрачные глыбы воды, а ты, едва изменяя положение плавников, мчишься рядом, подобно пенному гребню, увлекаемому волной.

Но мать всё время помнила: Малыш должен учиться плавать сам. Проплыв немного, она останавливалась, и тогда дельфинёнок летел через голову, растопырив плавники и трепеща хвостом.

Вскоре после рождения сына Русалка с Малышом вернулась в стаю.

Они стали жить в ней, кочуя по морю и охотясь за серебристой кефалью и зеленоватой скумбрией.

Большой старый дельфин, по прозвищу Пятнистый, вёл стаю в её странствиях по миру. Мир для дельфинов — это вода, а над ней — небо. Всегда одинаковая упругая зеленоватая вода и переменчивое — то синее, заполненное белыми и лиловыми облаками, то свободное от них — небо. Когда небо было чистым, за стаяй тёплым блестящим глазом следило солнце, и Малышу в такие минуты хотелось радостно кувыркаться.

Мир был прост и понятен.

Впрочем, как-то, когда стая охотилась, путь ей пересекло странное сооружение. Оно шло по морю, мерно стуча, и по нему сновали какие-то двуногие существа.

— Это пароход, а на нём — смотри внимательно! — люди, — сказала Русалка и, хотя некоторые дельфины бросились навстречу судну, отвела Малыша в сторону.

Оттуда они следили, как мчатся, выпрыгивая из воды перед самым носом парохода, уверенные в своей ловкости дельфины и как беснуется за кормой парохода жёлтая пена.

В другой раз, выставив из воды голову, Малыш увидел на горизонте странные облака. Они были зелёными снизу, синими сверху. Самые высокие венчали белые шапки, и сколько ни смотрел на них Малыш, эти облака не двигались.

— Почему они стоят на месте? — удивился он.

— Это горы. Там около них и живут люди, — объяснила мать.

В тот день она учила Малыша охотиться.

— Хорошая рыба всегда быстрая, — говорила она. — С ней зевать нельзя. Делай, как я! — И она, издав свист, бросалась вперёд.

Постепенно Малыш научился издавать такой же свист и так же покачивать головой, слушая, откуда придёт эхо. Вот он свистит. Справа, рассыпаясь, как льдинки, доносятся ответные свистки. Он мчится вдогонку, эхо всё чаще, и наконец из голубоватой дымки показываются удирающие кефали. Ещё усиление — и Малыш, первый раз в жизни, хватает зубами сверкающую рыбину.

В Чёрном море нет ни хищных акул, ни косаток.

— Остерегайся сетей! Люди ловят ими рыбу, — говорила мать. — Тонкая сеть прозрачная, она — беда.

И беда пришла.

Как-то дельфины, увлечённые погоней за косяком рыб, очутились около самого берега. Вожак пытался повернуть стаю назад в море, но, привлечённые близостью добычи, молодые дельфины продолжали нестись вперёд.

Пятнистый был опытный зверь. Его челюсти и морду покрывали белые шрамы — следы укусов и ран. Говорили, что когда-то не было в стае второго такого задиры и охотника. Но сегодня даже он был бессилен.

Стая плыла вдоль берега, и Малыш с удивлением разглядывал горные склоны, поросшие деревьями, и белые, как облака, дома, и людей, которые двигались между домами.

Он не заметил, как отделился от стаи. И неожиданно почувствовал, что нос его упёрся в какую-то преграду. Зелёные нити разделили воду перед глазами на ровные квадраты. Это была сеть. Нити не пускали вперёд. Он рванулся назад — сеть последовала за ним. Попробовал всплыть — никак.

Малыш испугался. Он никогда не задумывался над тем, как долго может обойтись без воздуха. Дельфинёнок издал резкий тревожный свист. Несколько пузырьков воздуха выскочило из дыхальца, он забился — сеть обернулась вокруг хвоста. Малыш пискнул, в лёгкие вошло что-то сверлящее, острое — он задышался... И вдруг из лиловой мглы к нему приблизилось чёрно-белое чудовище, сеть начала опускаться. Малыш бросился наверх — в глаза ударило солнце. Он глотнул обжигающего воздуха и потерял сознание.

Очнулся он оттого, что кто-то осторожно подталкивал его снизу. Малыш открыл глаза и увидел Пятнистого. Огромный дельфин терпеливо ждал.

Дальше они поплыли вместе.

Уже издали, приближаясь к стае, они услышали тревожные свистки. Стая металась, окружённая кольцом блестящих, прыгающих на волнах поплавков. Около них покачивался с борта на борт катер.

На палубе сустились люди в сверкающих оранжевых куртках. Поплавки плыли к борту — люди выбирали сеть.

И вдруг люди сделали что-то не так — поплавки разошлись. Образовался проход. Издав призывный властный свист, Пятнистый рванулся туда. Через проход один за другим навстречу ему стали выскакивать дельфины.

Люди торопливо подтянули невод — кольцо снова сомкнулось. В нём осталось несколько животных. И тогда Малыш услышал свист матери. Внутри сети носилась широкими кругами Русалка. Сеть наступала, отесняя её к борту катера. Люди подобрали нижнюю часть невода — дельфины очутились в меш-

ке. Сеть подтащили. Перегибаясь через борт, люди стали ловить животных за хвосты и плавники, осторожно, по одному, втягивать на борт. Последней подняли Русалку. Катер дал ход и пошёл к берегу.

Около входа в узкую бухту над песчаной косой возвышались крыши домов. Здесь катер уменьшил ход.

Один из людей, высокий бородатый человек, перегнулся через борт и удивлённо сказал:

— Смотрите, кто тут ещё!

Следом за катером плыл Малыш.

— Дайте-ка стоп! — крикнул Бородатый.

Он перегнулся через борт и ухватил Малыша за плавник. Маленький дельфин обезумел от ужаса. Он ничего не видел, не слышал и не понял, как очутился в длинном, наполненном водой ящике. Стучал мотор, шумели люди. Катер подошёл к причалу. Ящики с животными — их было четыре — снесли на берег.

Так началась для Малыша новая жизнь.

Учёные — люди в оранжевых куртках были учёными — поместили дельфинов в вольер — огороженную сетями часть бухты. Здесь можно было плавать, приближаясь к самому берегу, опускаться на дно, покрытое крупным красным песком. На дне росли рыжие кустики водорослей и бродили, щупая усиками песок, рыбы-барабульки.

Малыш с матерью плавали по вольеру, тревожно поглядывая через сеть на бухту, на синее море вдалеке, за косой.

Малыш был голоден. Проворные барабульки при его приближении удирали, и ему приходилось каждый раз возвращаться к матери ни с чем.

Прошла голодная, тревожная ночь. Утром, проплывая около сети, Малыш заметил на воде тень.

Солнце едва поднялось, и поэтому тень была длинной. Она начиналась на берегу и кончалась в воде.

На берегу стоял маленький человек — девочка.

Девочка присела на корточки и постучала ладошкой по воде.

Дельфины испуганно метнулись в стороны.

Девочка ушла и возвратилась с ведром, из которого торчали рыбы хвосты. Вытащив рыбку, она присела на корточки. Она держала рыбу за хвост, и стучала ею по воде, и смотрела на дельфинов.

Подошёл бородатый человек.

— Ну, как, Оля,— спросил он,— не берут?

Девочка покачала головой и швырнула рыбу на середину вольера. Мелькнула серая молния — Русалка помчалась по кругу, держа в зубах серебристую скумбрию. Она подплыла к Малышу, дельфинёнок схватил рыбу и, повернув её во рту языком — дельфины всегда едят рыбу так,— жадно проглотил.

— А теперь идите все сюда! — позвала девочка.

Но дельфины боялись. Тогда девочка надела на ноги блестящие, похожие на рыбы хвосты зелёные ласты, на голову — маску с огромным стеклянным глазом и вошла в воду. Держа перед собой в вытянутой руке скумбрию, она выплыла на середину. Первой решилась Русалка. Она приблизилась к девочке и осторожно взяла...

Теперь дельфины носились вдоль стенки вольера. То и дело кто-нибудь из них выходил из круга, подлетал к девочке, хватал рыбу и возвращался. Вода кипела. Огромное серое колесо, образованное телами животных, стремительно вращалось.

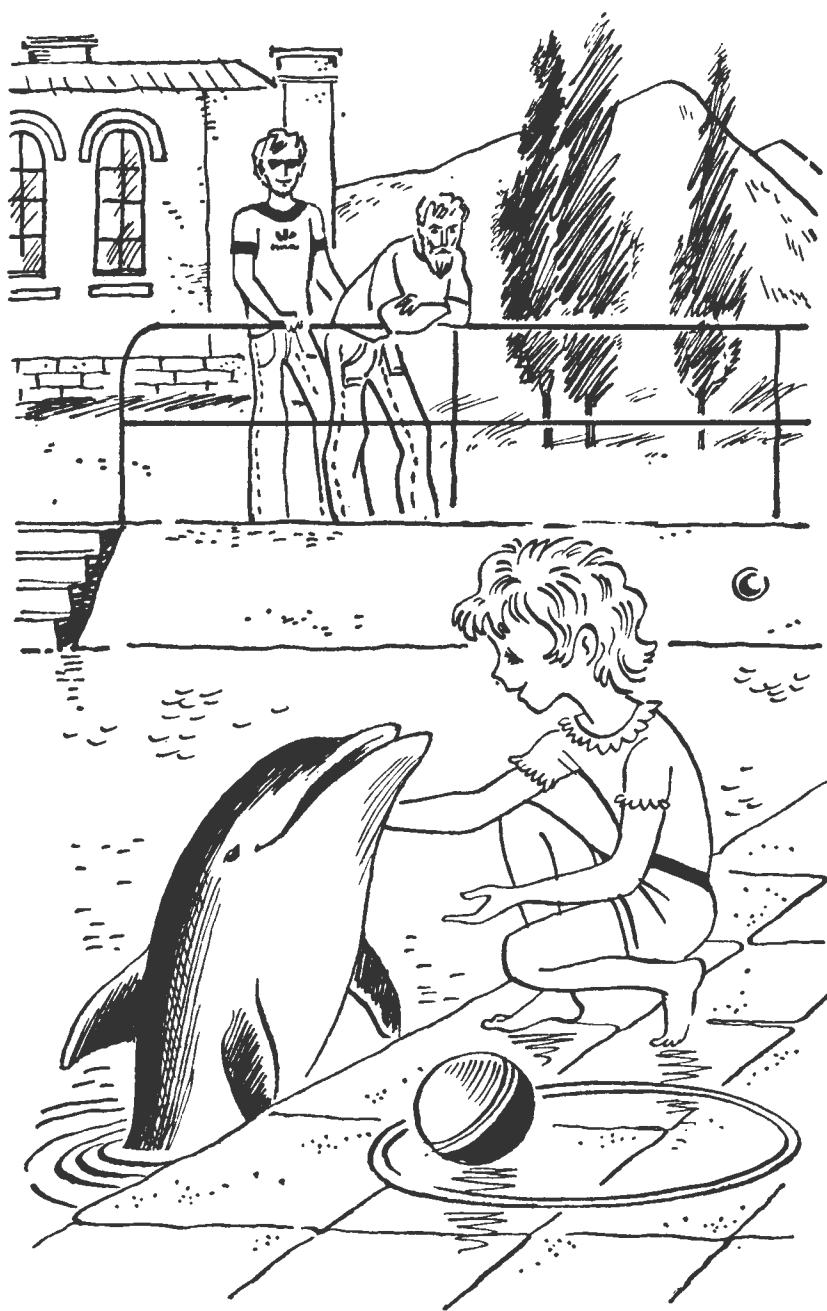
Малыш мчался вместе со всеми.

«Я уже вырос! — радовался он.— Я не отстаю от них!»

«Какой он ещё неумелый и неловкий», — говорила себе Русалка, кося глазом на сына.

Однажды, когда Малыш подплыл, чтобы взять рыбу, девочка погладила его. Дельфинёнок вздрогнул. Острое, неизведанное чувство пронзило маленькое тельце.

На следующий день, когда девочка уселась на

помосте, свесив ноги, он подплыл и ткнулся носом ей в колени.

— Ну, что тебе? — спросила девочка, а сама подумала: «Ты маленький хитрец. Я прекрасно знаю, что тебе нужно».

«Неужели она не догадывается?»

Девочка опустила руку и начала его гладить. Она провела ладонью по челюсти, прикоснулась пальцами к горлу и стала щекотать мокрую кожу там, где начинается плавник...

Теперь она проводила у вольера всё свободное время. Как-то, сев на краю помоста, она взяла в руки маску и шлёпнула ею по воде. Малыш подплыл и осторожно сжал кончиками зубов податливую резину. Девочка подняла маску. Дельфинёнок подпрыгнул и выхватил маску из рук. Это была игра. Прошла неделя, Малыш понял: взятую маску надо возвращать. А ещё они играли так: девочка падала с мостков, а Малыш, поднырнув, пытался вытолкнуть её наверх. У него не хватало сил, а девочка хохотала и кричала:

— Ну, что же ты?

После августовских штилей, когда вода в море до самого горизонта лежала гладкая и блестящая, как рыбий бок, наступила осень. Отгремел первый шторм. Огромные волны приходили с той стороны, где по вечерам пряталось в море солнце. Они с шорохом выползали на косу и опрокидывались, грохоча и вымётывая вверх белые фонтаны брызг.

Волны проникали и в бухту. Вода, раскачиваясь, подняла со дна частицы песка и кусочки водорослей и стала непрозрачной. Впрочем, дельфины, посвистывая, по-прежнему уверенно плавали вдоль сети, а заслышав шаги девочки — скрип туфелек на песке, — собирались возле помоста.

Как-то пришёл Бородатый. Он говорил, остальные люди его внимательно слушали. Он произносил

непонятные слова — «Батуми» и «дельфинариум» — и поглядывал на беспокойное море и на качающиеся в бухте сети.

А потом появился пароход. Не доходя до берега, он уменьшил ход, что-то отделилось от его носа и с грохотом полетело в воду. Пароход замер, задержанный якорем.

Около вольера вновь выстроились в ряд деревянные ящики. Учёные расхаживали между ними. Ящики наполнили водой. Потом в вольер бросили невод, и два человека, медленно плывя, стали оттеснять одного из дельфинов к берегу. Животные уже привыкли, что люди не причиняют им вреда, но когда первого дельфина стали взваливать на носилки, он забился. Носилки подняли и понесли к ящику.

Последним отловили Малыша. Дельфинёнок снова увидел, как ослепительно вспыхивает мир, лишённый воды, почувствовал, как тело охватывают жара и сухость, услышал, как тихие, ясные звуки моря сменяют какие-то другие, мучительно громкие и непонятные.

Он уже лежал в ящике, когда увидел склонённое над собой лицо Оли. Закусив губу, она опустила в ящик обе руки и дрожащими пальцами начала гладить голову Малыша. Потом она заговорила. Голос её срывался, несколько непонятных капель — Малыш решил, что это дождь, — упали в воду. Дельфинёнок ударил хвостом — удар пришёлся по доске.

Бородатый отвёл девочку в сторону. Ящик качался — его подняли и понесли.

А потом был снова стук мотора и знакомые размахи морской волны, которая поднимает и опускает катер. Затем послышался удар, треск — катер неосторожно подошёл к пароходу. Над ящиком навис чёрный, уходящий к самому небу борт. Скрипучие канаты подхватили ящик, и он, раскачиваясь, поплыл по воздуху.

Дальнейшее Малыш помнил плохо. Мерно дышала пароходная машина, подрагивали доски ящи-

ка, и, смещаясь от стенки к стенке, плескала вода. Она с каждым часом становилась всё теплее. От невозможности плавать ныло всё тело. От сухого, пропитанного горькими запахами воздуха кололо в лёгких.

Изредка к ящику подходил Бородатый. Он наклонялся над Малышом, лил ему на голову и на спину воду и что-то говорил, говорил, успокаивая.

Малыш очнулся, когда ящик наклонился и он вместе с водой рухнул в какую-то бездну. Сразу стало прохладно, померк и стал лёгким для глаз свет, в уши вошла тишина. Дельфинёнок изогнулся, ударил хвостом и вдруг почувствовал, что стенок ящика больше нет, а впереди снова открытая, наполненная зелёным ликующим светом вода.

Он поплыл, то поднимаясь и набирая полные лёгкие воздуха, то погружаясь, медленно приходя в себя. Но он ещё воспринимал всё окружающее плохо и поэтому не очень удивился, когда путь ему преградила белая каменная стена. В ней было круглое окно, а в этом окне — человеческое лицо. Человек внимательно смотрел на Малыша. Острота зрения возвращалась к дельфину, и Малыш вдруг понял, что это смотрит на него Бородатый.

Потом рядом с Малышом появилась мать. Проплыли два других дельфина.

Очень скоро дельфины поняли, что не вернулись в море, а находятся в огромной, выложенной блестящим белым камнем яме — бассейне. Около него всё время ходили люди, и всё, кроме воды — она была очень прозрачной, — напоминало вольер.

День начинался так же — с кормёжки. Приходили люди, приносили в вёдрах ту же скумбрию, так же стучали ею по воде, приглашая брать рыбу из рук.

Люди и здесь были добры, но Малышу после ящика и переезда почему-то не хотелось играть.

Отделившись от матери, он плавал вдоль белых стен, равнодушно посматривая на посетителей, которые каждое утро заполняли скамейки, установленные в несколько рядов вокруг бассейна.

Скоро Малыш заметил, что один из дельфинов плох. Он стоял на месте, держась около самой поверхности, и только изредка привсплывал, показывая над водой затылок. Его хриплое дыхание пугало Малыша. Больному становилось всё хуже: Он уже не двигался, и только Русалка, проплывая мимо, каждый раз помогала ему подняться для вдоха.

Это увидели люди. Они опустили в бассейн маленькую лодку, поддерживая руками, отвели дельфина к борту бассейна, а потом унесли.

«Неужели он не вернётся?» — подумал Малыш.

— Теперь нас трое, — сказала Русалка.

Третий дельфин — люди прозвали его Одиноким — был очень самолюбив и всегда держался особняком.

Вскоре в бассейне начались перемены. Бородатый человек, решив, что звери уже привыкли к новому дому, стал приносить и бросать в бассейн разноцветные круги и мячи. Ветер гнал их. Бегущие по воде мячи вызывали желание подтолкнуть носом, задеть плавником, а круги — взять в зубы и тащить.

Бородатый внимательно наблюдал: что будет? И как только увидел, что Русалка гонит перед собой мяч, тотчас подозвал её и дал рыбу.

Затем её получил Одинокий.

Малыш остался без награды. Он плавал задумчиво; хотя, вероятно, то, что приходило ему в голову, не было думами, а было, скорее всего, только смутным желанием перемен.

— Непонятно! — сказал Бородатый, наблюдая за Малышом. — Прежде был такой бойкий, а теперь... Ладно, посмотрим!

Начались представления. С утра скамейки вокруг бассейна заполняла пёстрая толпа. Приходили загорелые и ярко одетые люди, прибежали шумные,

вёрткие дети. Звучал колокольчик. Русалка и Одинокый подплывали к помосту. Там стоял бородатый человек. Он гладил дельфинов и незаметно совал им в рот кусочки скумбрии.

Потом на воду спускали плот. На него усаживали куклу, и Одинокый, взяв в зубы кончик верёвки, возил её по бассейну. Потом дельфины брали из рук стоящего высоко над водой человека рыбу, и прыгали через подвешенное кольцо, и даже немного играли в мяч.

На этом представление заканчивалось.

Но люди не уходили, бородатый человек долго им что-то рассказывал, то и дело показывая на дельфинов. Он говорил в микрофон, и его низкий, рокочущий голос перекачивался над водой.

Малыш в представлениях не участвовал. Он плавал в стороне, а если задавали вопрос, почему не играет и не прыгает маленький дельфин, бородатый человек отвечал обычно, что он ещё мал и надо подождать.

Это был пасмурный дождливый день, каких немало бывает в Батуми. Дождь набегал на город короткими ливнями. С неба на землю опускались белые струи, а навстречу им от камней и асфальта поднималась клубами водяная пыль. Капли падали в бассейн, и тогда поверхность воды становилась рябой, а если дождь усилился, вся покрывалась ломкими белыми пузырями. И вот в минуту, когда дождь на время утих, Малыш вдруг услышал полузабытый звук: кто-то похлопывал ладонью по воде.

Что-то тревожное, знакомое было в этом стуке. Он повторился. Малыш пересек бассейн и выглянул из воды.

Дождь прошёл. Из-за туч появилось солнце — всё вокруг блестело. Блестели листья деревьев, блестели скамейки, блестела вода в бассейне. Всё было ярким, словно покрашенным заново. И среди этого

обновлённого мира, блестя мокрыми волосами, в ярком, неожиданно новом платье стояла Оля.

Малыш не сразу понял, что произошло. Не отдавая себе отчёта в том, что делает, он подплыл, ткнулся мордой в ладонь, и детские пальцы опять сжали ему кожу у рта, скользнули вниз к горлу и, потрепав скользкий упругий бок, замерли у плавника.

— Я приехала, Малыш. Как я рада видеть тебя. Мы будем вместе целый месяц! — сказала Оля.

«Она вернулась навсегда!» — подумал дельфинёнок. Большой бородатый человек, придя вечером в бассейн, не сразу понял, что происходит. На помосте стояла девочка и держала в руке красную пластмассовую кеглю. Малыш, сильно разгоняясь, раз за разом выскакивал из воды и то брал из её рук игрушку, то возвращал. Сделав круг по бассейну, он стремительно разогнался, вылетал из воды, поднимался в воздух, на мгновение застывал и, прежде чем начать падать, лёгким движением головы касался её рук. Кегля ярко сияла на солнце, с неё летели во все стороны красные брызги, девочка смеялась, а небольшая кучка поздних посетителей, стоя у края бассейна, радостно хлопала в ладоши.

— Оля, ты откуда взялась? — удивился бородатый человек. — Надолго к нам? Узнал он тебя? Вот хитрец — в один день научился! А я-то с остальными бьюсь по месяцу...

Два голубых зверя стремительно промчались мимо них. Одиноким преследовал Русалку. Он догонял её. Впрочем, так казалось ему. Русалка была сильнее и, если бы захотела, легко могла ускользнуть. Она то незаметно замедляла ход, то снова, когда Одиноким настигал её, рывком уносилась прочь.

Теперь для Малыша дни закружились весёлой вереницей. Он охотно участвовал в представлениях — научился кувыркаться в воздухе и забрасывать в баскетбольную корзину мяч. Но любимый их номер был такой. Оля ложилась на воду. Она лежала

неподвижно, а Малыш, важно пыхтя, «спасал» её — поддерживал снизу лбом и подталкивал к берегу.

Люди весело кричали и размахивали газетами, дети подбегали к краю бассейна и с завистью смотрели на девочку.

...Она уехала таким же дождливым днём. Прощаясь, долго стояла у воды и что-то говорила Малышу, но тот, ничего не поняв, тронул зубами опущенную руку и быстро поплыл к мосткам, куда принесли еду.

Он не сразу заметил, что девочки больше нет.

В бассейне темнело и становилось опять светло — закрытое облаками солнце бледным пятном скользило над крышами домов. Оля не приходила, и тогда Малыш понял, что это — всё. Он опять перестал участвовать в представлениях. Другие дельфины показывали трюки, а он неподвижно стоял в дальнем углу.

— Ну, брат, ты меня так удивляешь! — сказал Бородатый.

Он развёл руками и решил, что это уже не просто память, а нечто большее, может быть, похожее на то, что чувствуют друг к другу люди, и что лучше всего Малыша не трогать.

«Он, наверное, болен», — подумала Русалка. Но думала она это уже спокойно, потому что знала: сын вырос, и ещё потому, что теперь всё больше и больше проводила часы с Одиноким, помогая ему делать трудные номера и даже иногда уступая свою рыбу.

Между тем летели дни, и однажды люди заметили, что из бассейна уходит вода. Бородатый, надев резиновый костюм, опустился на дно. В белом кафеле зияли трещины.

— Этого ещё не хватало! — сказал он и распорядился, чтобы в море неподалёку от берега установили небольшой вольер и туда на время ремонта перевели дельфинов.

Так они снова очутились в море.

Вода здесь была мутной от мелкой известковой пыли, которая поднималась со дна. Волны шевелили гальку, и белые облака, клубясь, входили в вольер.

Безмолвие бассейна снова сменил разноголосый шум моря. Малыш радостно слушал его. Вот поскрипывает, переливаясь по дну, галька. Вот шумят хвосты идущих на добычу тунцов. Вот заскрежетал жаберными крышками и умолк морской петух — тригла. Вот, стуча клешнями, пробежал по дну тяжёлый, в каменном панцире краб.

Но что это? Громкий свист. За ним другой... Шумят хвосты больших животных. Звуки всё ближе. Не выдержав, Малыш свистнул в ответ. И тотчас же из бело-голубой мглы выплыли силуэты. Дельфины! Стая окружила вольер. Самый большой из дельфинов сразу же начал осматривать сеть, время от времени покачивая головой. Что-то знакомое почудилось Малышу. Следы укусов на голове, морду пересекает белый шрам... Пятнистый!

Старый дельфин узнал и Малыша и Русалку. Он ещё раз осмотрел сеть и, найдя место, где волны сорвали и унесли несколько поплавков, положил на верёвку голову. Та подалась. Дельфин навалился на неё всем телом, сеть притонула, образовав проход...

Пятнистый внимательно посмотрел на Малыша.

Осторожно, стараясь не задеть плавником верёвку, маленький дельфин проплыл над сетью и очутился на свободе.

Оставались ещё двое. Пятнистый продолжал держать.

Одинокий равнодушно отплыл в угол и повернулся головой в сторону берега. Русалка заматалась. Она подплыла к Пятнистому. Глаза их встретились. Старый дельфин с трудом удерживал сеть.

И тогда тяжело, словно таща за собой груз, она направилась к Одинокому. «Я не должна оставлять его!» — повторяла она про себя. Она подплыла к Одинокому, и они застыли бок о бок, покачиваясь

вместе с водой. И тогда Пятнистый снял с верёвки голову. Сеть всплыла.

Пересвистываясь и выпрыгивая из воды, стая понеслась прочь. Впереди мчались Пятнистый и Малыш. Они плыли плавник к плавнику, одновременно показываясь над водой и погружаясь.

«Как прекрасно — я снова в море!» — радовался маленький дельфин.

«Он долго жил среди людей и многое видел. Из него когда-нибудь выйдет хороший вожак!» — думал Пятнистый.

Прошёл пароход. Он направлялся в Батуми. Стая повернула следом. Всегда лучше держаться около порта или близ устьев рек, где часто встречаются косяки и где рыба нагуливает жир...

Пожалуй, на этом можно бы закончить историю о Малыше. Всё случилось именно так, как думал Пятнистый. После его смерти вожаком стаи сделался Малыш. И хотя он больше не рос, а так и оставался небольшим дельфином, не было в Чёрном море вожака умнее и справедливее его. Он всегда знал, в какое время подходит к берегу ставрида и скумбрия, каких пароходов и катеров следует бояться, и мог освобождать из любых сетей запутавшихся дельфинов.

И всё-таки это ещё не конец истории.

Девочка вернулась в Батуми — на этот раз навсегда. Она стала здесь жить и ходить в школу, а ещё — помогала Бородатому. Во всём этом не было бы ничего странного или необычного, если бы с некоторых пор её родители и соседи и даже её друг — Бородатый — не стали замечать, что она часто по вечерам уходит одна на пляж.

Если ночью ожидается дождь, солнце над Батуми идёт к закату красное. Оно опускается в лиловые

облака. Облака громоздятся друг на друга, и в щелях между ними, как иглы морского ежа, торчат красные солнечные лучи.

В такие вечера на городском пляже мало народу. Сложенный из серой гальки пляж тянется вдоль всего побережья от реки Чорох до Батумийской бухты. За пляжем, отделяя его от городских домов, начинается бульвар. Там шелестят крепкими, как картон, листьями невысокие пальмы и одуряюще пахнет лавром.

Вечерами на пляж приходит девочка. Она сбрасывает платье, входит в воду, нагибается, берёт два камня и начинает постукивать ими. Она держит камни у самого дна. Короткие щелчки разбегаются во все стороны, гаснут, если они устремляются вдоль берега, и несутся беспрепятственно и далеко, если направлены в море.

И тогда в лиловой вечерней воде показывается чёрная точка, она мчится, то исчезая, то появляясь, прямо к берегу, и скоро становится видно, что это кривой, изогнутый плавник. Последние метры дельфин плывёт, не погружаясь, и красные блики заходящего солнца вспыхивают на его гладкой блестящей коже.

Малыш подплывает и тычется носом в колени девочке. Она гладит его по голубоватой морде, а он пытит и делает вид, что хочет вырваться из детских ладоней.

Потом девочка делает шаг вперёд — глубина здесь увеличивается очень быстро, — и они плывут прямо в море навстречу темноте, чтобы там, невидимые для случайных посетителей пляжа, вести свои продолжительные беседы и игры.

Они плавают так до тех пор, пока небо на востоке не станет совсем чёрным, а в противоположной стороне тучи, если они есть, не обнимут весь горизонт.

Тогда они направляются в сторону берега. На бульваре уже вспыхнули огни, и поэтому серая

полоска пляжа кажется белой. Они подплывают, девочка становится ногами на зыбкое каменистое дно, хлопает дельфина по спине, и тот, круто повернувшись, устремляется назад.

...Если дождь не ожидается, закат в Батуми короток и одноцветен. Едва только скатится за горизонт оранжевая капля солнца, сумерки наполняют аллеи и красят в голубой цвет галечный пляж.

По нему идёт девочка. Круглые голыши щёлкают в такт её шагам. Подошвы скользят. Девочка спотыкается, и при этом короткие волосы падают ей на лицо. Она отбрасывает их, поворачивается и смотрит на море. По тёмной его поверхности удаляется, вспыхивая и угасая, пенная точка. Небольшой дельфин стремительно плывёт назад к стае, которая терпеливо дожидается своего вожака.

ЛОЦМАН МАШКА

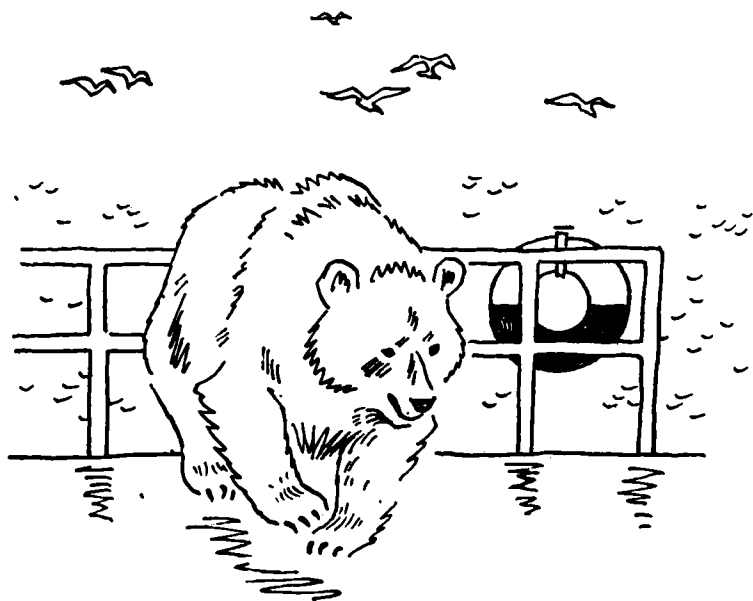
ПРОВОДКА

Город стоял на берегу лимана. В лимане кончалась река Амур. Ближе к реке дома в городе были двухэтажные, подальше — в один этаж. За одноэтажными домами начиналась тайга. Амур плыл мимо города жёлто, неторопливо. В лимане за далёкой полосой сахалинского берега целый день кочевали облака.

Это был город лесорубов, рыбаков, лоцманов.

Июльским днём из города в лиман вышел катер с баржей.

Стучал дизелёк, баржонка на провисшем стальном тросе рыскала из стороны в сторону. В рулевой рубке рядом со старшиной катера стоял лоцман.

— Та-ак,— сказал лоцман и посмотрел на маленький катерный компас.— Чуть левее бери: сейчас под берегом буй откроется. От него и пойдём.

Показалась цепочка буёв — красные конические бочки с решётчатыми башенками. На башенках поблёскивали резными стёклами фонари.

— Страшное дело,— сказал старшина,— сколько река песку, глины тащит. Мель на мели. Работает Амур!

Лоцман кивнул и закашлялся.

— Скрипишь? — спросил старшина.

Лоцман не ответил. Он поправил на голове порыжевшую фуражку с кокардой и приоткрыл железную дверь. В рубку ворвался холодный воздух.

Под дверью кто-то повизгивал.

— Машка,— сказал сердито лоцман,— опять сюда пришла? Марш на место!

В дверь просунулась чёрная медвежья голова. Машка посмотрела на людей, шумно вздохнула, блеснула белой салфеточкой на груди и исчезла.

По железной палубе зацокали когти.

Лоцман посмотрел ей вслед.

Машка устроилась около машинного люка на коврик из веревок. Она возилась, отворачивалась от брызг, летящих через борт, скулила.

— Через три часа к «Победе» подойдём! — сказал лоцман, возвращаясь в рубку.— Отлив сейчас. Полной воды там ждать будем!

К рыбацкому колхозу «Победа» подошли под вечер. Над синими сопками на западе уже зеленело небо. Заметив катер с баржей, на берег высыпали рыбаки. Двое из них прыгнули в лодку, оттолкнулись, пошли навстречу.

— Прохору Петровичу! — крикнул один рыбак.— Газетки свежие есть?

Прохор Петрович бросил в лодку пачку газет, перевязанную бечёвкой. Он стоял у борта, у его ног тёрлась Машка.

Лодка ударилась о катер. Машка встала на задние лапы и, положив морду на цепной поручень, посмотрела на рыбаков. Рыбак нагнулся и вытащил из-под скамейки серебристую скользкую горбушу.

Машка поймала рыбину на лету, уселась и, радостно урча, принялась её грызть.

— Избалуеть её! — сказал Прохор Петрович рыбаку в лодке. — Она и так это место от самого города ждёт.

Рыбак махнул рукой.

— Ладно. Ну, а тебе как, пишут? — крикнул он на прощание.

Лоцман не ответил.

— А ты всё равно пиши, пиши. Война, знаешь, как всё перевернула? Пока разберутся! — крикнул ещё раз рыбак, и лодка ушла.

ПОЧТА

Назад возвращались налегке, без баржи.

Весело стучал дизелёк. Жёлтые брызги летели на рубку, на машинный люк.

— Быстро мы её отвели! — сказал старшина. — Раз-раз — и назад. У сахалинского берега, говорят, опять буи сдвинуты!

— Ползут мели, ползут! — ответил лоцман.

Войдя в порт, катер стал у причала.

Прохор Петрович сошёл с катера, скрипучей дощатой лестницей побрёл из порта наверх в город.

Над обрывом, четырьмя окнами выходя на реку, желтело новое, обшитое тёсом здание. Над крыльцом синяя с белыми буквами доска:

ПОЧТА

За спиной лоцмана мягко застучали доски. Прыгая со ступеньки на ступеньку, его догоняла Машка.

Прохор Петрович вошёл в почту.

Девушка в окошке «до востребования» кивнула ему, защёлкала письмами в ящике.

— Вам опять тоненькое, — огорчённо сказала она и протянула жёлтый листок с отпечатанным типографским текстом.

— Опять не нашли!... Снова запрашивать будете?

Прохор Петрович кивнул, отошёл к конторке, морщинистыми загрубевшими пальцами взял ручку, прямыми высокими буквами написал открытку.

Девушка мельком взглянула на неё, выше и правее слов «адресный стол» наклеила марку.

— Пошли, Машка, назад, на катер! — сказал Прохор Петрович.

БЫЛА ВОЙНА

Лоцман лежал на узкой катерной койке, укрытый ватником, и смотрел, как в круглом иллюминаторе вспыхивают синие и жёлтые солнечные зайчики.

За бортом, казалось совсем рядом, у локтя, бормотала, булькала вода. Койка чуть-чуть покачивалась.

Лоцман уснул.

Ему опять приснилась война. Дымные пароходы в таллинском порту. Жена с дочкой на палубе парохода. У дочки в руках была красная плетёная корзинка. Отдали швартовы, пароход развернулся и отошёл от причала. Сотни рук заметались в воздухе над чёрным пароходным бортом. Среди них мелькала — не угадать какая — рука жены и светилась поднятая над головами красная корзинка. Пароход уходил в Ленинград. Вдруг завывли сирены. Отчаянно затарахтели зенитки. С запада, прячась в облачных полосах, на город плыли вражеские самолёты.

Пароход отчаянно задымил и поспешил к другим кораблям — военным — под прикрытие их орудий.

Прохор Петрович стоял, прижавшись спиной к бетонной стене склада, и смотрел, как мечется по палубе красная корзинка...

— Прохор Петрович! — раздался голос. В каюту просунулась голова матроса. — Вас в порт вызывают, к начальству!

«Опять уговаривать», — подумал Прохор Петрович, снял со стены фуражку, натянул ватник и вышел на палубу.

КАТЕРА

Начальник сидел за большим пузатым столом и вертел в руках толстую зелёную авторучку.

— Вот и ты! — сказал начальник и кивнул.

Прохор Петрович остановился перед столом.

— Как здоровье? — спросил начальник.

— Ничего.

— Вот, вот... только что ничего. Дело есть срочное. Не знаю, как с тобой и быть.

Прохор Петрович пожал плечами. Он мял в руках фуражку с гербом, смотрел на зелёную авторучку и думал: «Сейчас опять начнёт про берег...»

— Проводка есть одна. Срочная, — сказал начальник и поскрёб пальцами лысый выпуклый череп. — Катера в бухту Надежда провести надо.

— Раз надо... — сказал Прохор Петрович.

— Военные катера. Народ там молодой; винты тонкие, сидят глубоко. Наломаете дров — всем отвечать... — Начальник поморщился и махнул рукой. — Ладно! Всё равно: все лоцмана в разгоне — идти надо тебе... Стареешь, Прохор Петрович, стареешь! Вон глаза — как углем обведены... В Надежду вход-то теперь по-новому: от буя рекомендуется поворот влево. Обмелело там. Ну, иди!

...Катера подошли ночью.

По узенькому трапу Прохор Петрович поднялся на борт головного.

На мостике, рядом с рулевым и сигнальщиком, стоял молодой лейтенант.

— Лоцман? — спросил лейтенант.

— Лоцман.

— Отходим!

Позади Прохора Петровича послышалось сопение, трап подпрыгнул.

— Это ещё что такое? — спросил лейтенант и посмотрел в темноту. — Вахтенный, не пускать собаку!

— Медведь тут, товарищ лейтенант! — крикнул вахтенный.

— Какой медведь? Гнать его!

Прохор Петрович, не говоря ни слова, повернулся и пошёл по трапу назад.

На катерах уже заводили моторы.

— Чёрт его знает что! — сказал лейтенант. — Это ваш медведь? Так ведь поймите, нельзя его брать на военный корабль!

Прохор Петрович пожал плечами.

— К вечеру шторм обещают! — сказал сигнальщик.

— Тьфу ты!.. Пропустите зверюгу! — сказал лейтенант. — Только чтоб её духу около мостика не было. Пускай на корме сидит. И к пулемётам не подпускать!

Прохор Петрович вернулся.

С громом завелись моторы. Катер рывком отлетел от причала и помчался в чёрную ночь, вымётывая из-под бортов белые гаснущие пятна пены.

На поворотных, невидимых в темноте мысах, звёздочками замерцали маячные огоньки.

— Проблёскивают! — сказал лейтенант, показывая на огоньки. — Там, что ли, главные мели?

— Затмеваются, — сказал Прохор Петрович. — Здесь все огни затмеваются... Главные мели утром проходить будем.

Ночь кончилась, занялось утро — полный штиль.

Из-за тоненькой полоски сахалинского берега

всплыл оранжевый шар солнца. Желтея и уменьшаясь, он начал подниматься выше и выше.

— Море-то как остеклело! — сказал Прохор Петрович.

За головным катером шли ещё три. Они неслись, не касаясь носами неподвижной воды, глубоко погрузив кормы. Оттого, что катер не трясло и не било, Прохору Петровичу казалось, что он совсем не движется.

Впереди вынырнул красный буй.

— Тут мели? — спросил лейтенант.

Прохор Петрович кивнул.

— Буй не на месте, — сказал он. — Должно быть, его волной сдвинуло.

Лейтенант удивлённо поднял брови.

— Что же делать? — встревоженно спросил он.

— Ничего, повернём! Как на берегу вон та сопочка за соседнюю спрячется, — поворот сделаем.

Лейтенант поднял бинокль и осмотрел берег.

— Ничего не разобрать! Где вы сопочку увидели?

— Сейчас, сейчас... подходят... Сошлись! — крикнул Прохор Петрович. — Лево руля!

— Лево руля! — сказал лейтенант.

Он молчал до тех пор, пока по носу не открылся следующий буй.

— Точно идём! — сказал он. — Ну, у вас и глаза! Сигнальщик, передайте на камбуз, чтобы на мостик подали чай. Мне и лоцману.

ПОВОРОТНЫЙ БУЙ

К бухте Надежда подошли в полдень. Синие сопки поднимались, поднимались из-за горизонта и встали наконец на пути коричневыми громадами. Потом они раздвинулись, и между ними открылся вход. В глубине бухты серыми пятнышками всплыли домики рыбкомбината.

— Будем входить! — сказал Прохор Петрович. —

Жаль, вода уже дрогнула, на убыль пошла. Неглубоко здесь.

Катера неслись чуть покачиваясь. Над плоскими командирскими рубками дрожали пулемётные стволы. Из-под днищ летели длинные клочья пены.

— Будто на месте стоим,— крикнул лейтенант,— а скорость-то ого-го!

Он весело оскалился.

Показался, словно выпрыгнул из воды, буй. Он так стремительно нёсся навстречу катеру, что лоцман вздрогнул.

— Поворот сейчас!..— сказал он.

— В какую сторону? — крикнул лейтенант.

— Был вправо,— начал Прохор Петрович и вдруг вспомнил. Но было уже поздно. Катера один за другим, как в громадной карусели, понеслись, огибая буй справа. Тёмные следы за их кормами вдруг сделались мутно-жёлтыми.

— Малый ход! — крикнули сразу и Прохор Петрович и лейтенант.— Застопорить ход!

Катер ударился о что-то мягкое раз, второй и остановился. Остальные катера разбредлись кто влево, кто право.

— Влево поворот здесь теперь,— пробормотал Прохор Петрович,— влево...

— Может, обошлось? — спросил лейтенант, оглядываясь.

— Вижу плавающий предмет! — крикнул сигнальщик.

Один из катеров осторожно подошёл к тёмному пятну.

— Шевелится! — удивился сигнальщик.— Тащат... Вытащили. Да это же медведь! — ахнул он.— У нас с кормы слетел. Во крутанули!

Вошли в Надежду, подошли к пирсу. Машку сейчас же привели к лоцману. Прохор Петрович стоял, перебирая пальцами Машкину шерсть.

«Вот и не успел! — думал он.— Вот и посадил на меляку!»

Катера завели в судоподъёмник. Таями подняли корму головному. Бронзовые винты горели, как полированные.

— По песочку прошли! — сказал лейтенант. — Как наждаком их вычистило! Счастье, что не поломали, а то бы — суд!

БОЛЕЗНЬ

Назад из Надежды Прохор Петрович с Машкой добирались плохо. Шли на палубе траулера. Лоцман простыл. Он стоял, привалясь к борту. Перед глазами всё время горели золотом блестящие, надраенные песком винты. Болела грудь.

«Неладно получилось! — шептал сам себе лоцман. — Неладно!»

Вернулись в город, он первым делом пошёл на почту.

— Вам опять тоненькое! — сказала девушка. — Вы знаете, я заметила: как из адресного стола отказ — тоненький листок приходит: «Таких-то в списках не значится» или «Местопребывание неизвестно». А если бы нашли ваших, телеграмма или пакет были... Вы всё равно пишете. Сейчас многие пишут и находят.

Прохор Петрович написал новую открытку, наклеил на неё марку — зелёный танкист в шлеме, весёлый и молодой, — и пошёл к двери.

— Вид-то у вас какой нехороший. Устали сильно. Только с лимана?

Лоцман кивнул и вышел на крыльцо.

У крыльца сидела Машка. Вокруг неё толпились ребята.

Прохор Петрович хотел было что-то сказать, протянул к Машке руку и вдруг увидел, что улица вместе с домами опрокидывается. Серое небо наклонилось, и по нему поплыли синие круги...

На шум падения из почты выбежала девушка.

— Что же вы стоите? — закричала она на мальчишек.— Помогите. Подержите голову... Ты, самый большой, беги в порт, позови матросов. Я сейчас! Она убежала звонить в «Скорую помощь».

С воем подлетела белая, с красными крестами на дверцах машина.

Дверцы открылись и захлопнулись. Снова завывала сирена.

Прохора Петровича увезли.

Девушка повела Машку. Скрипела лестница. Машка неуклюже слезала со ступеньки на ступеньку и всё время оглядывалась. Навстречу из порта уже бежали.

БЕЗ ХОЗЯИНА

Прохор Петрович не возвращался.

Машка беспокойно металась по палубе, то и дело подходила к трапу, обнюхивала его. Доски пахли чужими.

Заметив открытый люк, Машка залезла внутрь катера. В тесном маленьком коридорчике была всего одна дверь. За дверью — тесная каютка, в ней койка, застеленная рыжим одеялом.

Машка понюхала одеяло и радостно завизжала. Она тёрлась о него длинной узкой мордой, царапала когтями, лизала.

— Смотри, чего натворила! — закричал матрос, заглянув в каюту.— Одеяло испортила! А ну отсюда!..

В тот же день катер ушёл на проводку.

Вместо Прохора Петровича в рубке, рядом со старшиной, стоял новый лоцман. Он был маленький, сухонький, всё время шелестел картой и выбегал с биноклем на палубу.

— А вы не волнуйтесь! — сказал ему старшина.— Человек хотя вы и новый, да проводка обычная. Сто раз ходили!

Маленький лоцман кивнул, но на всякий случай ещё раз осмотрел берег в бинокль.

— У вас тут сложно! — сказал он. — Река, приливы, отливы... У нас на Балтике проще!

И он вздохнул.

Мимо открытой двери по палубе прошмыгнула Машка.

— И знаете, — сказал лоцман, — у нас на Балтике зверей держать на кораблях не разрешают. От них запах и портится обмундирование.

Когда катер с баржей подошли к «Победе», Машка снова появилась у рубки.

— Иди, Маша, на корму! — ласково сказал старшина.

Машка посмотрела на медленно движущийся берег и недовольно замотала головой.

— Урч! — сказала она.

— Пошла на место!

— Рррр!

— Ничего не понимаю, почему она сердится? — сказал старшина. — Тихий зверь, год с нами плавает, все порядки знает...

— Может, что делаем не так? Не тем курсом идём? — осторожно спросил балтиец.

Старшина засмеялся. В этот момент катер дёрнулся, старшина и лоцман упали друг на друга.

— Трос лопнул! Баржа сидит! На мель выскочила! — закричали матросы.

Все выбежали на палубу.

Баржа неподвижно стояла на месте. Вокруг неё расплывалось жёлтое пятно.

— Отдать якорь! — скомандовал старшина. — Ах ты! — добавил он. — И верно, не так шли: прилив-то забыли. На этом месте, — обратился он к лоцману, — Прохор Петрович всегда останавливался, прилива ждал... Где эта чёртова скотина?

Машка уже была на носу. Она стояла столбиком у борта и облизывалась. От берега к катеру шла лодка. Ветер доносил сладкий запах горбуши.

Прохор Петрович лежал на белой больничной кровати, укрытый тонким застиранным одеялом.

Над ухом шёпотом бормотал репродуктор.

Ночь лоцман не спал. За окном в чёрном небе падали звёзды. Они летели наискосок из левого угла, вправо и вниз. Не долетев до подоконника, звёзды гасли.

Под утро Прохор Петрович забылся. Ему снова приснился сон.

Снился адресный стол.

Стол был огромный. Он стоял над всем городом, упираясь четырьмя ногами в землю.

Маленькие люди суетились у его подножия. Людям нужно было узнать что-то очень для них важное. Они кричали и размахивали руками. Стол стоял молчаливый, как гора. Изредка с него срывались и падали вниз белые листки бумаги.

Прохор Петрович тоже суетился и бегал вместе с людьми. Он тянул руки вверх к падающим листкам, но каждый раз толпа относила его в сторону.

Вдруг Прохор Петрович увидел Машку. Она пробиралась к нему. В зубах Машка держала белый листок. Она повизгивала и огрызалась — ей наступали на лапы. Листок белел, как салфеточка на груди.

Прохор Петрович хотел броситься к ней навстречу, но почувствовал, что ноги у него опутаны якорной цепью. Он с трудом волочил их.

Когда до Машки оставалось каких-то десять шагов, Машка и стол исчезли. Вместо города перед ним жёлто и безбрежно горел на солнце лиман. Под ногами качалась палуба...

Прохор Петрович проснулся. Кто-то осторожно покачивал койку.

Перед ним стояли сестра и врач в белых халатах.

— Мы решили выписать вас, — сказал врач. —

Только никаких рейсов. Ни реки, ни моря. Служите, если хотите, на берегу. И каждый месяц проверяйтесь у нас.

НОВАЯ РАБОТА

Мокрая глинистая дорога сделала ещё один поворот. Открылась бухточка. Прохор Петрович спустил с плеча на землю фанерный, с острыми углами, чемодан. Машка подошла к чемодану и обнюхала крышку.

Чемодан пах хорошо: машинным маслом, железом, катером.

— Вот так,— сказал Прохор Петрович,— доплавались мы с тобой, Машка. Будем плавать теперь на берегу. Склад вещевой мне дают.

Весеннее солнце быстро сушило глину. Обочина дороги желтела прямо на глазах. В бухте белой уткой плавала последняя льдина.

Прохор Петрович поднял чемодан.

Ещё поворот — и открылась щитовая база. Чёрные деревянные домики на берегу, вытасщенные на зимнюю стоянку щиты.

Щиты лежали, словно старинные корабли,— задрав кверху острые носы, подняв в небо частокол мачт. На одном щите уже прилаживали между мачт серое, в заплатках полотнище.

— Здорово они его расстреляли! — сказал про полотнище Прохор Петрович.— Из пушек, видно, здесь бьют. Вот служба — рвут да чинят! Чинят да рвут.

Он замолчал и начал спускаться с дороги, тропинкой вниз.

Машка побрела следом. За зиму она вымахала в длину, отошала. За Прохором Петровичем лез чёрный с синим отливом медведь ростом с телка. Лез, осторожно ставя лапы на камни, корни, щупая, где крепче упор.

ЩИТ

На щитовой базе служба оказалась тихая. Прохор Петрович днями сидел в складе, порол тяжёлую грубую парусину, банками выдавал смолу, перекачивал с места на место свёрнутые в тугие круги канаты.

Ещё он ругал матросов.

— Ну, что вам от неё надо? — говорил он какому-нибудь здоровенному верзиле в тельняшке. — Не с кем бороться? Да вас, таких дурней, здесь сотня. Она же скоро вас рвать начнёт. Ведь растёт — силу набирает. Беда будет!

Матрос стоял перед ним потный, красный, вытирая шею разорванным рукавом рубахи.

— Где медведь? Небось спрятался теперь от тебя.

Однажды после такого разговора Прохор Петрович нашёл Машку под одним из щитов. Она лежала, привалясь к длинному коробчатому поплавку и, рыча, вылизывала шерсть.

В бухте сонно плескала вода. Над берегом пахло смолой, стучали топоры. На щите двое матросов кривыми иглами зашивали полотнище — готовили щит в море.

— Что с тобой делать — ума не приложу! — сказал Прохор Петрович и присел возле медведицы. — В город отдать — некому. В лес завести — не уйдёшь... Ну, ладно, сиди здесь, — он привстал, — мне на обед да в море: человек один подменить просит. Хоть раз посмотрю, как тут стреляют!..

Щит на стрельбу повели сразу после обеда. Подошёл буксирный катер, завёл на щит канат — щит уже качался на воде — и потащил его из бухты.

В лимане их встретила волна. Мелкая, частая.

На полигоне — в районе стрельбы — уже ждал корабль. Низкий, серый, он ходил короткими курсами взад-вперёд, держал опущенными книзу стволы пушек.

Катер повернул, повёл щит встречу кораблю. На том дрогнули и поползли вверх стволы.

«Сейчас ударит!»

Прохор Петрович оглянулся на щит и обомлел.

— Человек на щите!

На мачту щита лез человек. Он торопился, долез до половины мачты, уцепился за перекладину.

Старшина катера схватил сигнальный пистолет, бахнул вверх ракету.

— Не стрелять по щиту! — закричал в телефонную трубку радист.

У-у-у! — завывала сирена.

Но было поздно.

В воздухе что-то пропело, и за щитом вспыхнул белый столбик воды.

«Снаряд!»

— Лево руля! — скомандовал старшина.

Катер повернул к щиту.

На корабле это заметили. Выстрелы прекратились.

Когда катер подошёл к щиту поближе, Прохор Петрович ахнул:

— Машка!

Обхватив лапами перекладину, на мачте сидела Машка и испуганно озиралась.

Дрожащую, мокрую её сняли и передали на катер.

Машка тыкалась чёрным сухим носом в матросские ладони и испуганно повизгивала...

— У-у! — сказал Прохор Петрович и ткнул пальцем в покатый Машкин лоб. — Нашла куда прятаться. И сбежать не успела. Да ведь тебя могли...

Он закашлялся.

НЕТ МАШКИ

— Куда тебя деть? — снова и снова говорил Прохор Петрович, вечерами оставаясь с Машкой в складе. — Когтищи-то отрастила! И что с тобой

делать? Сегодня опять матроса помяла. Нет такого здесь, понимаешь, места, чтобы тебя приняли.

Машка смотрела коричневыми глазами в лицо хозяина и радостно гукала.

Сентябрьским солнечным днём на базу притащили баржу с досками.

Доски сгрузили. На двух машинах привезли пустые бочки из-под рыбы и свалили в трюм.

Ночью баржу увели.

Утром Прохор Петрович проснулся позже обычного. Болела голова. Плохо дышалось. Помяв пальцем грудь, он вышел на воздух.

Машки у склада не было.

У столовой тоже.

— Нет. Не видели! — отвечали на его вопросы.

«Куда же она пропала?»

Наконец один плотник сказал:

— Постой, а ведь вчера она у баржи крутилась. Бочку в сторону покатила — еле отняли. Рыбу искала!

Прохор Петрович кинулся к начальнику базы.

— Баржа? — переспросил тот. — Эка хватил! Да она уже около рыбокомбината! Часа в три рыбаки из «Победы» катером приходили и увели... Ну чего ты? Аж в лице изменился. Так и быть, бери лодку с мотором, сходи. Может, и верно медведь там.

Мотор капризничал. Он всхлипывал, со свистом засасывая воздух, чихал и, наконец, с пистолетным выстрелом завёлся.

Лодка выскочила из бухты в лиман, огибая мыс, заторопилась к рыбокомбинату.

Боковой ветер кренил её. Пологая волна совсем клала на борт.

«Медленно иду! — думал Прохор Петрович. — Медленно».

Когда он подошёл к комбинату, баржи там уже не было. На берегу волновалась толпа.

«Наверное, из-за Машки!» — подумал он.

— Эва кто пришёл! — сказал пожилой рыбак,

узнав лоцмана.— Стой, а это случайно не твой медведь тут был?

И он рассказал, что случилось.

Баржу в рыбокомбинат привели утром. Завели за мысок и там хотели поставить на якорь. Два человека полезли на баржу. Один снял с якоря стопора, второй забрался в трюм. Чтобы добраться до дна и посмотреть, нет ли там воды, он шевельнул бочку. Бочка взревела, и из неё полезло что-то чёрное.

Рыбак ахнул и вылетел из трюма.

Когда медведь выбрался на палубу, на барже уже было пусто, буксирный конец — отдан. Слабый ветер медленно разворачивал баржу на месте.

Катер умчался к берегу. Скоро там собралась толпа.

— Охотников надо, охотников! — кричали люди.

Охотники с ружьями прыгнули в лодку.

— Осторожнее — бочки! Бочки перестреляете! — кричал директор комбината.— За них деньги уплачены! Снизу стреляйте!

Между тем ветер усилился. Баржа дрейфовала к мысу. Охотники навалились на вёсла.

Уже подходя, самый горячий из них дуплетом полоснул поверх баржи. На Машкино счастье, баржа была уже около берега. Она ударилась кормой о камни и остановилась.

За песчаным пляжем начинался молодой лес. Зелёный, с рыжинкой, ельник, отступая к сопкам, темнел, переходил в тайгу.

Охотники с ружьями наперевес по одному влезли на баржу.

Машки на ней уже не было.

ДЕВУШКА

Целый день бродил Прохор Петрович по ельнику. Когда вернулся, с сапог пластами сходила болотная грязь.

На щитовую базу он пришёл поздно вечером. Собрав фанерный чемодан, сразу отправился к начальнику базы.

— Не держу,— сказал начальник.— Раз такое дело, не можешь больше,— не держу.

Ночью попутным буксиром Прохор Петрович уплыл в город.

Буксир шёл Амуром, под самым берегом. Вверху над обрывом медвежьими глазками горели огоньки.

«Снова плавать пойду,— думал Прохор Петрович.— Годик ещё протяну...»

Показался порт.

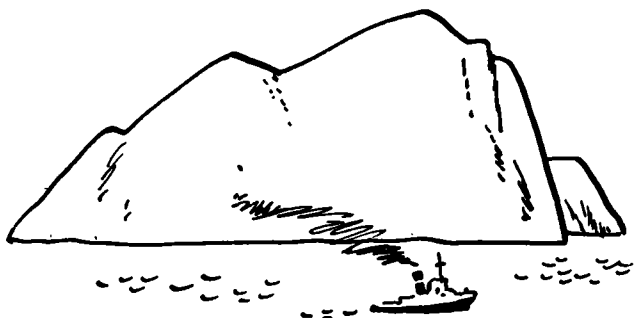
Выше портовых фонарей, выше огней на кранах светились окошки почты.

Там, за стеклянной перегородкой, сидела девушка и перебирала конверты в ящике «до востребования». Жёлтые, голубые, белые... Из пачки конвертов она вытащила толстый пакет.

«Почему он не идёт? — подумала девушка.— Уже неделю, как не был. И со щитовой никто не заходил... Завтра же пойду сама».

Она отложила пакет в сторону и подошла к окну.

На чёрной реке со стороны лимана двигались два огонька — зелёный и красный. Они перекатились от одного берега к другому, повернули, померкли, попав в круг портовых огней. Стало видно: в порт вошёл маленький буксир.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Сладков, Святослав Сахарнов . .

3

МОРСКИЕ СКАЗКИ

Как краб кита из беды выручил	9
Корабельная муха и брызгун	11
Чилим и три ползуна	12
Как ласкирь учился хвостом вперёд плавать	15
Морской петух — тригла	18
Любопытные наваги	20
Рак-мошенник	23
Крабишкин дом	25
Зелёная рыбка	28
Камбала и ласкирь	30
Почему шука в море не живёт	32
Какого цвета море?	33

СКАЗКИ О ЛЬВАХ И ПАРУСНИКАХ

Львы и парусники	39
Слоны и чернильницы	59

СКАЗКИ ИЗ ДОРОЖНОГО ЧЕМОДАНА

Женщина, которая жила в бутылке (<i>Англия</i>)	79
Далеко и близко (<i>Нигерия, по Б. Левандовской</i>) . .	84
Почему у кита большой рот (<i>Восточная Африка</i>) . .	87
Умный брат (<i>Эфиопия</i>)	89
Три брата (<i>Танзания, Занзибар</i>)	93
Кибоко Хуго — бегемот (<i>По Дж. П. Мбонде, Танзания</i>)	96
Малейтовит и его собаки (<i>Аляска</i>)	102
Сказки о черепахе (<i>Куба</i>)	107
Скупые муж и жена (<i>Центральная Индия</i>)	113
Горшок и его братья (<i>Центральная Индия</i>)	119
Волшебное заклинание (<i>Южная Индия</i>)	123
Откуда у тигра на боках чёрные полосы (<i>Вьетнам</i>)	128
Юноша, злой богач и обезьяны (<i>Вьетнам</i>)	132
Отчего бывают приливы (<i>Индонезия</i>)	134
Девочка-муравей (<i>Афганистан</i>)	137
Каппа — речной мальчик (<i>Япония</i>)	140

Мышиная борьба (Япония)	144
Сумка матери-кенгуру (Австралия)	147
Кват и паучок Марава (Океания, остров Банка)	148
Почему в стране маори так много гейзеров (Новая Зеландия)	152

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК. Повесть	157
-----------------------------------	------------

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАРОХОД

Рассказы

Живые домики	253
Пиранья	254
Море под облаками	256
Девочка и рыба	258
Мокрый цирк	260
Город осьминогов	262
Подбитая чайка	264
Два радиста	266
Как достали якорь	268
Крабы в перчатках	270
Рыба и медведь	271
Морской пахарь	273
Осьминог на скале	274
Пиратский остров	276
Стук-стук-стук	277
Полярные воды	278
Про пингвинов	279
Самый лучший пароход	—
Два колеса в воздухе	282
Злой узел	284
«Самовар» и Чайка	286

ТРИ КАПИТАНА

Рассказы

Капитан «Доротей»	291
Остров на буксире	294
Моряк из Кералы	300

КАК Я СПАС МАГЕЛЛАНА

Повести

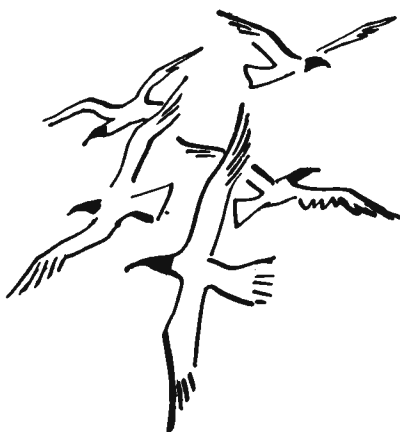
Как я спас Магеллана	309
Безногие головоногие	318

Цунами	331
Дельфиний остров	349
Разноцветное море	362

ДЕВОЧКА И ДЕЛЬФИН

Повести .

Девочка и дельфин	377
Лоцман Машка	395

Д л я д о ш к о л ь н о г о в о з р а с т а

Святослав Владимирович Сахарнов

ИЗБРАННОЕ

Том I

ИБ № 9961

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Художественный редактор М. Г. Найдёнова. Технический редактор И. П. Савенкова. Корректоры Т. В. Беспалая, О. В. Габоян. Сдано в набор 16.10.86. Подписано к печати 02.03.87. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,13. Усл. кр.-отт. 27,26. Уч.-изд. л. 18,7+1 вкл. = 18,75. Тираж 100000 экз. Заказ № 4416. Цена 1 р. 20 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Щеллофот»

200
9/3/74

1р. 20х.